**ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ,
ПОЛИТОЛОГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ**

**КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

ТРЕНДЫ НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

(опыт социогуманитарного измерения)

**Алматы
2014**

УДК 316.74:2
ББК 60.56
Б 92

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК

Под общей редакцией
З.К. Шаукеновой, члена-корреспондента НАН РК,
доктора социологических наук, профессора

Рецензенты:
Н.Ж. Байтенова, доктор философских наук, профессор
А.Г. Косиченко, доктор философских наук, профессор
Б.М.Сатершинов, доктор философских наук, доцент

Б 92 Бурова Е.Е.
Тренды новой религиозности в современном Казахстане (опыт социогуманитарного измерения). Монография/ Е.Е. Бурова. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – 200 с.

ISBN – 978-601-304-038-7

Монография посвящена исследованию состояния и тенденций современной религиозности в Казахстане с фокусом на восприятие религии в массовом сознании, на ранжирование значимых функций, выполняемых традиционными и новыми религиозными организациями, на оценку их влияния и эффективность деятельности в обществе.

Исследование выполнено с опорой на комплексное социологическое исследование новой религиозности, которое проводилось разными социологическими агентствами на протяжении ряда лет и включает обобщенные результаты массовых опросов респондентов всех регионов страны, материалы стандартизированных интервью, данные обсуждений в фокус-группах.

В Казахстане вопросы, связанные с институционализацией новой религиозности не только дискуссионны в экспертной и исследовательской среде, но и проблемны, как для выстраивания политики государственно-конфессиональных отношений, так и для формирования парадигмы религиозности, включая ее ретрансляцию в научном, учебном, просветительском дискурсах.

Работа адресована всем, кто интересуется современными социальными процессами, их влиянием на достигаемую идентичность, на духовную безопасность.

УДК 316.74:2
ББК 60.56

ISBN – 978-601-304-038-7

© Институт философии, политологии
и религиоведения КН МОН РК, 2014
© Бурова Е.Е., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение..... 5

1 Парадигма новой религиозности

1.1 Новая религиозность как эпифеномен социогуманитарных исследований..... 8

1.2 Маркеры новой религиозности..... 31

2 Состояние и тенденции религиозности в суверенном Казахстане

2.1 Трактовка религии как социального института массовым сознанием..... 39

2.1.1 Проявление роли и векторов влияния религии в обществе.... 39

2.1.2 Понимание религии и интерпретация концепта «новые религии»..... 44

2.1.3 Восприятие религиозной веры в проекции на личностную идентичность..... 47

2.1.4 Социокультурные воздействия и функциональные возможности религии..... 51

2.2 Особенности трансформации мировоззрения казахстанцев..... 54

2.2.1 Выбор мировоззрения: факторы и субъекты воздействия..... 54

2.2.2 Религиозная самоидентификация..... 58

2.2.3 Предмет веры и атрибуты религиозности..... 65

2.2.4 Индикаторы религиозности в проекции на гражданскую идентичность..... 68

2.2.5 Модель религиозности и феномен квазирелигиозности..... 70

3 Отношение к феномену религиозности в Казахстане

3.1 Оценка деятельности традиционных и новых религиозных организаций..... 73

3.1.1 Информированность и определения активности традиционных и новых религиозных организаций..... 73

3.1.2 Привлекательность новых религиозных организаций для общества в целом, социальных групп, детей и подростков... 79

3.1.3 Методы воздействия новых религиозных организаций..... 92

3.1.4 Образ лидера религиозной организации..... 96

3.1.5 Особенности новых религиозных организаций в сравнении с традиционными религиозными организациями..... 100
3.1.6 Измерение эффективности деятельности традиционных и новых религиозных организаций..... 103
3.1.7 Оценка результативности деятельности традиционных религий..... 104
3.1.8 Направленность и эффективность влияния новых религий..... 107
3.1.9 Индикаторы деятельности квазирелигиозных организаций..... 116
3.2 Религиозная конверсия: контуры и подходы к исследованию... 121
3.2.1 Восприятие конверсии и ее масштабирование массовым сознанием 121
3.2.2 Преодоление последствий конверсии в связи с прекращением деятельности религиозной организации 128
3.3 Механизмы влияния на состояние религиозности..... 134
3.3.1 Отношение к государственно-конфессиональной политике толерантности 134
3.3.2 Позиционирование общественного мнения к феномену новой религиозности..... 139
3.3.3 Формирование образа религии: каналы информирования и роль СМИ..... 144
3.3.4 Просвещение и образование: религиозное или религиоведческое содержание?..... 151
3.3.5 Будущее казахстанской государственности в контексте мировоззренческих проекций..... 163
3.3.6 Парадигмальные критерии общественного мониторинга деятельности НРО..... 170

Заключение..... 172

Литература..... 189

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Философия, саясаттану және дінтану институты туралы мәлімет..... 194

Информация об Институте философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан..... 196

Information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan..... 198

ВВЕДЕНИЕ

Под влиянием как внешних (глобализационных), так и внутренних тенденций развития в казахстанском обществе в последние десятилетия возрос интерес к религии. Рост численности верующих (тех, кто следует религиозным заповедям и в соответствии с ними осуществляет свой образ жизни), увеличение числа культовых сооружений, дискуссии о религиозном образовании и религиоведческом просвещении, трансформация законодательства о религии – далеко не исчерпывают всего перечня маркеров нового отношения общества к религии и феномену религиозности.

Тематические контексты общественного дискурса связаны не только с обсуждениями внешних форматов религиозности, таких, как религиозная атрибутика в повседневной жизни, но и с осмыслением роли, пониманием функций религии как социального института. Несмотря на то, что религия обретает новые (зачастую политически акцентированные) статусы в Казахстане, и в массовом сознании, и в экспертном сообществе сосуществуют взаимоисключающие точки зрения на ее роль и функции, на легитимизацию религиозных организаций, и соответственно – на выстраивание государственно-конфессиональной политики.

В Казахстане пока не воссоздана общая (в своей тенденциальности) картина казахстанского менталитета в целом с определением в нем религиозной компоненты – в частности. Прояснение наличной религиозной ситуации в стране в немалой степени связано с состоянием религиозности населения, с выявлением отношения граждан к этому социокультурному институту, с пониманием его предназначения и возможностей.

В связи с глобальными тенденциями, одним из трендов развертывания религиозной ситуации становится наступление новой религиозности, которая обладает как общими, так и специфическими характеристиками. В трансформирующихся обществах, когда происходит интенсивное переопределение ценностно-смысловых векторов, религиозность объективно проявляется как способ новых идентификационных стратегий для личности и

групп, при этом обнаруживается не только ее культурное, сколько социальное и политическое влияние.

Более столетия феномен новой религиозности осмысливается в философско-антропологической, феноменологической, социологической, психологической, религиоведческой и др. проекциях. В западных странах на эмпирической базе конкретных социальных исследований разработаны философские, социологические, социально-психологические, культурологические теории, объясняющие новую религиозность. Концептуализация исследований привела к институционализации социологии религии, которая воплощена в академической дисциплине, научной специальности, ее разработка успешно реализуется в исследовательских центрах.

В постсоветском пространстве новая религиозность проявляется как особенность постсекулярного развития, как тренд утратной идентичности и исследуется преимущественно в аксиологическом измерении, которое разделило исследовательские и экспертные сообщества. Неоднозначно воспринимается новая религиозность массовым сознанием, что актуализирует потребность в раскрытии трендов этого феномена, в апробации методов и стратегий его эмпирического исследования, которое возможно репрезентировать в теоретической модели. Немаловажно выявить индикаторы, которые могли бы стать маркерами мониторинга новой религиозности, так как она зачастую создает «новую укрытость», воспроизводит так называемую «конфессиональную анонимность».

Поскольку в современном Казахстане происходят интенсивные идентификационные процессы, включая религиозную составляющую, а религиозность населения является одним из основных мировоззренческих индикаторов, проявляющих трансформацию общества, то эффективную государственно-конфессиональную политику и формирование соответствующей модели светскости государства можно выстраивать только с учетом позиций, сложившихся в массовом и специализированном сознании. На наш взгляд, для обнаружения образа новой религиозности необходимо изучить особенности религиозной самоидентификации населения Казахстана, обрисовать контуры модели религиозности; исследовать характер сдвигов этноконфессиональной идентичности в условиях поликультурного общества; проявить

механизмы воздействия на религиозные взгляды и методы обращения в новых религиозных организациях; оценить риски возрастания утратной идентичности в связи с религиозной конверсией; оценить возможности и ограничения существующей правовой и религиоведческой оценки деятельности новых религиозных организаций и др.

Для реализации задачи реконструкции модели религиозности в 2012–2014 гг. проведены мониторинговые исследования Методология исследований, методика опросов и примененный инструментарий сопоставимы, как по количественным, так и качественным параметрам. Выборка квотная, двухступенная, с охватом 3000 взрослых респондентов из 14 областей Казахстана, а также Астаны и Алматы (в 2012–2013 гг.) с охватом 1000 респондентов (в 2014 г.). Корреляции проводились в связи с полом, возрастом, этничностью, уровнем образования, социально-профессиональной принадлежностью, типом поселения, регионом, уровнем дохода респондентов.

В 50-и стандартизированных интервью участвовали государственные служащие, представители политических партий, лидеры неправительственных организаций, государственные служащие, сотрудники правоохранительных органов, представители творческой интеллигенции из Астаны и Алматы.

Фокус-группы были организованы со студентами казахского и русского отделения педагогического вуза, с магистрантами технической специальности, курсантами казахской и русской групп военного учебного заведения, с молодыми преподавателями негосударственного вуза, с сотрудниками финансового учреждения, с журналистами разных поколений казахоязычного и русскоязычного изданий, с группой пенсионеров, с группой бывших адептов новой религиозной организации.

1 ПАРАДИГМА НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

1.1 Новая религиозность как эпифеномен социогуманитарных исследований

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался сменой мировоззренческих и методологических парадигм, поиском предельных оснований для нового (неклассического) типа знания, которые происходили под натиском эпохи модерна. Эпохи, начавшейся с поворотного этапа середины XIX столетия, и, не замыкавшейся «на каком-то отдельном субъекте или промежутке во времени», представляющей собой общекультурный феномен, суть которого – распад теологического значения религии, который оказался детерминирован процессом распространения культуры модернизма, фактически установившей «контакт с демоническим». По определению Д. Белла, «…модернизм как движение в культуре, присвоив себе права религии, вызвал смещение центра авторитета от священного к светскому» [1], подготовил новые возможности изучения религии. Они были вызваны потребностью в новейшей идентичности для разных субъектов, находящихся в поиске смысла, структуры и ценностей, но наиболее остро осмысливались в научной и художественной среде.

Кризис объяснительных возможностей классических теорий акцентировал востребованность в новой феноменологии, культурософском осмыслении происходящего перехода к неклассике. В создавшихся условиях актуализировалась потребность в новых подходах исследования религии как социального института, наступило время для ее социологического измерения. С рубежа XIX–XX вв. по сути, и началось многомерное социогуманитарное постижение религии, которому способствовали развитие институциональной социологии и политологии в США с 20-х годов прошлого века, а также инструментальной европейской и американской психологии.

Предпосылочность исследований новых форматов религии была определена историософскими идеями Н.А. Бердяева, А. Тойнби, О. Шпенглера, подходами П. Сорокина, которые открыли возможность ее социокультурных интерпретаций применительно к разным условиям, включая и «спокойное развитие», и социе-тальные преобразования. Для этого потребовались матрицы, которые бы совмещали различные дисциплинарные и методоло-гические стратегии: феноменологическое измерение религии, представленное Г. Зиммелем, проявило связь индивидуальной жизни и ее идентификации в мире социальном, где религиозность как «целостная фундаментальная устроенность души», «фундаментальное бытие религиозной души» воссоздается религией и обнаруживается в религиозной вере, которая, в свою очередь, представлена в религиозном бытии. Религия, по Зиммелю, «представляет в субстанции то, что регулирует групповую жизнь как форма и функция», она «некоторым образом как раз в том и состоит, чтобы это субстанциализировать» и поэтому «религия есть чистейшая, возвышенная над всеми конкретными частностями форма единства общества». Религия как форма наличного бытия приспособлена для удовлетворения религиозных потребностей, это «душевный способ жить и переживать мир» [2], придающий фрагментарному существованию единство, смысл и совершенство.

Общая атмосфера первой трети прошлого столетия сфокусировала усилия и в понимании, и в переопределении значимости (в том числе – инструментальной), и в раскрытии разных типов рефлексивности, включая религиозный. Институциональное осмысление религии Г. Спенсером [3] позволило не только понять функции религии, но и оценить актуальность религиозной ментальности для современности. В трудах У. Джеймса [4], Э. Дюркгейма [5] и Э. Фромма [6] проявлены психолого-социологические основания религиозности, а, начиная с работ Э. Дюркгейма, в социологии религии ведущей проблематикой стала идентификационная функция. Применительно к формирующей-ся социологии религии теоретические (на уровне теорий среднего уровня) и эмпирические исследования по существу оказались синхронизованными.

Благодаря своеобразной теоретико-эмпирической и междисциплинарной соизмеримости (по предмету изучения, где религия взята в ее институциональных проявлениях), с первой трети

прошлого века все более популярным ракурсом изучения становится религиозность. С одной стороны, оказывается очевидным, что религиозность как проявляющаяся сущность религии не может быть объяснена средствами науки без сопряжения с историко-культурными реминисценциями, философскими дискурсами, психологическими нарративами. С другой – наступает этап, когда порождение и распространение новой религиозности требует прояснения содержания этого феномена с позиций организации институтов, интегрированности субъектов, характера деятельности, ее мотивов, восприятия последствий.

Религиозность – одна из фундаментальных характеристик ментальности, указывающая на вовлеченность индивида, группы, общества в религию как институциональную систему, регулирующую жизнь сообществ при помощи символических систем убеждений, соответствующих ритуальных практик и традиций, посредством которых маркируется мир сакрального и профанного, задаются представления о трансцендентном. Фактор новой религиозности исследуется с позиций вопрошания о том, каким социальным потребностям отвечает этот феномен, каковы его связи с кризисом идентичности, переживаемым современностью? Исследователи приходят к пониманию, что в эпохи социумных трансформаций религиозность предстает существенным индикатором изменений, так как связана с цен-ностно-нормативной системой, имеет институциональную организацию и может существенным образом влиять на личност-ную, групповую и общественную идентичность.

Изучение религиозности привело к интенсивному развитию институциональной социологии и психологии религии, а концептуальные исследования получили развитие благодаря не только воссозданному в философии религии теоретическому базису, но также в связи с систематическими эмпирическими измерениями процесса религиозности. Исследователи религиозности выде-ляют три этапа (или волны), важных для восприятия системной целостности эпифеномена религиозности: рубеж XIX–XX вв., 1960–80-х гг., этап с 1990-х гг. по настоящее время. Каждый из этапов примечателен выделением особой предметности, дисцип-линарными возможностями исследований, выбором методов.

На первом этапе происходит осмысление новых институцио-нальных форм новой религии, которые заметно отличаются

от традиционных и инкорпорируются в жизнь сообществ особо. М. Вебер обратил внимание на то, что внеконфессиональные направления (или сектантство – распространенный и укорененный термин в западной социологии религии, который в отечественной социогуманитаристике зачастую наделяется отрицательным аксиологическим коннотатом, что контрпродуктивно) в значительной степени влияют на формирование мировоззрения современного общества [7].

Р. Нибур в 30-е годы XX века называет одну из причин быстрого роста сектантства, связывя ее с недостаточным фокусом церкви на духовных вопросах и предполагая, что будут изменяться институциональные формы религиозности [8]. Исследователи феномена сектантства (преимущественно в США) совершенствуют категориально-терминологический аппарат в этой области путем введения новых понятий, характеризующих типы религиозных организаций. Одновременно с Р. Нибуром Г. Беккер предлагает расширить понятийный аппарат в анализе сектантства и выдвигает концепцию типов религиозной организации, которые представлены через концепты «церковь», «деноминация», «секта» и «культ» [9], важные для понимания институциональных характеристик новой религиозности. Дихотомия «церковь-секта» изучалась М. Вебером и Э. Трёльчем [10], Р. Нибур раскрыл промежуточный статус деноминации как переходное состояние от секты к церкви, Дж. Йнгер [11] выделил признаки устойчивой секты. В современной социологии религии содержание концептов «церковь», «секта», «деноминация», «культ» формализовано и не является дискуссионным, эти понятия стали классическими в словарях социологии религии.

В 30-е–60-е годы XX века в западной парадигме доминирует трактовка феномена религии как инструмента доступа к властным и иным ресурсам, как способа регулирования социальных отношений и поддержания социального порядка. Э. Трёльч формулирует концепты изучения форм религиозной организации как пространства идентификационных процессов. Изменения типа религиозной организации (секта – устойчивая секта – деноминация – церковь, культы) стали специальным предметом исследования в западной социологии религии.

Проблематизируемыми предстают вопросы взаимодействия религиозных институций с обществом, с социокультурной средой.

Особенно актуально это для новых религиозных организаций, так как зачастую им приписывают свойство создавать «напряжение» во взаимодействии с обществом, и тогда на первый план выходят дисфункциональные характеристики религиозности.

Как известно, целью религии является транслирование и воспроизводство нормативно-ценностных каркасов духовности, в том числе – определенных целей, ценностей, норм и идеалов. Для этого религиозные институты вырабатывают систему вероучений, создают средства их обоснования и защиты, вводят системы контроля и осуществления санкций за исполнением религиозных норм и предписаний, реализуют стратегии взаимодействия с миром, обществом и государством. Как правило, у институтов традиционной церкви достаточно развиты функции интеграции в социокультурную общность, в том числе – в процессе поиска общих смысло-ценностных ориентиров. У сектантских организаций преобладают присущие им черты групповых устремлений: изоляционизм, оппозиционность, эгоизм и скорее развита конфронтация по отношению к обществу, его институтам и ценностям.

В начале 60-х годов XX столетия Б. Джонсон [12] предложил критерий классификации всех религиозных организаций по типу их отношений к тенденциям принятия или полного неприятия окружающего мира. Проявился критерий выраженной девиантности, в соответствии с которым религиозная организация девиантна в той мере, в которой проповедуемые ею нормы и ценности отличаются от принятых в обществе, способствуют возникновению напряжения между членами организации и внешним миром. По выявленному критерию оказывается, что церкви характеризуются низкой степенью напряженных отношений, а секты – высокой.

Р. Мертон, сравнивая потенциал религии в дописьменных и в современных технологических обществах предостерегал от попыток «выделять только явно интегративные последствия религии и игнорировать ее возможно дезинтегративные последствия в определенных типах социальной структуры». В частности, он рассматривает ситуацию, когда в одном обществе сосуществуют разные религии и происходят серьезные конфликты между разными религиозными группами. Что может стать объединяющим началом, когда «общество достигает единства [в той степени, в которой оно проявляет такое единство]? И отвечает, что, в первую

очередь, благодаря тому, что у его членов есть общие конечные цели и ценности». Как показала практика, достижение общих целей и ценностей у разных религиозных групп, у верующих и неверующих, а также интеграция разных ценностей в единую систему, равнозначную и разделяемую всеми и каждым пока не реализованы. Р. Мертон отмечал, что «теоретическая система функционального анализа должна четко требовать точного определения единиц, для которых данный социальный или культурный элемент является функциональным. Она должна четко допускать, что данный элемент может иметь разные последствия, функциональные и дисфункциональные, для индивидов, подгрупп и для более широкой социальной структуры и культуры» [13, с. 117–119]. Как представляется, это методологическое условие возможно развернуть в критерий для выявления функциональности/дисфункциональности в отношении новой религиозной структуры.

С конца 1960-х гг. типологические характеристики новых религиозных движений, воссоздающих своеобразную субкультуру, изучали А. Баркер [14] (описала новые религиозные движения с объективистских позиций), К. Кэмпбелл [15] (исследовал современную культовую среду, включающую альтернативные практики и верования), Т. Роззак [16] (предложил расширенную классификацию новых религиозных верований, включив в нее современные мистические практики, целительские культы и т. п.), Б. Уилсон [17] (обосновывал концепцию радикального секуляризма, который «обрушил» традиционные нормы-ценности) и др.

В 60-е годы в работах П. Бергера, Т. Лукмана [18] исследование института религии эволюционирует в тренд конструктивизма. П. Бергер связывает кризис церкви в Европе с плюрализмом как утратой монополии церкви в определении духовных ценностей. Американский социолог оценивает процесс секуляризации и масштабы воспроизводства «невидимой религии», «священной завесы», выполняющей двойственную функцию: быть средством легитимации объяснения и оправдания социального порядка и выступать средством восприятия для индивида «правильности» реальности – с одной стороны. А с другой – фальсифицировать осознание человеком собственной активности. Секуляризация оказывается враждебной экзистенциальному и трансцендентному измерениям человеческого бытия благодаря тому, что плюрализм на уровне социальной структуры «деобъективирует» со-

держание религии, «субъективирует» её, приводят к кризису идентичности, деструктивному по сути.

Рефлексивный характер человеческой деятельности становится фокусным в связи с работами Г. Блумера [19], Э. Гидденса [20], П. Бурдье [21], Н. Лумана [22], которые исследовали определяющее значение коммуникаций для конструирования идентичности в социальных системах. В 80-е годы Р. Старк и У. Бейнбридж [23] предлагают факторный анализ в исследовании феномена новых религий (сектантства).

Для интерпретации новой религиозности важно обращение к ряду концепций и методологических принципов, вне и помимо которых трудно понять специфику этого явления. Значительное влияние на методологию эмпирических исследований в целом в прошлом столетии оказала ценностная парадигма, которая выступала предельным основанием для разработки инструментария конкретных социальных исследований. Общеизвестно, что имманентные свойства религиозности напрямую связаны с ценностно-означенными перспективами предельных смыслов, с поиском целевых стратегий жизни на разных уровнях: личностном, групповом, общественном. Согласно концепции Т. Парсонса [24], ценности в их целевом статусе интегрируют жизнь общества, проявляют его специфические идентификационные черты и отличия от иных сообществ.

Описывая «духовный водоворот» современности, Э. Тоффлер отмечает, что «каждый день приносит нам новые причуды, научные открытия, религиозные и общественные движения и выступления. Пантеизм, нетрадиционная медицина, социобиология, анархизм, структурализм, неомарксизм и новая физика. Восточный мистицизм, технофилия и технофобия, а также тысячи других течений и противотечений пронизывают защитный экран сознания, и у каждого из этих явлений есть свои научные жрецы или сиюминутные гуру». В этом экранированном сознании, когда «началась лавинная атака на фундаментальную науку», «мы видим всепожирающий огонь возрождения религиозного фундаментализма и отчаянные, безнадежные поиски того, во что можно поверить» [25].

Рассматривая в рамках концепции динамики современной культуры новые культы как рынок спиритуальных товаров с неограниченным числом вероучений и религиозно-мистических практик для удовлетворения широкого спектра индивидуальных

и общественных потребностей: от экстатических переживаний до причудливых мировоззрений, от экзотических восточных монашеских объединений до тайных религиозных орденов и полувоенных организаций с возможностью использования подоб-ных «спиритуальных товаров» в качестве средств террористической и антигосударственной деятельности, Э. Тоффлер связал новую религиозность с шествием и разрушением второй волны, которая породила корпорации, в том числе, квазирелигиозные, надзирающие за духовностью и предоставляющие возможность обрести общение в теологически автократической группе: «никогда раньше не было такого количества людей во многих странах, даже образованных и, возможно, умудренных опытом, но столь беспомощных интеллектуально, буквально тонущих в водовороте противоречивых, спутанных, разнообразных идей.

Сталкивающиеся противоположные восприятия сотрясают нашу духовную вселенную». Корпорации трансграничны, предлагают свои услуги тем миллионам людей, что «занимаются поисками своей идентичности или какого-то магического средства, которое помогло бы им вновь обрести свою личность, мгновенно дало бы ощущение близости или экстаза, привело бы их к более «высокому» состоянию сознания». Индустрия человеческого потенциала становится достоянием квазирелигий.

Признавая вклад США в современные идентификационные процессы, Э. Тоффлер прямо ссылается на популяризацию саентологами с 50-х г. дианетики, развертывание с 70-х г. куль-тистских движений (под видом разнородных «терапий»): «…религиозные культы Америки не остались в стороне, они без лишнего шума разворачивали свою деятельность по всей стране, собирая огромные денежные средства и вербуя новых членов». Распространение квазирелигий происходило не только между побережьями, но и в глобальных масштабах. При этом, по мнению Э. Тоффлера более важными, чем «растущая индустрия человеческого потенциала», оказались движения христиан-евангелистов, которые обращались к более бедным и менее образованным слоям населения, «искусно используя возможности радио и телевидения», посылая на гребне волны возрождения «своих последователей бороться за спасение в обществе, которое они изображают как упаднические и обреченное» [25].

К середине XX века (на рубеже 60–70-х годов) новые религиозные культы проявляются массово в США и в Западной Европе,

бросая вызов секуляризации и инициируя исследования новой религиозности. Этот период отмечен такими основными направлениями инноваций, как 1) рост евангелических, фундаменталистских движений; 2) возрастание популярности восточных религий: индуизма, буддизма и др.; 3) распространение групп и движений, превозносящих «человеческий потенциал» с их стремлением «развить неиспользованные ресурсы человеческой личности» методами вульгаризованной психологии и практики аскезы; 4) появление авторитарных сект и культов, сосредоточенных на личности харизматического лидера, обладающего значительной властью над своими адептами.

В результате трансформации религиозности с 90-х годов в западной социологии и философии религии исследуются различные формы институциональной динамики внеконфессиональных форм религий, существенным образом отличающихся от конфессиональных и традиционных верований. Переосмыслены институциональные формы, деятельностные функции религии; сформировался устойчивый категриально-понятийный аппарат и непротиворечивые общенаучные глоссарии, позволяющие выявлять тенденции религиозности, осуществлять типологию религиозных организаций, разрабатывать политику в отношении религии. Совершилась институционализация научного направления, связанного с исследованием новых религий, и соответственно, – новой религиозности. Таким образом, в течение столетия религия как институт, деятельность и сознание, религиозность как формат проявления религии исследовались в различных проекциях и научных традициях.

В современных обществах религиозность проявляется как фактор гражданской идентификации, с чем связан феномен так называемой «гражданской религии» США, которая больше коррелирует не с религиозной, а с гражданской идентичностью и основана на абсолютизации ценностей как политических символов, а не символов религиозной веры. В процессе социологического и философского осмысления новой религиозной культуры в американской парадигме формируется институциональный подход, который связан с мониторингом социальной активности новых религий и движений; оценочным отношением населения к ним; выработкой специального терминологического словаря.

Стремительное изменение религиозных ландашфтов в странах с разными политическими и культурными традициями на-

прямую связано не только с потоками мигрирующих носителей религиозного сознания, но также и с направленным влиянием глобализации, которая приводит к кризису религиозной идентичности в результате конверсии.

В трудах западных исследователей показано, как социетальные сдвиги существенным образом влияют на структуры и типы рели-гиозности. В связи с таким пониманием ими выявлены тенденции формирования новых форм религиозного сознания, описаны видоизменения механизмов реализации идентификационной функции религии, представлена ее социализирующая роль в зависимости от степени религиозности общества, типа государственности и статуса религии.

Последнее и приводит к дискуссионности вопроса о векторах трансформационных процессов в современной религии и к выработке общепризнанных категориальных словарей мышления для описания и объяснения этих изменений, которые не просто синхронизированы во времени, но и еще и «растекаются» в транснациональной инкорпорированности, благодаря наступлению глобализационных сдвигов. Как отмечает М. Дорфман, **«… разрывая с традиционной культурой, религиозные движения становятся международными, транс-национальными факторами»** [26].

Заслуживает внимания анализ трансформации религии в условиях глобализационных вызовов, представленный А.Д. Шатуновым. Отмечая, что глобализация во влиянии на церковь «носит весьма противоречивый характер», автор называет его основные проявления: «… углубление противоречий и разрыв религии с социально-исторической традицией», размывание «конфессиональной определенности позиций верующих», что вызвано смещением границ и разрушением «социокультурных, особенно традиционных, констант», унификацией культурных образцов и утратой традиционной религиозной принадлежности, социально-этнической ассимиляцией, детерриториализацией религии, «экспортом» религиозных традиций.

К чему приводят глобализационные влияния на религию? К ее дальнейшей секуляризации, которая проявляется в таких характерных чертах, как «подмена модуса веры модусом культурно-национального идентитета»; обмирщение; коммерциализация; появление «сетевой религии» с «подвижной сетью автономных

общин, независимых от национальных и конфессиональных границ»; распространение неформальных религиозных движений, групп, ассоциаций, вытесняющих церковь «из сферы социально-значимых отношений и замещающих ее деятельностью новых сект»; процветание синкретизма и новый синтез вер вне и помимо определенных религиозных систем; рост «формальной религиозности» и формирование нового, близкого к светскому, типа верующих» и др. Таким образом, «религиозный передел мира», который порожден глобализацией, способствует росту «взаимной нетерпимости к другим религиям, превращению религии в силу раскола и источник конфликтов среди народов» и объясняет «подъем фундаменталистских религиозных движений» как превращенную форму патриотизма [27].

Рассматривая особенности процессов секуляризации по западному лекалу, которые соотносятся со светскими политическими режимами (отделением школы от церкви, равенством прав верующих и неверующих, утратой легитимирующих функций традиционными религиями, эрозией мировоззренческой и компенсаторной функциями религии, манифестированием принципов свободы совести и плюроализма ценностей и др.), А.В. Журовский подчеркивает, что «вместо концентрированных религиозных традиций возникает плюралистическое поле размытой религиозности, квазирелигиозности, религиозного синкретизма, оккультизма, новой религиозности. В результате важнейшей особенностью существования традиционных религий в современном секулярном мире стала их острая конкуренция с т. н. нетрадиционными религиями (новыми религиозными движениями)».

Ученый выделяет две тенденции, связанные с вызовами секуляризации:

1- реакция традиционных религий как а) адаптация через модернизацию и аккультурацию (осовременивание), или б) протест посредством фундаменталистского проекта, который «оказывается опасен и для самой религиозной традиции, и для секулярного мира, и для новых религиозных движений»;

2- новые религиозные движения, как в странах традиционной демократии, так и в молодых демократических государствах «оказываются в стратегическом альянсе с правозащитными организациями и в оппозиции традиционным религиям», что говорит об очевидности линии конфликта.

Суть конфликта между традиционными и новыми религиями в том, что инновация старается отменить традицию, а в предельном своем целеполагании – стать новой нормой и превратиться в традицию. А.В. Журавский отмечает, во-первых, что в религиозном дискурсе это именуется религиозным прозелитизмом, нарушением канонической территории, в социокультурном — размыванием традиционной религиозной идентичности». И во-вторых, что «для любого государства инокультурные интервенции импортных форм религиозности — как форм политического влияния других государств на религиозный ландшафт данного государства — представляют собою фактор радикализации и политизации религии».

Поскольку сегодня функционирует плюралистический рынок культурных традиций и инноваций, включая традиционные и новые – нетрадиционные религии, а состояние конвергенции вер отсутствует, то между ними обостряется противостояние, то автор заключает: «…современное государство, исходя из прагматических интересов и существующих глобальных вызовов, все чаще предпочитает делать выбор в пользу местных религиозных традиций» [28].

Интересен подход А.Н. Крылова [29], он исследует религиозную идентичность в секуляризирующемся мире и показывает снижение значения традиционной функции религии – функции социализации – в условиях противоречиво развертывающихся идентификационных процессов в современном Европейском Союзе, где масштабируются условия для религиозной конверсии и происходит снижение влияния христианства на культурную идентичность. Ученый применяет не только философско-религиозные, но и социально-философские, политологические, социологические стратегии, совершенно необходимые для исследования феномена религиозности в современном культурном и геополитическом пространстве с позиций идентификационных процессов.

В разных культурных анклавах статус, функции и действенность религий по-разному воспринимается и оценивается. Практически всеми исследователями религиоведения, социологии религии, признаются ее высокий адаптационный потенциал и возможность быть примененной в качестве эффективного инструмента геополитики. Тематические контексты массивов научной информации, так или иначе посвященной анализу религии в со-

временном мире, введенные в научный дискурс во второй половине прошлого столетия, указывают на явную тенденцию смещения исследовательского интереса от доктринальной проблематики к изучению статусов, роли, функций, процессов институциональной динамики и проч. вопросам.

Так как религия в современных обществах выступает как стратегический ресурс не только в масштабах глобального, регионального, национально-государственного развития, все чаще обретая статус политического инструмента и становясь центром идентификационных процессов, то для групповой и личностной идентификации осмысленность религиозной парадигмы становится первостепенной. Религиозность становится эпифеноменом не только в контексте своей бытийности, как значимая характеристика ментальности, но также еще и как институциональная система, оказывающая результирующее воздействие на жизнь обществ, включая их современные модификации. Именно поэтому изучение ее состояния, образа, динамики, тенденций помогает понять тренды социетальных сдвигов, что чрезвычайно важно в разработке механизмов и стратегий развития. Все с большей очевидностью становится ясно, что религиозность в современную эпоху проявляется не просто как черта индивидуализированного сознания и поведения, а используется как важнейший геополитический инструмент влияния.

Исследования религиозности в западной научной традиции стали возможными и необходимыми по нескольким причинам, в числе которых: ее видоизменяющиеся формы в условиях функционирования секуляризирующихся обществ, адаптация института религии к социетальным трансформациям, возрастание роли религии как инструмента политических технологий. Как показывает предпосылочный анализ, религиозность может исследоваться в контексте различных предметных областей, а также и в их пересечениях. Поэтому в процессе исследования религиозности необходимо учитывать ракурс интерпретации: культурологический, философско-гносеологический, психологический, религиоведческий, политологический, социологический и др. Важно отметить, что объяснительные возможности теорий как перечисленных, так и не упомянутых отраслей познания при акцентуации предметных областей исследования выступают взаимодополнительными в силу многомерности, многофакторности и динамической изменчивости религиозно-

сти как эпифеномена. Главными теоретико-методологическим инструментарием выступают феноменологическая редукция, культурно-историческая компаративистика, концептуализация, моделирование.

В силу своей автономности и институциональной закрытости, влияния новой религиозности на повседневную жизнь общества не обнаруживаются прямо, непосредственно или синхронно с наличной культурной, социальной, политической ситуацией. Более того, из-за ценностно-детерминированной системы опосредствований и реально достигнутой плюральностью менталитета влияние религии не может быть оценено с позиций одно-однозначного соответствия.

Постсовременность как исторический рубеж эпохи конца традиционализма в культуре, экономике, политике существенно меняет и представления о религии и религиозности. Последние все чаще выступают не характеристиками фундаментальных основ мироздания, а его нарративами. Коннотационные сдвиги все больше отождествляют понимание религии с убеждениями вообще (часто не имеющими религиозной основы), религиозные организации сравнивают с сетевым маркетингом, цели религиозного воздействия – с психологией манипулирования и политическим влиянием.

Отчасти эти процессы объясняются новыми политическими стратегиями, проводимыми институтами европейской демократии, в которых главенствуют принципы так называемого «открытого диалога», обосновываются нормы абстрактного права (в формате яростной защиты «свободы выражения», которые объединяют интересы всех «нетрадиционно ориентированных», начиная с адептов новых религиозных движений и завершая представителями ЛГБТ-сообществ). Утверждение парадигмы ценностей нового глобального порядка стало открыто манифестироваться политическими институтами, имеющими статус международных, такими, как ОБСЕ. Понимание религии в контексте глобальной политики существенно деформирует ее сущностное предназначение быть институтом воспроизводства духовности.

Религия в современных обществах выступает как стратегический ресурс не только в масштабах глобального, регионального, национально-государственного развития, все чаще обретая статус политического инструмента и становится эпицентром идентификационных процессов также для групповой и личностной иденти-

фикации. В России (в разных исследовательских структурах) осуществлен прорыв в исследовании новой религиозности и знание об этом феномене получило институционализацию в учебных предметах, в словарях, защищаются диссертации, созданы апробированные методики и техники измерения, сформирована база данных для разных регионов. Но статус, функции и значимость новых религий воспринимается и оценивается далеко не однозначно, часть исследователей работает в рамках объективизма и апологетики, в рамках разных аксиологических и методологических парадигм.

Несравненно меньшее по количеству, но не уступающее по уровню теоретической рефлексивности исследовательское поле новой религиозности развернуто в Беларуси. В академических и образовательных структурах действуют научные центры, способствующие институциализации социологии религии: Институт Социологии БНАН (Минск), проводящий раз в пять лет мониторинг религиозности в стране; Центр социальных и политических исследований при БГУ (Минск); Сектор конфессиональных и этнонациональных исследований при Центре изучения Пограничья в БрГУ (Брест). Кроме того, в стране активно работают несколько христианских центров, где ведутся исследования жизни религиозных общин и их участия в культурной и социальной сферах.

Исследования и в России, и в Беларуси организованы в контексте изучения новой религиозной идентичности, деятельности новых религиозных организаций и интенсивно проводятся с 90-х годов прошлого столетия, что совпадает со временем массового вторжения этих организаций в социальное пространство постсоветских стран. Следует отметить, что и в России, и в Беларуси сформировались научные направления, в частности – социология религии, включающая социологию новой религиозности, что способствует не только достижению фактологической убедительности результатов в репрезентации многообразия религиозной жизни, но и выявлению политической ангажированности исследователей. В России сформировался корпус религиоведов, активно и политически заданно формирующий не только позитивный образ новых религиозных движений, но и доказывающий историчность и даже традиционность их присутствия в религиозном поле. В российском научном сообществе четко прослеживаются полосы демаркации в исследовании новой религиозности.

В работах Е.Г. Балагушкина [30], Л.М. Воронцовой [31], К. Каариайнен [32], С.Д. Лебедева [33], М.П. Мчедлова [34] , Ю.В. Рыжова [35], Ю.Ю. Синелиной [36], М.А. Тарусина [37], Н.А. Трофимчука [38] , С.Б. Филатова [39], Э.Г. Филимонова [40], Д.Е. Фурман [41], В.Ф. Чесноковой [42] , И.Н. Яблокова [43], Ю.А. Яковлевой [44] и др. освещены разные аспекты новых религиозных движений в их возникновении и функционировании, ставятся проблемы их классификации, институциональных влияний на систему образования, просвещение, социализацию, групповую идентичность, безопасность личности, общества и государства, изучаются индикаторы новой религиозности. Исследователи анализируют не только о культовые практики, но и институциональную организацию, общественную активность новых религиозных движений.

В работах белорусских ученых О.Ю. Бреской [45], А.В. Гурко [46], С.Г. Карасевой, Е.В. Шкуровой [47], В.А. Мартиновича [48], С.А. Морозовой [49], Л.Г. Новиковой [50] рассматриваются методологические вопросы религиозной идентичности и на базе конкретных социальных исследований выявлена картина и тенденции новой религиозности.

Анализ внекультовой деятельности новых религиозных организаций приводит ученых к выводу о их достаточно высокой направленной социальной активности, политическом потенциале, которые становятся своеобразными каналами социализации различных групп граждан. Эти организации нередко выдвигают собственные социально-политические парадигмы и культивируют соответствующие ценностные ориентиры, чаще всего – альтернативные существующим в обществе.

У новой религиозности как социального феномена есть свои апологеты из среды религиоведов, социологов, юристов, психологов, государственных чиновников, журналистов, медиков. В России уже проявлена тенденция защиты диссертаций, посвященных «отбеливанию», пропаганде и продвижению положительного имиджа некоторых новых религиозных организаций, имеющих в своем послужном списке немало «черных» пятен. Сейчас уже не скрывают, а проводят открыто и размещают на Интернет-ресурсах программы и тексты участников различных апологетических форумов, собирающих исключительно сторонников из числа религиоведов, философов, правозащитников, журналистов, педаго-

гов и др. Создаются сети, усилиями членов которых проводится исследовательская, пропагандистская, обучающая, просветительская работа, направленная на противостояние традиционным ценностям, включая традиционные религии. Подобная деятельность развернута в России масштабно, в Казахстане – сегментарно. Хотя, и там, и у нас в стране проводятся форумы в различных форматах, издаются рекомендации и методические указания, пишутся концепции, учебные пособия, учебники, составляются хрестоматии, публикуются интервью и устраиваются «горячие линии». Предметно-тематическая деятельность апологетов новой религиозности, как правило, очерчивается гуманистической перспективой принципа свободы совести, а аксиологически простирается в сферу сбора и комментирования юридических доказательств притеснения новых религий, обвинения всех, кто не согласен с экспансией псевдорелигий в традиционное культурное пространство (кстати, их объединяют в группу «антикультистов»), пропаганду толерантности через обучение и воспитание (начиная от детских дошкольных учреждений), разъяснение так называемых европейских стандартов в противодействии антисектантству. Кстати, довольно часто устраивают телемосты, видеоконференции, где напрямую презентуют своим западным гуру достигнутые результаты в обмен на новые установки в отношении противодействия антикультизму.

Задачи, которые объединяют апологетов новой религиозности, исключительно политические, а на их достижение выделяются немалые средства, ведь надо сформировать устойчивые стереотипы в массовом сознании через СМИ (необходимо постоянно давать комментарии по ситуации в религии и вокруг нее, обличая государственную политику и всех, кто ее проводит), в учебном знании (требуется разрабатывать и издавать учебники, хрестоматии), в просвещении (надо в самых популярных СМИ создавать себе имидж независимых квалифицированных специалистов, пекущихся о демократии и справедливости). Кроме того, апологеты должны не только работать в органах власти, управления, в системе образования, медицины, в ключевых отраслях экономики, бизнеса, финансов, в СМИ, а также стремиться к присутствию в различных государственно-общественных советах, комиссиях.

Сейчас поставлена и выполняется задача «достойной смены поколений» вообще и воспитания нового поколения экспертов-религиоведов (лояльно настроенных к новой и протестно – к традиционной религиозности) – в частности. Дело в том, что у истоков апологетического движения в постсоветских странах стояли бывшие партийные функционеры-атеисты, которые претерпели серьезную трансформацию мировоззрения в целом, включая перемену политических убеждений, модификацию научной совести. В условиях наступления новой религиозности они перешли на прямо противоположные для себя позиции: от научной критики новой религиозности до ее яростной защиты. Их ученикам значительно легче, так как нет необходимости рефлексировать по поводу связи с традицией, с гражданственностью, с научной объективностью.

Первые попытки представить новые религии предпринимались Я.Ф. Трофимовым и В.А. Ивановым [51], которые анализировали новые религиозные направления, получившие в нашей стране к концу 90-х годов институционализацию. В 2002 году А.И. Артемьевым, С.Ю. Колчигиным, И.Б. Цепковой были изданы и в 2011 году переизданы два тома хрестоматии «Религии в Казахстане» [52], которые представляют собой определенным образом сгруппированные извлечения из текстов в основном нетрадиционных и культистских. Представленный подход резонирует с имеющимися в мировой научной практике в части аксиологической оценки репрезентируемых верований в статусе религий. В.А. Иванов обосновывает религиозный статус саентологии, Я.Ф. Трофимов популяризирует знания о саентологической структуре [53], А.И. Артемьев [54] прилагает немало усилий для доказательства традиционности организации «Свидетели Иеговы» в Казахстане, при этом осуществляет стремительную трансформацию научных убеждений, проходя путь от критика до апологета учения мунитов, возглавляя подразделения этой организации на территории Казахстана.

Казахстанские религиоведы, философы исследуют разные аспекты бытия религии сквозь призму сравнительно – исторического, институционального, деятельностного изучения при этом проявляют отличающиеся аксиологические подходы в оценке новых религиозных движений: от их апологетики до критики.

Ситуативный анализ для Казахстана показывает, что в стране проявляются как общие, так и специфические особенности развертывания процесса религиозности. В научном казахстанском сообществе работы по религии, религиозному полю, религиозности населения охватывают разные аспекты.

Отметим подходы в исследовании религии как института и деятельности, предпринятые в период наступления новой религиозности авторским коллективом под руководством Нысанбаева А.Н. [55], социологическое исследование роли ислама и его лидеров А.Г. Косиченко и В.Д. Курганской [56], состояние религиозной идентификации З.Г. Джалилова [57], социологические измерения Г.Т. Телебаева. Влияния новых религиозных культов, организаций и движений, их воздействия на молодежь осуществляют ученые, работающие в вузах Казахстана: Н.Ж. Байтенова, К.М. Борбасова, Г.Ж. Джуманова и др. Исследования общих параметров мировоззренческой идентификации в проекции на гражданственность осуществлены в КИСИ, анализ религиозных и либерально-демократических ценностей в условиях глобализации, исследование религиозной конверсии в постсоветском Казахстане проводила Ю.В. Шаповал [58], предпосылочный анализ религиозных институций церкви и секты в возможностях противодействия религиозному экстремизму сделан В.Ю. Дунаевым [59], роль ислама в религиозной идентичности казахстанцев раскрывается Б.М. Сатершиновым. Н.Л. Сейтахметова акцентирует исследовательский поиск на парадигме евроислама как согласительном концепте традиции и новации, а также вопросах исламского образования и знаний о традиционном исламе ханафитского мазхаба.

Особый сегмент исследований новой религиозности центрируется на проблеме религиозного экстремизма, который освещается с опорой на социологические измерения и политологический анализ Е.Т. Кариным [60], Г.Т. Илеуовой, М.М. Шибутовым, В.В. Абрамовым [61]. Проблемы религиозного мистицизма в проекции на деятельность нетрадиционных религиозно-мистических течений, сект и культов в Казахстане исследовались Л.А. Умирзаковой и М.Б. Асанбаевым [62].

Несмотря на особое внимание к феномену религиозности и специфике новых религиозных организаций за рубежом (опыт США, европейских стран, России, Беларуси), проводимые в Казахстане научные исследования пока не достаточны, методологи-

чески не вполне обоснованы, эмпирически мало верифицируемы и нередко (в отношении новых религиозных движений и организаций, укореняющихся в стране) – откровенно апологетичны. Не случайно, поэтому в последнее время воспроизводится немало экспертных констатаций в отношении уровня религиозности населения Казахстана, противоречащих не только здравому смыслу, но и не коррелирующих с социальной статистикой. Несмотря на инициативную законотворческую деятельность в отношении религии и религиозных организаций, соответствующей деятельности, ситуация с реальным состоянием религиозности в Казахстане не становится более ясной, предсказуемой.

Поликонфессиональность казахстанского общества актуализирует исследования религиозности, которые включают не только выбор методологического инструментария, а также разработку методик для проведения полевых исследований, создание надежной эмпирической базы, приемлемой для последующей теоретической реконструкции в модели. В связи с тем, что социология религии как институциональное направление пока не сформировано в отечественной научной традиции, исследования религиозности не носят систематического (мониторингового) характера.

Исследования феномена религиозности в современном Казахстане пока не стали систематическими, поэтому в целом состояние религиозного сознания остается не вполне проявленным. Существенны расхождения в оценке сущности и тенденций функционирования религиозного сознания религиоведами, политологами. В силу отсутствия достаточно репрезентативной эмпирической базы измерения религиозного сознания затруднено воспроизводство его теоретической модели, что существенно снижает возможности разработки эффективной религиозной политики.

Изучение религиозности предполагает введение в мониторинг специфического ряда измерительных параметров, в том числе – установок мировоззренческого восприятия мира, религиозную самоидентификацию, включенность в религиозный образ или контексты жизни, отношение к государственной политике в области религии, оценку деятельности религиозных институтов и др. Поэтому, находясь «в начале пути» в изучении сложного, динамичного явления – новой религиозности, которая обладает высокой мерой субъектного воздействия, следует реализовать ряд теоретико-познавательных и эмпирико-прикладных задач. Среди

них мы выделяем: изучение общих ареалов феномена религиозности с выявлением дисциплинарного многообразия и особенностей исследований; разработку инструментов для количественного и качественного измерения религиозности; корректный анализ эмпирических данных с использованием процедур квантификации, визуализации и репрезентации исследуемого эпифеномена; выделение универсальных (типических) свойств (характеристик) новой религиозности, соизмеримых в экспертных оценках и в массовом сознании.

Реальность такова, что в период суверенизации значительно увеличилось количество религиозных организаций и групп, а новые религиозные движения разного толка (на ниве исламизации, евангелизации, неоориенталистики, сетевого маркетинга и проч.) достаточно «успешно» интегрировались в толерантное казахстанское общество, действуя не всегда открыто и даже нелегально. Исследования показывают, что за время суверенного развития изменилась мировоззренческая атмосфера общества, в том числе по таким демаркационным линиям, как «светскость/религиозность», «традиционная религиозность/новая религиозность», «истинная религиозность/квазирелигиозность».

Характеристики религиозности существенно разнятся в экспертных оценках, которые нередко политизированы и не учитывают картину реально происходящих процессов. *Ре*лигия обретает новые (зачастую излишне политически акцентированные) статусы в Казахстане, и в экспертном сообществе сосуществуют взаимоисключающие точки зрения на ее роль и функции как социального института, на легитимизацию религиозных организаций, и соответственно – на выстраивание государственно-конфессиональной политики.

Наличие в Казахстане немногочисленного экспертного сообщества в области религии не привносит ясности: исследователи работают в разных парадигмальных контекстах, и методологических и аксиологических. Это вызвано не только сложностью теоретической соизмеримости модельных реконструкций феномена религиозности применительно к современному и постсовременному миру. Когда современная религиозность (как традиционная, так и новая) обретает типологические характеристики, связанные с попыткой понять трансформацию традиционной

институциональной религиозности с точки зрения факторного, функционального, детерминистского, структурного подходов, то обнаруживается, что они не применяются в «чистом» формате и не экстраполируются в профессиональной ментальности напрямую, а всегда проецируются сквозь сетку аксиологических акцентуаций. Таким образом, применительно к Казахстану следует особо отметить, что экспертное сообщество не объединено общей методологической и тем более – аксиологической – парадигмой в отношении определения религии как института, осмысления ее функций и возможностей в поликультурном и многоконфессиональном обществе и светском государстве и потому находится в состоянии диссенсуса в определении так называемой «новой религиозности».

Современное казахстанское общество де-факто характеризуется поликонфессиональностью, многоэтничностью, сложившимися исторически. Это обусловливает довольно специфическую религиозную идентичность населения, которая в годы суверенного развития в связи с реальным мировоззренческим плюрализмом привела к усилению религиозной конверсии. Последняя существенным образом влияет на так называемую традиционную этноконфессиональную идентичность, сдвигая ее маркеры. В этих условиях важно выявить состояние и тенденции религиозности в их многообразной специфике.

В Казахстане не только законодательно определены, но и практически предоставлены равноправные возможности граждан в выборе мировоззрения: в обществе отсутствует монопольное право на ценностные предпочтения, всем гражданам предоставлены условия для реализации своих устремлений в поиске духовности. Религиозная идентичность все чаще становится ведущей при выборе образа жизни на уровне не только семейной, но и социально-профессиональной группы, предопределяет виды деятельности, характер обучения, формы проведения досуга, формирует ценностно-смысловые ориентиры жизни как таковой. В условиях светскости казахстанского общества религиозная ментальность выступает эффективно действующим «фильтром» ценностных ориентаций, что не может не влиять на общеказахстанскую идентичность (таблица 1).

Таблица 1

Динамика численности конфессий и религиозных объединений в Республике Казахстан [63]

№	Конфессии	На 01.01.2011 г.	На 25.10.2012 г.	На 01.01.2014 г.
1	Ислам	2811	2229	2367
2	Православие	304	280	293
3	Пятидесятники	400	189	230
4	ЕХБ	364	100	185
5	Католики	118	79	84
6	Свидетели Иеговы	70	59	60
7	Пресвитериане	229	55	92
8	Адвентисты седьмого дня	67	42	42
9	Лютеране	32	13	13
10	Методисты	18	11	12
11	Новоапостольская церковь	47	8	25
12	Кришнаиты	14	8	9
13	Бахаи	20	6	6
14	Иудаизм	26	4	7
15	Буддизм	4	2	2
16	Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны)	1	2	2
17	Меннониты	6	1	4
18	Церковь объединения Муна (Муниты)	-	-	1
	ИТОГО	4 551	3 088	3434

Среди наиболее актуальных проблем изучения религиозной жизни на сегодня следует назвать изучение состояния и тенденций религиозной идентичности с фокусом на новую религиозность. Проблема исследования новейшей религиозной идентичности в контексте выявления состояния и обнаружения тенденций религиозного сознания казахстанцев может быть раскрыта только при условии реализации комплексного подхода, который включает

и теоретический дискурс, и полевые исследования в формате социологического мониторинга, фокус-групп, экспертных оценок, а также изучение реальных историй методом case-study. Все исследования должны быть систематическими, так как объект изучения – религиозная ментальность – представляет собой меняющуюся реальность, которую требуется реконструировать и представлять в модели. Игнорирование систематического изучения состояния и тенденций религиозности может привести к ситуации резкого снижения управляемости обществом, к кросс-культурным и политическим конфликтам на почве религиозных убеждений.

1.2 Маркеры новой религиозности

Новая религиозность интерпретируется как характерный для современности тип ментальности, который находится под воздействием культуры новейшего времени, что предопределяет в этом явлении элементы неклассического (нетрадиционного) эпифеномена. Еще в начале 90-х гг. российскими исследователями были выделены существенные признаки появления и функционирования новой (нетрадиционной) религиозности (во многом сходные с западными тенденциями, которые проявились там ранее, в 60-80-е гг. и были вызваны специфическими социальными факторами и условиями, порождающими новые религиозные организации (НРО), как с точки зрения их гносеологических, так и культурологических, религиоведческих, политических оснований.

Концепт «новая религиозность» многозначен и интерпретируется 1) как состояние процессов религиозной ментальности (сознания и поведения), которое вызвано появлением и институционализацей новых (нетрадиционных) религиозных движений и соответствует периоду начала современности (понимаемого в масштабном временном интервале, начиная от последней трети XIX века до наших дней; 2) как явление, отображающее процесс институционализации нетрадиционных для определенного социокультурного ареала движений, культов, течений; 3) как комплекс организаций религиозного, квазирелигиозного, псевдорелигиозного толка, которые в своей институциональной структуре не повторяют традиционные религиозные организации; 4) как контроверза традиционной религиозности с определенными сущностными характеристиками, в том числе такими, как преобладание профанного над сакральным, детерминированность

социальных установок и поведенческих паттернов сторонников ценностно-нормативной системой объединения при жестком контроле последнего, контроль для поддержании групповой интеграции/социальной дистанции и санкций и др.

Под новой религиозностью понимают новые (нетрадиционные) религии, организации, практики, деятельность. К феномену новой религиозности относят «жизнедеятельность» деноминаций, сектантства, культов. С новой религиозностью соотносят новые религиозные движение, неокульты, нетрадиционные религиозные (квазирелигиозные, псевдорелигиозные) организации, нетрадиционные религиозные сообщества.

В России, в Беларуси исследование особенностей новых религиозных организаций через изучение содержания их деятельности интенсивно проводится с 90-х годов прошлого столетия и совпадает со временем массового вторжения их в идейное пространство постсоветских стран. Не случаен, а закономерен процесс демаркации традиционных и новых религий, который позволяет упорядочить представления о воздействии религии как института на жизнь современных обществ.

Религии, называемые «традиционными», идентифицируются с национальным образом жизни, с культурой и типом цивилизации, принадлежность к которым для представителей этнической группы естественна. Новые религии больше ориентированы на процессы адаптации к быстроменяющимся социокультурным и политическим условиям. Традиционные религии имеют глубокие корни в психологии, менталитете, в бытовании, системе праздников и обрядов, типе и способе мышления этноса, в литературе и искусстве. Новые культы вытесняют традиционные религии достаточно агрессивно, применяя современные формы и методы манипулятивного воздействия и используя потребность в реализации актуальных функций, не предоставляемых по тем или иным причинам светскими институтами. Так, главной функцией в условиях трансформирующихся обществ, утрачивающих определяющее воздействие на мировоззрение, на социализацию и адаптацию индивидов выступает компенсаторная, поскольку она даёт «видимую» защиту личности от последствий, приводящих к депрессии, отчаянию, агрессии, социальным порокам, помогает преодолеть смыслоутрату, обрести явные или мнимые статусы в новых сообществах.

Высокий спрос на эффективную социотерапию порождает предложение в формате новых культов и движений, вероучитель-

ное содержание которых отмечено синкретизмом и эклектизмом, аксиологически диверсифицируется. Доктринально новая религиозность центрируется на профанно-эзотерической концепции оккультно-мистической направленности, без глубокого содержательного контекста. Последнее обстоятельство отображает способность высокой адаптивности и ситуативную гибкость в практике применения.

В культурологическом контексте измерения в составе новой религиозности можно обнаружить эклектичную «смесь отдельных элементов традиционных религий, восточной мистики, популярных псевдонаучных теорий, многочисленных мифов и суеверий», которая характерна для дискурсивных практик переходных эпох. Воспринимаемая на первый взгляд как «религиозная энтропия», новая религиозность при кросскультурном анализе предстает как квазирелигиозность с соответствующими маркерами, раскрывающими ее сущностные атрибуты [35].

Новая религиозность выстраивается по структурному типу сетевых технологий, тотально коммерциализирована, управляется с применением современных манипулятивных психотехник. Масштабируя экспансивную динамику распространения, обладает симулятивными возможностями и способностью к социальному конформизму, предъявляется в эмоционально-окрашенной стилистике.

При этом новые религиозные воззрения (культы, движения, организации, сообщества) нередко принимают форму альтернативных по отношению к укорененной в традиционной ментальности, тесно связанной с культурной идентификацией и выступают как контркультурные (в политическом и институциональном аспекте) стратегии, направленные не только на противостояние существующим церковным институтам, но также и на систему социальных отношений, на разрыв традиционных связей (семейных – в первую очередь). Использование специальных приемов, техник, включающих не только достижения психологии и психиатрии в области манипулирования сознанием и поведением, но и применение специальных лекарственных препаратов, процедур значительно усиливает эффекты воздействия новых религий не только на сознание, но и на подсознание. Зачастую динамичная изменчивость новых религий приводит к радикализации мировоззрения, его политизации и к социальной конфронтации.

Как отмечает Филимонов Э.Г., «…новые религии по существу своему являются искусственными образованиями, ставящими пе-

ред собой далеко не религиозные цели. Многие из них представляют собой скорее квазирелигии, псевдокульты, порожденные процессом коммерциализации религии и массовой культуры, духовным кризисом современного общества. Для этих новых религиозных движений в той или иной степени характерны следующие черты: 1) эклектизм вероучения и религиозной деятельности (то, что называется «учением» у многих нетрадиционных культов, – это причудливая смесь христианства, буддизма, индуизма, ислама с оккультизмом, теософией, каббалой, йогой и тому подобной вне вероисповедной мистикой); 2) социальная мимикрия: стремление скрыть свою псевдорелигиозную и мистическую сущность под безобидными, нерелигиозными светскими названиями («научное общество», «ассоциация», «фонд», «центр» и т. п.); 3) строгая организационно-иерархическая структура: «гуру», «учитель», «руководящий центр», «отделения», «рядовые члены», жесткая дисциплина, система наказаний и т. п.; 4) нацеленность на изменение, трансформацию сознания членов организации путем «программирования», «кодирования», «зомбирования» и т. п. с помощью специфических средств, начиная от многократного чтения мантр (священных формул), религиозных текстов, медитации и кончая применением гипноза, наркотических средств и даже слабой концентрации нервно-паралитических газов инаркотиков, усиливающих состояние медитации; 5) активная миссионерская деятельность, направленная на привлечение в организацию новых членов; 6) стремление к максимальному получению коммерческой прибыли путем продажи литературы, магнитофонных записей, лекций и бесед, фильмов, эксплуатации бесплатного труда членов организаций, членских взносов, нищенства, пожертвований, а также вкладывания полученного капитала в различные отрасли промышленности, финансовую и торговую сферы» [40].

На постсоветском пространстве произошла институционализация НРО, которые достаточно «успешно» интегрировались в идейный вакуум, благодаря эксплуатации ряда функций, получивших послабление в условиях секуляризации, атеизации, деидеологизации. Среди таких функций, которые традиционно выполняли религия, идеология, искусство, воспитание, образование: компенсаторная, воспитывающая, адаптационная, мировоззренческая. Следует признать, что в годы трансформации социально-экономического уклада НРО удалось содействовать реадаптации определенного круга сограждан.

Институциональный анализ новых религиозных образований (к ним обычно относят деноминации, секты (устойчивые, делинквентные) и культы) проявляет несколько критериев, которые могут «пролить свет» на их цели, ценности и предназначение. В качестве таких критериев выделяют: 1) взаимосвязь, взаимодействия с социальным окружением и 2) взаимодействия внутри сообщества.

Проявления взаимодействия НРО с социальным пространством простираются в широком диапазоне: от социальной адаптированности и готовности к реальному сотрудничеству в социально-значимых сферах до конфронтации, социально-оппозиционного, изоляционистского и деструктивного характера.

Внутриобщинные взаимодействия определяются структурой, лидерством, членством, этосом, которые также имеют разнополюсные характеристики.

Структура НРО может быть представлена как диффузными так и жестко очерченными статусами. Так, если в аудиторно-клиентских культах иерархия слабо выражена, а по отношению к членам отсутствует практика дисциплинарного воздействия, то в делинквентных сектах действуют нормы нравственного ригоризма со строгими предписаниями максимального включения в деятельность организации, подчинения лидеру, регламентации всех сторон жизни и жесткими санкциями за неисполнение этих норм.

Анализ содержания группового этоса должен быть одним из основных критериев оценки деятельности НРО, так как его содержание и направленность не только проявляют характер организационной структуры, но и указывают на принципы взаимодействия с социальным окружением.

Полевые исследования российских и беларуских ученых позволили сделать вывод о том, что нередко декларируемые нормы внутригруппового этоса, сама практика взаимодействия внутри общины (обучение последователей) и взаимодействие с социальным окружением (проповедование) формируют маргинальность последователей НРО, поскольку нормы внутригруппового этоса выступают превращенными формами, когда распредмечиваются вовне.

В частности, Ю.А. Яковлева после проведения исследования религиозного обучения в одной из общин «Свидетелей Иеговы» приходит к заключению об амбивалентности этого института, поскольку «транслирующиеся в его процессе ценности, нормы

и религиозные верования ориентируют верующих на приверженность высоким нравственным принципам, с одной стороны, и культивируют социально девиантные установки, с другой стороны». Автор устанавливает, что таким образом санкционированные религиозным сообществом «модели поведения способны вызывать конфликт в ролевом наборе верующего, провоцировать статусные коллизии, приводить к конфронтации между верующим и обществом» [44].

Потенциал конфликтогенности, который вызван дифференциацией и «демассификацией массового общества» способствует нарастанию темпов исторических изменений, «влечет за собой колоссальное напряжение для человека и общественных институтов, стимулирует сверхборьбу, которая кипит вокруг нас». Чтобы противостоять шоку от будущего, люди, «привыкшие к небольшому разнообразию и малой скорости изменений» и институты «должны быстро приспособиться к большому разнообразию и высокой скорости изменений». Э. Тоффлер отмечает, что напряжение настолько сильно, что возможность принимать компетентные решения утрачивается и «нам остается только одно. Для того, чтобы иметь дело с новой реальностью, мы должны добровольно отлить в новую форму себя и свои институты», связывая эти процессы с формированием новой цивилизации, которая начинается с распада различных сфер: техносферы, социосферы, психосферы, соответствующих прежнему этапу индустриализации.

Отличительными характеристиками распада психосферы становятся рост подростковых суицидов, высокий уровень алкоголизма, наркомании, психологических депрессий, вандализм и преступность. США уже пережили ситуацию переполненности пунктов первой помощи наркоманам, употребляющим марихуану, амфетамин, кокаин, героин. «Победное» шествие третьей волны, которая началось с калифорнийских просторов, где опрокинуло традиционные институты, все чаще фиксируется в других странах. Требуются специальные усилия, помогающие людям преодолеть социальную изоляцию, кризисы и стрессы, почувствовать свою востребованность и причастность, понять способность «рассматривать себя как часть более крупной, даже космической, системы». Преодолеть беспомощность и бессмысленность обещают новые культы, которые разрослись с поразительной быстротой и вовлекли в свои сети миллионы.

На примере распространения культов Церкви Объединения, учения Харе Кришна Э. Тоффлер показывает, как применяются техники обработки сознания на стадиях вовлечения, приобщения и активного участия. Культы, секты и общины структурируют новый личностный смысл, даже если в основе его абсурд. Вовлеченный в культ прошел социализацию от тотальной дружбы до тотального переподчинения своей воли, преданности и повиновения, зачастую разорвав прежние социальные и родственные связи и отношения, жертвуя сбережения общине. Требования многих культов о совместном проживании налагает серьезные ограничения на личную свободу, жесткие ограничения на поведение, требуя и воспитывая «беспрекословную дисциплину, некоторые даже навязывают ее побоями, принуждением к труду и своими собственными формами остракизма или изоляции». Резюме о роли культа неутешительно с точки зрения стремления приобщиться к сакральному: «Власть культа в том, что он обеспечивает синтез, предлагает альтернативу фрагментированной культуре преходящих ценностей. Принятие новообращенным соответствующих рамок позволяет организовать хаотичную информацию, которая бомбардирует его или ее извне. Неважно, соответствуют или нет эти идейные рамки реальностям внешнего мира, член культа может воспринимать только дозволенную информацию. Таким образом, уменьшается стресс от перегрузки и хаоса. Культ дает не истину как таковую, а порядок и, следовательно, смысл. Давая члену культа ощущение, что реальность имеет смысл и что он или она должны донести этот смысл до непосвященных, культ предлагает цель и связанность в кажущемся бессвязным мире. Культ, однако, запрашивает за общность, структуру и смысл чрезвычайно высокую цену: бездумное отречение от себя. Для некоторых, несомненно, это единственное спасение от распада личности. Но для большинства из нас предлагаемый культом выход обойдется слишком дорого» [25].

Новый взгляд на культы предлагает Э. Тоффлер, показывая необходимость институтов, помогающих индивидам структурировать жизненные смыслы. Он предполагает, что обществом будут востребованы так называемые полукульты (лежащие где-то между бесструктурной свободой и жестко структурированной регламентацией) как организации, к которым могут присоединяться нуждающиеся во внешней структурированности, на срок

от шести месяцев до года, которые по желанию могут их покинуть, не подвергаясь давлению или обвинениям. Деятельность «этих полукультов надо лицензировать или контролировать, чтобы убедиться, что они не применяют физическое или психическое насилие, честно ведут свои дела, не занимаются вымогательством и тому подобными вещами». Причем, что важно, «помимо оказания полезных услуг и обеспечения некоторой степени структурированности жизни, такие организации могли бы также привнести желаемый смысл в жизнь своих членов – не какая-то ложная мистическая или политическая теология, а понятный идеал служения сообществу». Но для развертывания подобных полукультов, по мнению Э.Тофллера «нам понадобится интегрировать личностный смысл в более широкое, всеобъемлющее мировоззрение» [25].

Исследователи новой религиозности отмечают, что главной внутренней детерминантой воспроизводства этих институтов выступает ценностно-нормативная регуляция. Ее основными объектами являются поведение (регулярность посещения общины, проявление послушания руководителям), мысли (в отношении групповых ценностей, норм, верований), чувства (в отношении единоверцев), а также групповые информационные потоки. Являясь неотъемлемой составляющей любого социального института (на что указывали Р. Мертон, Т. Парсонс, П. Сорокин), групповой контроль в сектантском и культистском (культовое сообщество) институтах отличается высокой интенсивностью: по отношению и к нарушителю, и к образцовому верующему всегда применяются либо негативные, либо позитивные санкции.

2 СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СУВЕРЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

2.1 Трактовка религии как социального института массовым сознанием

2.1.1 Проявление роли и векторов влияния религии в обществе

Переход от социалистического уклада к рыночному способствовал воспроизводству процесса деидеологизации, когда одновременно с достижением мировоззренческого плюрализма усилилось стремление к пониманию новых смысложизненных стратегий, к поиску разносторонней идентичности, включая мировоззренческую. В конце 80-х – начале 90-х годов у многих сограждан наблюдалось фрустрированное состояние ментальности, в ситуации ослабления действия прежней системы ценностей существенно трансформировались представления о религии, как социальном институте.

В массовом сознании последних десятилетий совершается переосмысление роли религии, казахстанцы дают оценку ее роли и функций в обществе. Аксиологически спектр ответов о характере влияния смещается в признание позитивности возрастающей роли (39,7%) против полярного утверждения о негативной роли религии (11,9%) (рис. 1).

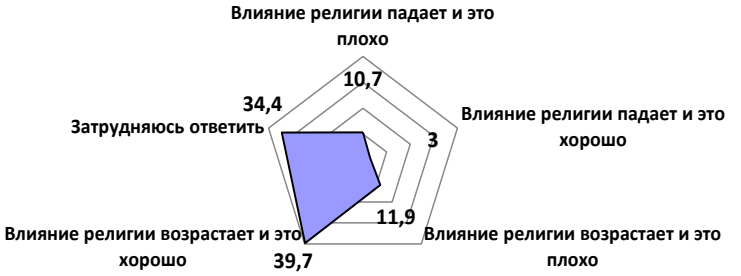


Рис. 1. **Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете изменение роли религии в современном казахстанском обществе?»**

Экспертные оценки по поводу значимых тенденций в динамике религиозности казахстанцев в последние годы солидаризованы в определении главного тренда, связанного с возрастанием интереса к религии, который проявлен по-разному. В ответах отмечены внешние формы религиозности, которые проявляются в атрибутах одежды, возросшей численности посещений культовых зданий:

- Больше стало людей, считающих себя верующими (посещают мечети и церкви, носят соответствующую одежду, в том числе – и на работу. Например, стало привычным увидеть младший медицинский персонал, например, в больницах в мусульманской одежде.)

- Повышен интерес к религии, особенно в молодежной среде. Все чаще бросается в глаза обращенность к несвойственным нашей культуре атрибутам: хиджабам, а сейчас и парандже, к ношению бороды.

Эксперты отмечают возрастание интереса к религии и выделяют такие маркеры, как строительство, открытие и развитие мечетей и храмов; увеличение количества религиозной литературы; рост численности верующих; приобщение и практическое участие граждан в религиозных обрядах, в следовании религиозному календарю: «Религиозность усилилась, обрядовые, традиционные, праздничные моменты стали проявляться чаще, например, такие, как соблюдение постов, венчание, крещение (особенно), Пасха, Рождество». «Люди стали больше открыто говорить о Боге», повысилась «активность населения, посещающего мечети, храмы, молитвенные дома (согласно собственного вероисповедания), во многих конфессиях открыто соблюдаются различные религиозные обряды, более терпимое отношение обнаруживается по отношению к проявлению религиозных таинств, и даже активному участию в них, паломничество к святым местам приобретает массовый характер и т. п. Одним из факторов повышения интереса к религии эксперты считают социальные акции, которые проводят религиозные организации: «Оказание помощи нуждающимся за счет средств церкви (например, лютеране поддерживают неимущих, участвуют в различных программах, например, работа с женщинами, отказывающимися от детей в роддомах с целью сохранения у себя ребенка, оказание поддержки таким женщинам и помощи)».

Особо фиксируются экспертами 1) увеличение численности верующих, исповедующих традиционный для Казахстана ислам: «Увеличивается количество людей, проявляющих интерес к традиционным направлениям в религии»; 2) количественный рост молодежи в религии, ее приток в традиционные для Казахстана ислам ханафитского мазхаба и православие: «В последние годы значительно растет численность верующих среди населения (как мусульман, так и христиан) особенно среди молодежи»; 3) возрастание религиозности среди казахской молодежи.

Эксперты, с одной стороны, выделяют так называемую внешнюю религиозность, которая связана с тенденцией роста численности казахстанцев, относящих себя к верующим, усматривая в этом не вполне достаточные мотивы: «Думаю, что многие в религию приходят не из внутренних побуждений. Мода: шеф ходит в мечеть и я хожу», «Возрос интерес к вере, но не совсем искренне».

С другой стороны, интерес к религии связывается экспертами с внутренними побудительными мотивациями, основанными на потребности в вере и доверии, с влиянием религиозности на нравственные качества личности: «Люди стали больше доверять Богу, Аллаху, часто посещают храмы, мечети», «Возрос интерес к религии, и люди стали больше доверять друг другу», «стали добрее, милосерднее, терпимее», «вера стала воспитывать личность и характер».

Векторные маркеры религиозности определены экспертами так: «На мой взгляд, население РК стало более религиозным. Многие казахстанцы обратились к мусульманской вере, но также увеличилось и количество православных верующих. Появилось большое количество сект, которые тоже популярны, особенно для проблемных слоев населения РК», кроме того, причина кроется в том, что «люди плохо разбираются в религиозных течениях, часто путают традиционные организации с сектами». Объяснение разнонаправленности процесса религиозности связывается с религиозным плюрализмом, который «…имеет не только положительные, но и негативные последствия. Большая масса населения приобщена к сектам, мусульмане обращаются в христианство и наоборот, появляются религиозные маргиналы». Религиозная картина такова, что, ведет к изменению «функций религии, когда, помимо собственно религиозного значения,

принадлежность к какой-либо религиозной организации, расширяет социальные сети верующих».

Отмечены специфические особенности религиозности, связанные с брачно-семейными отношениями: «все больше молодежи среди верующих, посещающих мечеть и церковь. Интересная тенденция: современные мужчины ищут себе в жены девушек – верующих, которые носят хиджабы и живут по канонам шариата».

На фоне преобладания позитивного оценивания повышенного интереса населения Казахстана к религии, высказаны два суждения, которые отображают более глубокие закономерности религиозности. Первая точка зрения обосновывает предпосылку кризиса ценностной идентичности между традиционными и деструктивными религиозными верованиями, институтами, практиками: «Однако, хотя и точечное, но происходит проникновение в Казахстан всевозможных внешних религий, в том числе – деструктивных учений, заметна явная слабость и даже отступление присутствующих в стране так называемых традиционных религиозных объединений. При этом общество и государство сейчас явно неспособно противостоять такого рода негативным тенденциям. И, видимо, ситуация будет развиваться так до тех пор, пока не будет явного кризиса или конфликта, чтобы общество, наконец, обратило на проблему свое внимание».

Вторая точка зрения связывает процесс современной религиозности с феноменом религиолизации: «Наблюдается спад интереса к религии и увлечение мистицизмом. Увеличивается число глубоко религиозных людей. В целом наблюдается «религиолизация» населения.

Мотивационная сфера, побуждающая интерес к религии, формирующая стремление достичь религиозного статуса, как значимого в системе идентичностей, по мнению экспертов, связана с экзистенциальным кризисом, который наступил синхронно с процессами социальных изменений. Один из экспертов так пояснил ситуацию: «Почему казахстанцы обращаются к религии? Слишком философский вопрос… Кто-то считает это традицией, частью культуры. У кого-то не хватает знаний и мировоззренческих представлений, а человеческое сознание, как известно, так устроено, что не терпит пустоты, и вот они заполняют эту пустоту, т. е. ищут ответы на мировоззренческие вопросы в

религии, получая ответы на эти вопросы, они успокаиваются. Кто-то боится смерти и пытается так контролировать свой страх. Кто-то попадает по дурости, будучи вовлечен в определенную среду и подвергаясь банальному психологическому зомбированию. Кто-то считает, что религия – это неплохой бизнес. Есть просто ограниченные люди, которые вопросов не задают никогда, а просто идут туда же, куда и все. Например, поэтому что это модно…Ну, и наверное, есть такие, кто ищет ответы на сущностные вопросы, осознает суть понятий добра и зла, и соответственно, приходит к Богу раз и навсегда выбирая добро».

Определенная часть экспертов связывает обращение к религии с кризисом идеологии, утратой системы ценностей: «Религия заполняет образовавшийся после падения СССР духовно-идеологический вакуум», «Кроме того, меняются приобретенные ценности, идеи и идеологии светских государств, возникает и исчезают сами государства, а религия несет вечное и неизменное. И самое главное – религиозная потребность возникает в человеке и дарует ему «свет в конце тоннеля» – надежду, придает смысл бытию». Разрушенные коммунитарные иллюзии подталкивают к поиску консолидироваться на основе общности: «Общность в принадлежности к религии является консолидирующимся моментом. Поиск духовных ценностей, формирование общественного сознания, все это связано с кризисом идентичности». «Желание «зацепиться» за что-то значимое и значительное приводит к тому, что бывшая вера в светлое будущее и коммунизм в земной жизни, меняется на тоже самое в жизни вечной».

Был обоснован мотив, связанный с удержанием социокультурной идентичности через приобщение к традиционной религии: «Религия представляется сегодня одним из важнейших факторов поиска национальной идентичности (в случае с коренным населением), сохранения этнической идентичности (для нетитульных этносов). Кроме того, как и в любое другое время, религия играет роль «поддерживающего» в сложной ситуации фактора». «У всех в кризисный период прибавилось неразрешимых проблем, сложных ситуаций, отсюда – стремление их разрешить, а, в случае невозможности – минимизировать, в том числе – через религиозное успокоение».

Часть экспертов обосновывает функцию социальной поддержки (социальной терапии), которую выполняет религия в

периоды кризисов: «Религия помогает незащищенным слоям населения решать те социальные проблемы, которые не способны решить общество и государство, ощутить моральную поддержку, получить материальную помощь, преодолеть крайние состояния отчаяния». И, если «слабые, неуверенные люди ищут помощи и поддержки», если кто-то приходит к поиску смысла, оказываясь перед смертью родных, болезнью, то для определенной части обратившихся к религии те, кто просто отдал дань моде и последовал за старшими, за коллегами по работе, чтобы «быть как все».

Не исключаются экспертами диапазоны мотивов от а) «необходимости разобраться со своим предназначением на земле» до «желаний переложить свои проблемы на кого-то», преодолеть тяжелую ситуацию проекцией на лучшее будущее, б) «от потребности души» до «структурирования своего свободного времени: теперь некоторые ходят в церковь/мечеть для общения, своеобразного досуга».

Так или иначе, но в поисках утраченной в предыдущие этапы жизни общества должной религиозной идентичности, в условиях плюрализации жизни происходит не только осознание потребности в религии, возврат к традиционной религиозной духовности, обращение к религиозной вере, но и переосмысление значения и предназначения религии. Один из экспертов отметил, что «среди молодежи, на мой взгляд, это, скорее всего дань традициям, у взрослого населения – более осмысленное отношение к религиозным ценностям, более осознанная потребность в религии».

2.1.2 Понимание религии и интерпретация концепта «новые религии»

С целью выявить коннтационные значения, вкладываемые в понятие «религия», в фокус-группах обсуждался вопрос о том, какие ассоциации вызывают у участников термины «религия» и «религии XX века».

Был выявлен ассоциативный ряд понятия «Религия»: Мечеть (8), Ислам (6), вера (5), Духовность (4), Аллах (3), Бог (2), Мусульмане (2), Буддизм (2), Христианство (2), любовь к ближнему (2), люди, которые молятся (2), храм (2), азан, богобоязненность, вежливость, вероисповедание, высокие ценности, глобальное, древние храмы, загадка вечности, заповеди Божьи, идеология, иконы, искренность, Коран, Курбан-Айт, Намаз, неформальная власть, нравственность,

очищение, Пасха, покаяние, Рождество, священное, смирение, страх, строгость, мораль, фанатизм, церковь, честность, чистейшее, 5 раз читать намаз, Аравия, Мекка, Стамбул, Турция.

Ассоциативный ряд понятия «Религии XX века» значительно короче: «саентологи, Хизб-ут-Тахрир, мормоны, «Свидетели Иеговы», а термин «религии XX века» ассоциируется с настороженностью, обманом, поборами». Даются пояснения о том, что «религии XX века стремятся приручить молодежь, отрывают их от традиций», «религии XX века можно сравнить с чем-то надуманным и зачастую – конъюнктурным».

Студенты вуза казахского отделения связывают смысл религии с нравственным началом, но при этом определяют ее сущность как «придуманную»: «Религия призывает людей быть воспитанными, уважать и понимать друг друга, быть милосердными. Я могу рассказать на примере своей религии. Религия придумана для того, чтобы быть ответственными, чистыми в духовном плане, скромными в своих желаниях. И не только придумана, она заняла свое почетное место среди других религии и с тех пор призывает людей только к хорошему».

Магистранты считают, что новыми религии быть не могут по определению: «Религия – древний институт, который связан с нравственностью, верой, высокими ценностями, духовностью и направлен на очищение человека».

У курсантов военного вуза казахского отделения религия ассоциируется с исламом: «Кроме Аллаха больше нет никого, Мухаммед его пророк. Я не смотрю на другие религии, и думаю что это неправильно», ««Ислам – это чистая религия, направляет человека на хороший путь, делает верующего честным, скромным».

Курсанты военного вуза русского отделения отметили, что у некоторых религия вызывает чувство страха, хотя в целом ассоциируется с воспитанием, а религиозные люди – с образцами доброжелательного, честного и скромного человека. Религию можно сравнивать с опорой, все, что с ней связано – это чувство обязанности перед Всевышним, «любой человек должен верить во всевышнего, и в Исламе, и в Христианстве», «должна быть вера и у общества».

Журналисты видят в религии неформальную власть, идеологию, мораль, духовность, строгость, сдерживающее начало для человека.

Сотрудники финансового учреждения заявили, что со всеми традиционными религиями и особенно с Исламом у них всегда по-

ложительные ассоциации, потому что соответствующие им вероисповедания ведут к духовности, к должным морально-нравственным нормам. С религиями XX века подобных ассоциаций нет.

Преподаватели вуза отметили, что религии у них ассоциируются со священным, с тем, что не противоречит морали, не противостоит тому, что принято в обществе, а. когда наступает своего рода такой психологический момент, когда приходится делать выбор, то обязывает не делать зло, «религия всегда имела воспитательное значение», «новые религии ассоциируются с сектами и сектантством».

Пенсионеры заметили, что к религии в целом их поколение относится «задумчиво», потому что в юности им внушали, что религия не имеет смысла. Сегодня пенсионеры ценят воспитательное воздействие традиционной религии, а в душе, в глубине души молятся, уважительно относятся к Корану, к Аллаху, к традиционным верующим, как к людям с благородным обликом, благонадежным. Что касается религий XX века, то они воспринимаются как «что-то страшное, подавляющее личность человека, которые и знать не хочется».

Бывшие адепты новой религиозной организации отмечают, что «религия, основанная на истории, священных писаниях, преданиях и высоких духовных ценностях, должна существовать в обществе». «Религия ассоциируется с мировыми религиями: христианством, исламом, буддизмом». «Прежде всего, вера в Бога, богобоязненность вызывает положительные ассоциации. Я – православный христианин и религия у меня ассоциируется с заповедями Божьими (любовь к ближнему, смирение, покаяние)». «Религия вызывает у меня абсолютно положительные ассоциации». «Религия XX века иногда вызывает подозрения, там слишком много сект и вымогателей денег!» «Нетрадиционные не признаю». «Не должно быть понятия «Религии XX века».

В мониторинге 2014г. при анализе ответов на вопрос о том, является ли религия частным делом индивида и может ли она оказывать влияние на общественную и политическую жизнь, выясняется, что каждый второй респондент (51%), воспринимая религию как частное дело, в то же время наделяет этот социокультурный институт общественно-важными функциями.

Так, каждый пятый респондент (20,4%) склонен считать, что религия может благотворно воздействовать на духовно-

нравственную атмосферу общества, 8,2% отмечают, что религия может внести свой вклад в решение политических проблем, благодаря миротворческой функции. Конфликтологический потенциал религии очевиден для 5% респондентов, еще 5,4% усматривают возможность использования религии в качестве политического ресурса для создания конфликтов. Только 5,7% опрошенных отмечают, что в светских обществах роль религии не имеет значительного влияния (рис. 2).

Рис. 2. **Распределение ответов на вопрос «Является ли религия частным делом индивида и может ли она оказывать влияние на общественную и политическую жизнь?»**

Таким образом, примерно каждый третий респондент видит позитивный потенциал религии для казахстанского общества, а каждый десятый склонен полагать, что религию можно использовать в качестве деструктивного средства для создания конфликтов.

2.1.3 Восприятие религиозной веры в проекции на личностную идентичность

Поскольку половина респондентов полагает, что религия – частное дело индивида, то интересно выявить, какое место в структуре ценностей казахстанцев отводится религиозной вере. В предлагаемом перечне витальных, инструментальных и социальных ценностей религиозная вера не выступила значимым коннотатом,

организующим ценностную матрицу, и заняла позицию границы между личностным пространством и государством (рис. 3).

Рис. 3. **Распределение ответов на вопрос «Что для вас является главным в жизни?»**

Поскольку религиозная вера не является ведущей в ценностной матрице казахстанцев, важно было выяснить, какие значимые ценности укореняются в процессе приобщения граждан к религиозному образу жизни. На вопрос отвечали эксперты. Один из них ответил в развернутом суждении, которое общее состояние с ценностным отношением к религии в целом: «Что вы понимаете под религиозным образом жизни? Чтобы ответить на такой вопрос, нужно разобраться в понятиях. Религиозность – это просто вера в Санта Клауса, или вдухов, или в абстрактное высшее Нечто, в том числе, например, в Яхве, Иисуса и/или пророка Мухамеда? Это может быть простая вера, без действия? Вера, безусловно, ядро, сущностное зерно религиозности. Но сама религия – это уже подчинение собственной жизни определенным нормам, диктуемым исповедуемой верой. Так? Это другой уровень. Я могу вполне представить клира, у которого руки по локоть в крови, но который носит нательный крестик. Или человека, который при вопросе, к какой конфессии он себя относит, будет говорить, что он православный или мусульманин, просто потому, что он, например, русский или казах. Но при этом ни тот, ни другой ни

разу не были в храме, да и священные книги не читали. Они считают себя верующими, но что в них от религиозности, религиозного образа жизни? Ну и есть еще третий уровень. Помимо норм, которым нужно следовать, есть еще и ритуалы. Жертвоприношения, молитвы, исповедь, пост, пятикратный намаз, милостыня и т. п. Тут уже появляется понятие некого культа и , очень часто, священнослужителя. Вот из сочетания трех этих уровней, по сути можно формировать разные понимания религиозности. Вера без соблюдения норм и обрядов. Вера без следования нормам, но с обрядовой частью. Обрядовая часть без веры и без норм, и т. д. Что конкретно имеете в виду вы? Вы должны хотя бы в общих понятиях разбираться в теме, прежде чем начинать такого рода опрос. Религиозный образ жизни это очень абстрактно. В религиозном образе жизни может быть как прямая угроза безопасности людей, если он требует вооружиться поясом шахида и взрывать неверных, так вполне нейтральное отношение к вере, как к личному делу каждого человека. В идеале, духовное ядро религии это представление о нравственности, т. е. добре и зле. И религиозный образ жизни – это следование этим представлениям, этой системе ценностей. Мотивы религиозности тут могут быть разными, сам образ жизни может быть разным, поэтому оценить явление в целом невозможно».

Другая позиция обозначена категорично: «Считаю, что религиозные ценности (10 заповедей и т. п.) в массовом масштабе не формируются, так как, на мой взгляд, религиозность носит более формальный характер. Люди не становятся добрее, умнее, порядочнее, спокойнее и т. п.».

«Хотелось бы надеяться, что люди, обращаясь к религии, соблюдали бы основные заповеди: не убей, не укради и т. д., чтобы был качественный сдвиг в вопросах нравственности. Но, такого впечатления пока не создается. Вера, скорее, носит формальный, а не сущностный характер».

Каждый десятый эксперт отметил, что в процессе религиозного образа жизни верующие исповедуют «ценности, значимые для любого общества, характерные для всех без исключения религий – общечеловеческие».

Конкретные перечни норм и ценностей, которые реанимируются в процессе приобщения к религиозному образу жизни названы (в скобках – частотность):

- уважение старших, их почитание (20),

- стремление к добру, доброта (13),

- бескорыстная помощь нуждающимся, инвалидам, многодетным, сострадание (9),

- законопослушность (8), приобщение молодежи к ценностям через религию (8),

- любовь в ближнему (7), духовность (7), более внимательное отношение (2) и любовь (5) к детям,

- терпение (6),

- нетерпимость к асоциальным явлениям, преодоление социальных пороков (6), милосердие (6), человеколюбие (6),

- терпимость (5) к ближним, к соседям, иноверцам,

- благородство (4), нравственность (4), сострадание (4), патриотизм (4),

- миролюбие (3), дружелюбие (3), межнациональное согласие (3), понимание (3), приобщение граждан к честности (3), уважение и любовь к людям (3), честность (3),

- взаимопонимание (2), взаимоуважение (2), стремление к справедливости (2), уважение и почитание родных (2), уважение иных традиций и обычаев (2), ценность здорового образа жизни (2),

- активность (1), вера в свои силы (1), уважение к матери (1), воспитание личности (1).

В качестве резюмирующего суждения приведем проективное мнение: «Если большинство населения Казахстана избежит религиозных крайностей, согласившись жить в светском государстве, религия укоренит в образе жизни населения нравственные, моральные ориентиры повседневного поведения».

Очевидно, что в период трансформаций роль религии и ее влияние на достигаемую идентичность (как индивидуальную, так и групповую) существенно изменились. Но это влияние не происходит непосредственно, оно, в первую очередь, связано с восприятием/принятием религиозной веры. На вопрос о том, каким образом религиозная вера может повлиять на характер и образ жизни человека, более половины респондентов (52,9%) отметили, что вера действует благотворно на изменение характера, в лучшую сторону, а верующие люди добрее, справедливее, милосерднее. О невозможности религиозной веры изменить характер в силу преобладания в жизни негативных обстоятельств заявили 23,3%. Только 8,9% респондентов связывают влияние

религиозной веры с появлением таких черт, как нетерпимость, фанатичность, неприятие других точек зрения (рис. 4).

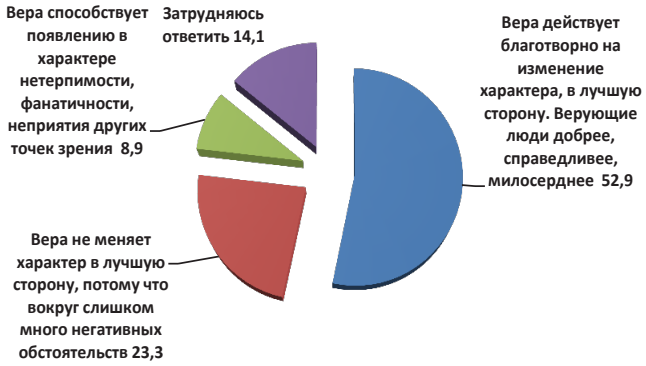


Рис. 4. **Распределение ответов на вопрос «Каким образом религиозная вера может повлиять на характер и образ жизни человека?»**

2.1.4 Социокультурные воздействия и функциональные возможности религии

Проекции социокультурной функции религии, которые связаны с сохранением этнокультурной традиции и духовно-нравственным воспитанием, достаточно высоко оцениваются респондентами. С тем, что религия способствует сохранению национальной культуры и традиций согласны 71% (не согласны – 17,9%). Согласие с утверждением о том, что религия воспитывает нравственность, удерживает от аморальных поступков выразили 48,8% (несогласие – 19,2%) опрошенных.

Примерно паритетными предстали разделившиеся мнения в отношении того, что атеист и неверующий в Бога может быть высоконравственным человеком (согласны с этим утверждением 45%, а не согласны – 41,3%). Превалирование позитивной оценки роли религии проявилось в ранжировании мнений относительно утверждения о том, что «ничего существенного религия не дает, и вреда от нее особого нет», с которым согласны 31% и не согласны 53% респондентов (рис. 5).

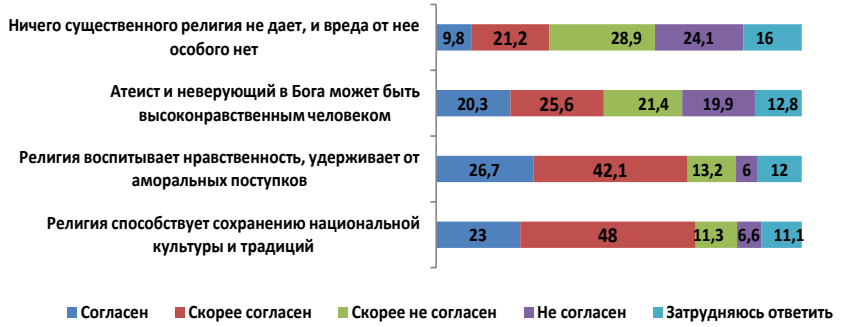


Рис. 5. **Распределение ответов на вопрос «Чему способствует религия в современном обществе?»**

В условиях демократизации в либеральном дискурсе настойчиво звучат посылы о важности выбора парадигмы прав человека. В связи с реальным продвижением идеологии либерализма важно понять, как соотносятся ценности традиции (в данном случае – религиозные ценности) с ценностями либеральными. В массовом опросе был поставлен вопрос о том, может ли религия ограничивать или нарушать права человека (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Может ли религия ограничивать или нарушать права человека?»

Религиозные догматы противоречат праву на свободный выбор образа мысли и жизни	13,0
Затрудняюсь ответить	19,0
Права человека имеют исключительно светский контекст	28,5
Если права человека понимать как права на важнейшие человеческие ценности, такие, как жизнь, образование, семья, то религия способствует их осуществлению	39,5

Как показали результаты выбора респондентами предложенных проекций ответов, подавляющее большинство (39,5%) видит совпадение религиозных и либеральных ценностей в их общечеловеческой транскрипции, как прав на важнейшие человеческие ценности: жизнь, семью, образование. 28,5% считают,

что права человека выражают исключительно светский контекст, а 13% видят противоречие между религиозными принципами и демократическими правами. Практически каждый пятый респондент затруднился ответить.

Исследование возможностей религии в ситуации трансформации ценностей во-первых, проявило преобладающее восприятие респондентами функциональных характеристик религии в позитивном ключе, во-вторых, позволило измерить приоритетность влияний.

Выбирая суждения о функциональных возможностях религии, респондентам предлагалось оценить степень выраженности каждой из них. В результате нами выявлен коэффициент восприятия значимости тех или иных функций в иерархии, выстроенной респондентами (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициент значимости функций религии в казахстанском обществе

утверждения	коэффициент	функции
Религия приносит успокоение, помогает переносить трудности	3,86	экзистенциально-психологическая
Религия способствует очищению души, покаянию	3,73	экзистенциально-психологическая
Религия духовно обогащает человека	3,46	социокультурная
Религия способствует облегчению душевных переживаний и боли	3,19	экзистенциально-психологическая
Религия предписывает нормы поведения в повседневной жизни	2,98	ценностно-нормативная
Религия помогает обрести смысл жизни	2,15	мировоззренческо-ориентационная
Религия объединяет с единоверцами	2,1	коммуникативная
Религия способствует сплочению общества	1,79	социальная
Религия показывает путь для спасания души к вечной жизни	1,51	мировоззренческо-ориентационная
Религия проясняет смысл примирения со смертью	1,48	экзистенциально-психологическая

Как следует из выбора респондентов, в современных условиях религия выполняет функции, в первую очередь, связанные с реадаптацией и мировоззренческой ориентацией, в то же время задает каркас ценностной структуры личности.

2.2 Особенности трансформации мировоззрения казахстанцев

2.2.1 Выбор мировоззрения: факторы и субъекты воздействия

В последние десятилетия появилось немало экспертных констатаций в отношении религиозности населения Казахстана, его масштабов – прежде всего. Эксперты, как правило, основываются на статистических данных, которые не всегда обладают достаточной валидностью, а отсутствие надежных мониторинговых измерений в социологической перспективе существенно ограничивает возможности для интерпретаций динамики процесса в социально-философском, социально-психологическом, культурологическом и собственно религиоведческом дискурсах. Поскольку сущностные характеристики религиозности казахстанцев только становятся предметом исследований, то важно верифицировать не только методические, но и методологические исследовательские стратегии в попытках изучения и статики, и динамики этого явления.

Идентификационные характеристики в отношении мировоззрения (включая ее религиозную компоненту), как правило, закладываются с детского возраста, получают развитие и укоренение в юношеский период и становятся интегральными к моменту социальной зрелости, что, однако, не мешает взрослым индивидам становиться религиозными мигрантами.

С учетом глобальных трансформаций системного характера, которые были вызваны социетальными сдвигами, сограждане из числа взрослого населения меняли мировоззренческие убеждения в последние десятилетия. Поэтому на вопрос о времени выбора мировоззрения респонденты только в 37,8% случаев отмечают, что мировоззренческий выбор был предопределен с детства (и, с очевидностью, был связан не только с традиционной этноконфессиональной идентичностью в семье, но и с выбором новых верований, представленных в религиозном ландшафте Казахстана). 43,7% респондентов указали на период совпадения времени выбора мировоззрения с этапом социетальных трансформаций (рис. 6).

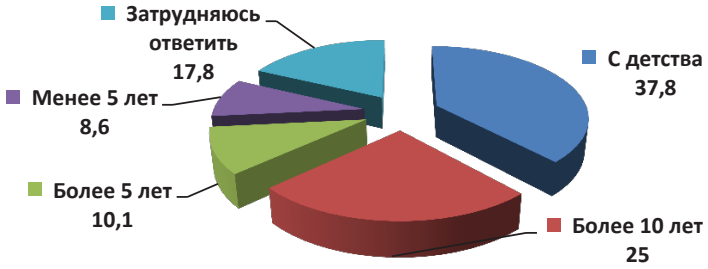


Рис. 6. **Распределение ответов на вопрос «Как давно Вы выбрали свое мировоззрение?»**

На вопрос о векторности изменений собственно религиозных убеждений в последние 3-5 лет респонденты сообщают, что

- отношение к вере и религии не изменилось у 65%, которые считали и продолжают считать себя верующими,
- 8,8% считали себя атеистами и остаются таковыми;
- «покинули» группу верующих и стали атеистами 1,7% респондентов;
- оказались вовлеченными в религиозную конверсию 14,9% респондентов, причем, 12,3% стали верующими, а 2,6% – будучи верующими, перешли в другую религиозную общину;
- 9,4% затруднились с ответом (рис. 7).

Рис. 7. **Распределение ответов на вопрос «Как изменялись Ваши религиозные убеждения в последние 3-5 лет?»**

При трансформации мировоззрения, и, тем более, при выборе системы религиозных убеждений не последнюю роль имеет как окружение, так и мотивация. Факторный анализ показывает, что первое место в религиозном выборе казахстанцев в большей степени предопределено ближайшим окружением: родственниками, друзьями, соседями (46,9%). Вторым по значимости мотивационным фактором названы настроения в обществе (15,4%). Третье место в мотивационной структуре каждый десятый респондент связал с воздействующим влиянием специальной литературы и Интернет-ресурсами (10,3%). На четвертом месте по влиянию на религиозный выбор личности оказывается общение со священнослужителями и миссионерами (8,0%), на пятом – влияние модных тенденций на религиозность в обществе (5,1%).(табл. 4).

Таблица 4

Факторы влияния на религиозные убеждения и жизненные ориентации

Факторы влияния	*Степень влияния, %*
Влияние ближайшего окружения родственники, друзья, соседи	46,9
Следуя существующим настроениям в обществе	15,4
Затрудняюсь ответить	12,6
Изучая специальную литературу, Интернет-ресурсы	10,3
Беседы со священником, миссионерами, другими религиозными служителями	8,0
Влияние модных тенденций на религиозность в обществе	5,1

Вопрос о потребности авторитетного духовного наставника выявил достаточно интересную картину, согласно которой 27,8% респондентов заявили об отсутствии потребности в духовном наставнике, а 17,5% – об отсутствии у них авторитетов в вопросах веры и о стремлении полагаться на себя в этом тернистом пути. Ближайшее семейное окружение (родители, братья и сестры) пока предстают более авторитетными (23,8%), чем священнослужители (18,6%), преподаватели религиоведения (4,7%), друзья (3%), проповедники на религиозных сайтах (1%) (рис. 8).

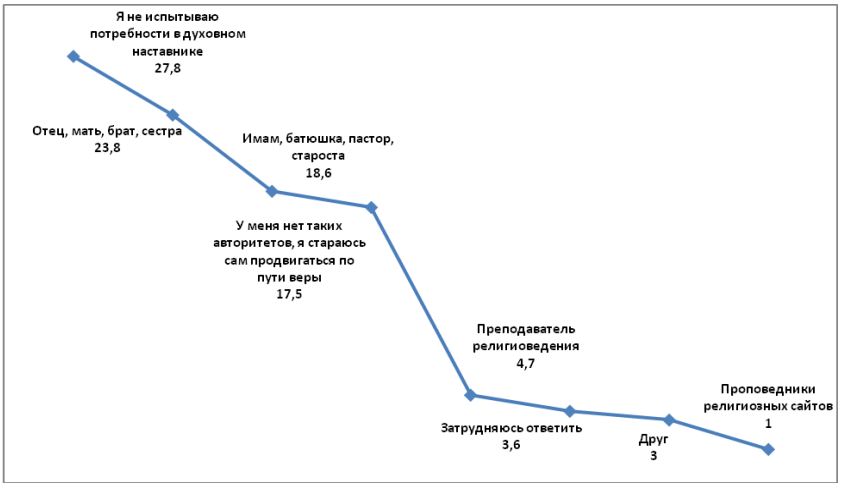


Рис. 8. **Распределение ответов на вопрос «Испытываете ли вы потребность в духовном наставнике?»**

Ранжирование респондентами факторов, которые в большей степени влияют на жизненные позиции и установки человека, показало, что факторы, связанные с религиозным осмыслением жизни (выделены в таблице 5 серым цветом) занимают среднее положение между мотивами, связанными с заботами о «хлебе насущном» (материальное положение, забота о семье), беспокойством по поводу социальных проблем (падение морали, рост преступности, наркомании) – с одной стороны и потребностью в личностном росте – с другой. Данные показывают, что при воспроизводстве определенных условий, возможна реадаптация посредством приобщения к религиозности (табл. 5).

Таблица 5

Ранжирование факторов, влияющих на жизненные позиции и ценностные установки

Факторы	Значение, %
Ухудшение материального положения	46,1
Забота о семье	37,3
Отсутствие перспектив и уверенности в завтрашнем дне	35,5

Продолжение таблицы 5

Падение общественной морали	29,0
С возрастом усиливается потребность быть ближе к Богу	23,4
Стал задумываться о смысле жизни	23,2
Смерть близкого человека	21,3
Рост преступности, наркомании	19,1
Стремление обрести духовность	18,8
Благодарность Богу за удачу	14,4
Стремление замолить грехи	11,9
Личностный рост	10,1
Реализация свободного времени	9,5
Не задумывался об этом	8,3
Стремление понять необъяснимые явления	8,2
Активная деятельность религиозных организаций по вовлечению	5,4
Информационный вакуум	5,3
Переживание клинической смерти	2,0

2.2.2 Религиозная самоидентификация

Изменение прежних ценностных координат привело с начала 90-х гг. определенную часть сограждан к серьезным мировоззренческим трансформациям, повлекшим не только смену убеждений, но и изменения в образе жизни. В условиях смыслоутраты в трансформирующемся социуме возникли предпосылки и появились условия для кардинального переопределения идентификационных статусов в различных проекциях, включая религиозность. Религиозность в исследуемом нами контексте рассматривается как духовное, культурное и социальное состояние индивида, вытекающее из обладания (присвоения) им той или иной доминанты религиозного сознания и поведения.

Характер оценивания религиозности в качестве изначального атрибута человека проявляет позитивное отношение к религиозной субстантивности у 69,4% респондентов, у каждого пятого (20,2%) указывает на преобладание материалистической картины мира, у каждого десятого (10,4%) – на отсутствие потребности в предельных мировоззренческих ориентациях (рис. 9).

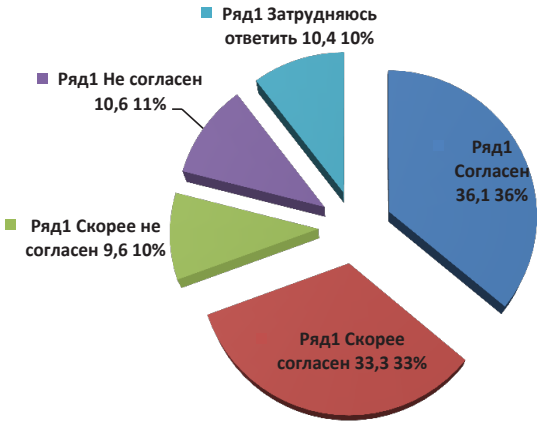


Рис. 9. **Распределение ответов на вопрос «Считаете ли вы, что религиозность – это изначальное свойство человека?»**

Исследование предельных оснований мировоззренческих координат с выявлением корреляций на маркеры религиозного/атеистического сознания проявило достаточно сложную картину трансформации представлений. Так, респонденты демонстрируют отсутствие преобладания атеистической парадигмы при определении религии как невежественного самообмана (согласны – 20,9%, не согласны – 62,6%) и способа ухода в иллюзорный мир (согласны – 23,5%, не согласны – 57,6%) – с одной стороны, и, в то же время, проявляют амбивалентность оценок в отношении тезиса о существовании бессмертной души (42,7% согласны и 37,7% не согласны) – с другой. Поляризация мнений по поводу суждения о существовании наряду с действительным миром другого, особенного, непознанного нами, который мы не можем воспринимать непосредственно (согласны – 55,5%, не согласны – 28,9%) демонстрирует мировоззренческую близость к научной рефлексии. Уходят от ответа (в силу незнания) от 15,6% до 19,6% респондентов (рис. 10).

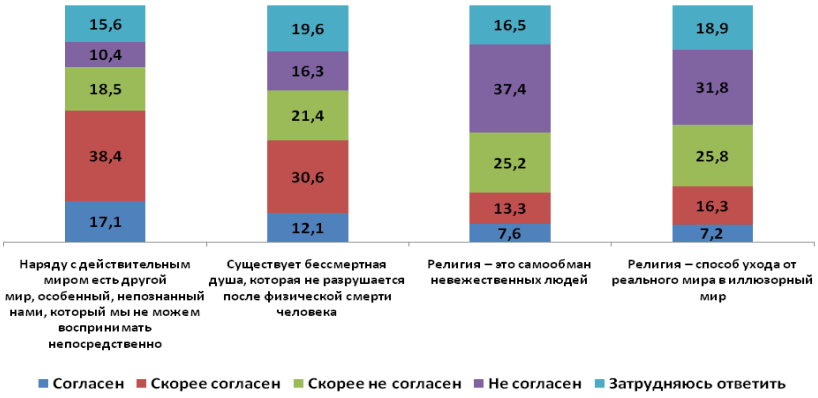


Рис. 10. **Распределение ответов на вопросы: «Согласны ли вы с утверждениями….»**

Мировоззренческие коллизии в диапазоне «знание-вера» для респондентов проявились не в пользу знания. Знаниевая ориентированность в доказательстве бытия Бога характерна для 34,5% респондентов, что меньше численности тех, кто не считает необходимыми научные изыскания в отношении подтверждения/опровержения факта существования Бога (46,3%), практически для каждого пятого респондента (19,2%) на этот вопрос пока нет сформированного мнения (рис. 11).

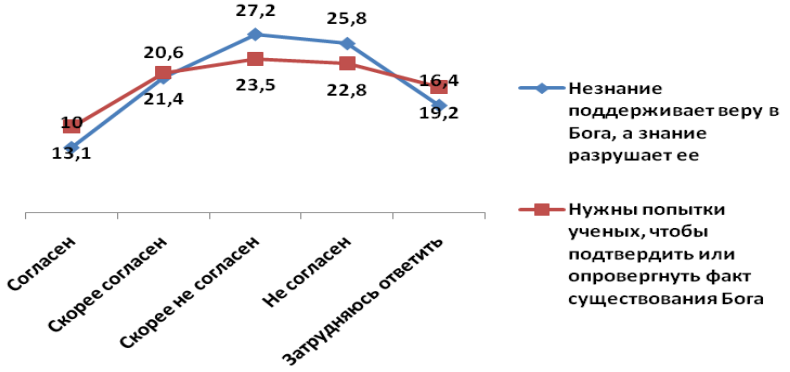


Рис. 11. **Распределение ответов на вопрос «Согласны ли вы с утверждениями…?»**

Ответы об идентификационном отношении с религией распределились следующим образом (рис. 12).

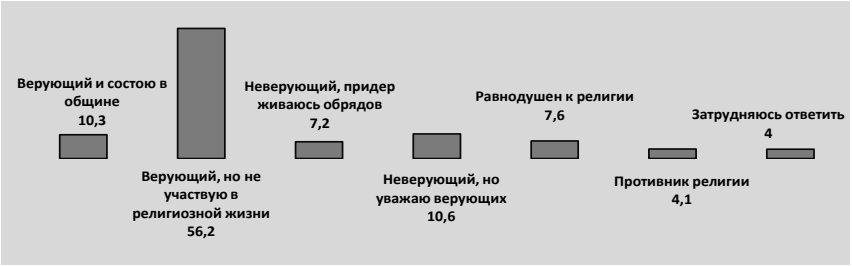


Рис. 12. **Распределение ответов на вопрос «Каково Ваше отношение к религии?»**

Ответы респондентов на вопрос о религиозной самоидентификации (2012 г.) выявили картину, согласно которой 96–97% опрошенных не затрудняются с выбором мировоззренческой идентичности. Довольно проблематично осуществляется самоидентификация с верующими, при которой только 10,3% респондентов указывают на свою принадлежность религиозной общине, а 56,2% отмечают, что не участвуют в религиозной жизни.

На конкретизирующий вопрос об отнесении себя к верующим в зависимости от степени определенности этого статуса, однозначно называют себя верующими 43,8% респондентов и еще примерно каждый третий (34,4%) склонен относить себя к группе «скорее верующих, чем неверующих». Почти каждый пятый (18,7%) отождествляет себя с неверующими (рис. 13)

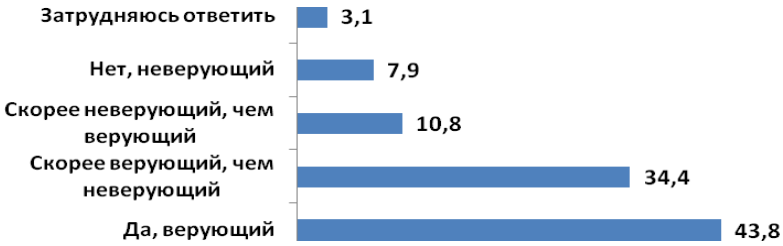


Рис. 13. **Распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы сказать, что Вы – верующий человек?»**

Распределение ответов на этот вопрос в проекции на возраст выявляет тенденцию, согласно которой однозначная самоидентификация себя с верующими увеличивается в зависимости от возраста в такой тенденции: чем старше респонденты, тем чаще

они идентифицируют себя с верующими определенно (в значении «да, верующий»). Предположительная идентификация себя с верующими (в значении «скорее верующий, чем неверующий») указывает на прямо противоположную закономерность в проекции на возраст респондентов. Чем младше респонденты, тем больше у них предположительных самоидентификаций с религиозностью (рис. 14).

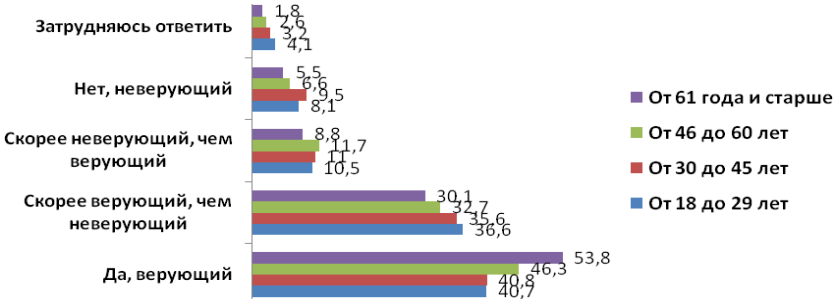


Рис. 14. **Распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы сказать, что Вы – верующий человек?» в зависимости от возраста**

Анализ ответов в проекции на этничность респондентов проявляет меньшую идентификацию с религиозностью у респондентов-русских – в сумме ответы «нет, неверующий» и «скорее неверующий, чем верующий» достигают 23,6%, по сравнению с аналогичными предпочтениями у респондентов-казахов – 16,6% и у других этносов – 17,2%. В то же время, идентификации с верующими у казахов вполне определенны для 48,7%, у других этнических групп – в 45,3%, у русских – только в 32,7% ответов (рис. 15).

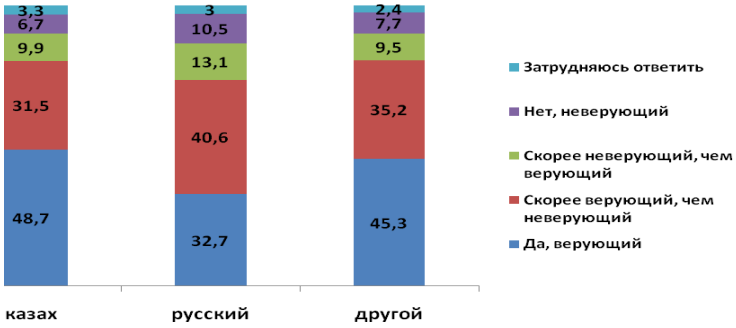


Рис. 15. **Распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы сказать,что Вы – верующий человек?» в зависимости от этнической принадлежности**

Самоидентификация респондентов с религиозностью в зависимости от уровня образования выявляет тенденции: 1) бо̲льшей атеизации лиц без образования по сравнению со всеми другими образовательными группами (что парадоксально); 2) примерно сходных значений количества респондентов, относящих себя к верующим и «скорее верующим» в группах респондентов как с самым высоким, так и самым низким образовательным уровнем (рис. 16).

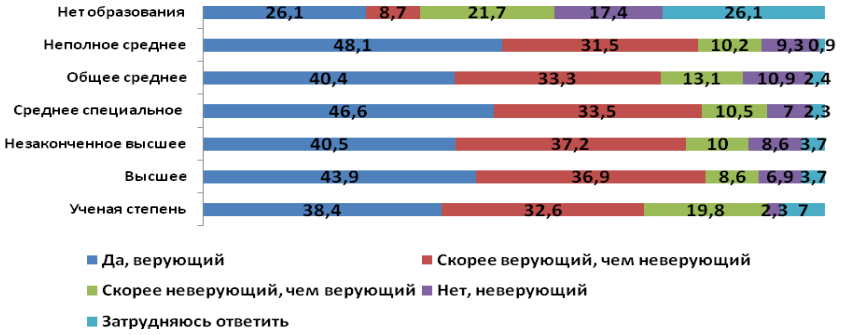


Рис. 16. **Распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы сказать, что Вы – верующий человек?» в зависимости от уровня образования**

Анализ самоидентификации респондентов с религиозностью в зависимости от типа поселения проявил следующие особенности:

- более высокую однозначную идентификацию себя с верующим в селе (51,7%) по сравнению с областными центрами (42,3%0, малыми городами (37%), Алматы (34%), Астаной (30,8%);

- примерно равный уровень атеизации респондентов в Астане и в Алматы (с большей определенностью суждений в значении «нет, не верующий» в Алматы – 13%) (рис. 17).

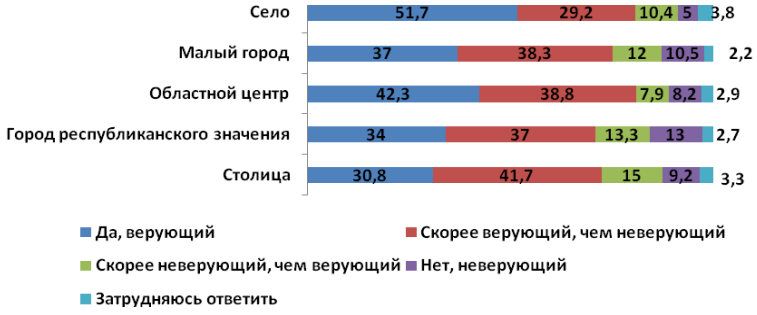


Рис. 17. **Распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы сказать, что Вы – верующий человек?» в зависимости от места жительства**

В мониторинге 2014 г. вновь был сформулирован вопрос о самоидентификации с религиозностью, но в модальностях, уточняющих не только мировоззренческий, но и поведенческий аспекты. Распределение мнений респондентов показывает, что

- с группой активно верующих (те, кто идентифицирует себя с верующими, участвуют в жизни религиозной общины, следуют религиозным нормам) соотносят себя 16,4%,

- с верующими (теми, кто идентифицирует себя с верующими, при этом редко посещает места поклонения и редко соблюдает религиозные нормы) соотносят себя 38,0%,

- с мнимо верующими (теми, кто идентифицирует себя с верующими, но не участвует в религиозной жизни) соотносят себя 28,7%. (рис. 18).

Рис. 18. **Распределение ответов на вопрос «Каково Ваше отношение к религии?»**

Идентификация себя с неверующими в мониторинге 2013 г. (индифферентны и оппозиционны по отношению к религиозности) объединила 14% респондентов, которые, в свою очередь, разделены на подгруппы (табл. 6).

Таблица 6

Классификация неверующих респондентов

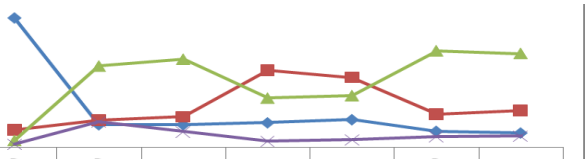
1	2	3	4
колеблющиеся	***индифферентно настроенные***		***оппозиционно настроенные***
неверующий, но иногда посещаю храм, соблюдаю религиозные нормы	неверующий, но уважаю верующих	равнодушен к религии	противник религии, атеист
4,3	4,6	2,8	2,3

Мониторинговые исследования фиксируют значительное снижение атеистически настроенных респондентов, что вполне объяснимо с позиций забвения мировоззренческого потенциала образования и своеобразной модой быть приверженцем религии.

2.2.3 Предмет веры и атрибуты религиозности

Исследования предмета веры выявили парадоксы религиозности респондентов, которые в 82,8% ответов манифестируют свою веру в Аллаха, в Бога, здесь же, в 65% ответов признаются в своих суеверных пристрастиях, в 33% – в расположении к магии, в 31,5% – отмечают в веру в колдовство и только в 14,5% ответов респонденты сообщают о вере в бессмертие души и в сатану (в данном случае эти два подвида вер выступают маркерами религиозного сознания).

Религиозное сознание фрагментарно, не целостно, амбивалентно, внутренне противоречиво. Объемы мнимой религиозности существенно возросли и именно мнимая религиозность является главной компонентой религиозного сознания (рис. 19). Эта тенденция крайне негативно может обернуться для сограждан, которые не обрели должный уровень мировоззренческих знаний и поэтому легко могут оказаться объектом для трансформации своих представлений о мироздании.



	в Аллаха, в Бога	в бессмертие души	в сатану	в приметы	в вещие сны	в колдовство	в магию
Да	82,8	14,5	14,5	15,7	17,7	10,3	9,2
Иногда	11	17,4	19,4	49,3	44,7	21,2	23,6
Нет, никогда	4,3	51,9	56,3	31,4	33	61,7	60
Затрудняюсь с ответом	1,9	16,2	9,8	3,6	4,6	6,8	7,2

Рис. 19. **Распределение ответов на вопрос «Верите ли вы в ….»**

При рассмотрении религиозности как воздействия религии на сознание и поведение, изучены факторы практической причастности религиозным практикам, присущие религиозному образу жизни, измерялась их обязательность.

По степени интенсивности исполнения обязательных для верующего индивида действий (в значении «всегда, как предписано) на первом месте оказывается следование религиозным практикам (их отмечают 26,7%), на втором месте – соблюдение религиозных норм в быту (их исполняют 16,8%), на третьем месте – соблюдение постов (им следуют 11,5%), на четвертом месте – чтение молитв (10,9%) и соблюдение религиозных норм на работе, учебе (10,6%) (рис. 20).

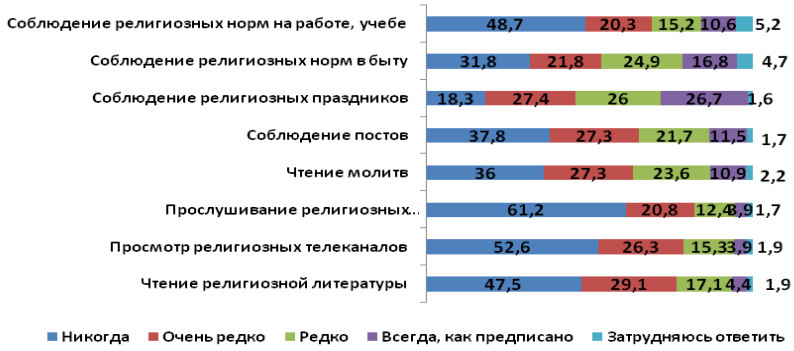


Рис. 20. **Распределение ответов на вопрос «Как часто вы осуществляете…»**

Частотный анализ факторов религиозности (где 1,2,3,4 означает удельный вес по мере убывания количественных значений) в проекции на индивидуальные практики показывает, что религиозность респондентов в основном связана с так называемой бытовой обрядностью (табл. 7).

Таблица 7

Частота исполнения религиозных норм

	Чтение религиозной литературы	Просмотр религиозных телеканалов	Прослушивание религиозных передач, дисков, кассет	Чтение молитв	Соблюдение постов	Соблюдение религиозных праздников	Соблюдение религиозных норм в быту	Соблюдение религиозных норм на работе, учебе
Никогда	1	1	1	1	1	4	1	1
Очень редко	2	2	2	2	2	1	3	2
Редко	3	3	3	3	3	3	2	3
Всегда, как предписано	4	4	4	4	4	2	4	4

Факторный анализ религиозности, связанной с групповой идентичностью, соответствующими отношениями и деятельностью в религиозной общине, показывает, что изучаемая активность не отличается высокой интенсивностью. Иерархия деятельности верующих, связанная с групповой религиозной идентичностью в связи с принадлежностью к общине (по мере убывания значений) выстроилась таким образом:

1- посещение мечети, храма, костела, синагоги, собрания и т. п.,
2- посещение богослужений,
3- добровольные пожертвования в религиозную общину,
4 – участие в религиозных обрядах,
5 – социальное служение от РО (рис. 21).

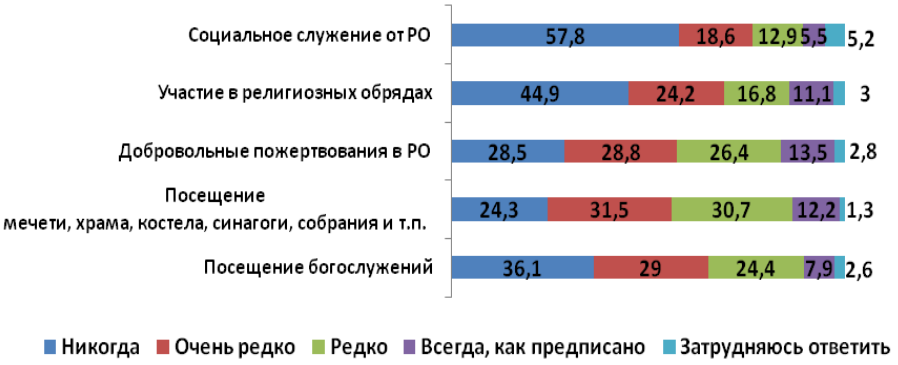


Рис. 21. **Распределение ответов на вопрос «Как часто вы осуществляете…»**

Частотный анализ факторов религиозной активности (где 1, 2, 3, 4 означает удельный вес по мере убывания количественных значений) в проекции на коллективные религиозные практики показывает, что более типичной характеристикой религиозного поведения выступает посещение места поклонения (табл. 8).

Таблица 8

Религиозная активность респондентов

	Посещение богослужений	Посещение мечети, храма, костела, синагоги, собрания и т. п.	Добровольные пожертвования в РО	Участие в религиозных обрядах	Социальное служение от РО
Никогда	1	3	1–2	1	1
Очень редко	2	1	1–2	2	2
Редко	3	2	3	3	3
Всегда, как предписано	4	4	4	4	4

2.2.4 Индикаторы религиозности в проекции на гражданскую идентичность

В последние десятилетия существенно модифицировались мировоззренческие парадигмы (как в отношении смыслообразующих жизненных концептов, так и в отношении идеалов), в Казахстане выстраивается обновленная система ценностей. При этом единство казахстанского общества в немалой степени зависит от возможности трансляции традиций, укоренения духовно-нравственных ценностей, общих для различных поколений и воспроизводимых в семье, в системе воспитания, образования.

В условиях демократизации разных аспектов социума встает вопрос о формировании и укоренении в менталитете казахстанцев общегражданских ценностей. Казахстан ставит задачу развития человеческого капитала, эффективного становления поколений личностно зрелых граждан, что предполагает осознанный выбор не только мировоззренческой парадигмы, но и способность оценивать идентификационные характеристики других людей.

Респондентам предлагалось оценить ряд параметров, проявляющих различные проекции религиозности не только в собственной семье и в семьях родных, но и среди непосредственного окружения – соседей, друзей, коллег.

Для индикации были выбраны такие параметры, как

а) религиозная толерантность/нонтолерантность, воспитываемые в семье по отношению к другим мировоззрениям;

б) культивирование идеала космополитизма с одной стороны и воспитание гражданственности и патриотизма – с другой (рис. 22).

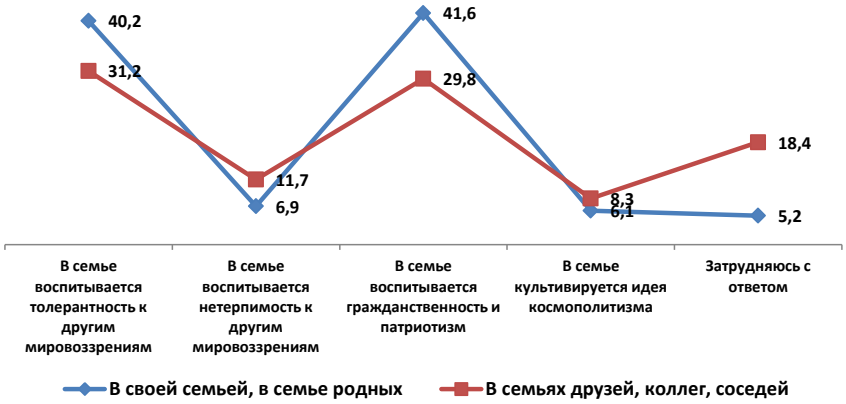


Рис. 22. **Распределение ответов на вопрос «Выберите, пожалуйста, наиболее типичные позиции, которые соответствуют ситуациям из Вашей жизни, из семейной жизни друзей, коллег, соседей».**

Обобщение позиций, соответствующих ситуациям в семьях «первого» (своих и родных) и «второго» (друзей, соседей, коллег) круга, указало на такие тенденции, как

- доминирование толерантного отношения к мировоззренческому разнообразию (31,2%–40,2%) перед религиозной нетерпимостью (6,9%–11,7%);

- превалирование в семейной социализации установок на формирование гражданственности и воспитание патриотизма (29,8%–41,6%) перед тенденцией культивирования идеи космополитизма (6,1%–8,3%).

Анализ значений, проявленных в ходе интерпретации ответов респондентов, показывает, что казахстанские семьи оказываются непосредственно вовлечены в процессы формирования и утверждения новой религиозной идентичности. Процесс трансформации ценностно-смысловых мировоззренческих концептов на уровне семьи непосредственно связан с утверждением парадигмы гражданственности и патриотизма. Преобладающими ориентациями семей стали принципы открытого и толерантного диалога, признание и уважение религиозного многообразия.

2.2.5 Модель религиозности и феномен квазирелигиозности

В определении контуров модели религиозности мы исходим из того, что ни в недавнем историческом прошлом, ни в наши дни в Казахстане не фиксировалось преобладания верующего населения над неверующими. Для советского периода была достаточно достоверной модель, согласно которой число верующих и атеистов было паритетным и составляло примерно по 24–25% от взрослого населения соответственно. Между этими когортами примерно половина населения не определяла свои мировоззренческие устремления с определенностью. Что касается собственно верующих, то среди них различали пассивно верующих, приверженных религиозной обрядности (до 14–15%), и активно верующих, то есть полностью подчиняющих свой образ жизни религиозным канонам (9–10%), при этом фанатично преданных религиозным убеждениям называлось не более 1%.

С 2009 г. по 2014 г. проводится исследование религиозности с целью выявления контуров модели, описания динамики, выявления характера процесса и др. Мониторинг проявил обстоятельства, в соответствии с которыми выявлены контуры модели религиозности, в соответствии с которыми

- 96–97% респондентов не затрудняются с выбором мировоззренческой идентичности и в 65–75% случаев самоидентификаций соотносят себя с верующими, причем, указывают на следование религиозной традиции в семейной группе 55–70%. При исследовании вовлеченности в религиозный образ жизни, предписывающий поклонение, ритуализацию, оказывается, что около 43% семейных групп совмещают религиозные и светские традиции. Собственно религиозный образ жизни (включающий в себя не только обрядность, но прежде всего – соизмерение своего образа жизни с религиозной доктриной, канонами религиозной жизни и строгим им следованиям) отличает не более 14–19% взрослого населения. Из них только около 10% указывают на свою неразрывную связь с религиозной общиной, и еще меньше – до 8% – со строгими следованиями канонам веры. В процессы религиозной конверсии вовлечены 6–12% взрослого населения. Манифестируют свою отдаленность от религии до 9% (в том числе 5–7% вообще не рефлексируют по поводу религиозности), заявляют об атеистическом мировоззрении – 10–12%.

Реконструкция модели религиозности воспроизводит характеристики современного мировоззрения казахстанцев, обнаруживает масштабы влияния религиозной составляющей на гражданский контекст жизни. Воссозданная модель религиозности полезна в разработке принципов формирования светской модели государства в Казахстане с определением в ней назначения институтов гражданского общества, включая религиозные организации.

На этапе трансформации общественного уклада в переходных обществах воспроизводятся условия, обеспечивающие стремительное проникновение квазинаучных, оккультных, псевдорелигиозных идей в массовое сознание. Религиозность и религия становятся своеобразным фоном разрастающейся деятельности нетрадиционных для культуры верований, а воспроизводимые при этом псевдорелигиозность и квазирелигии – основными «линиями наступления» на аутентичную, исторически сложившуюся в Казахстане модель этнокультурной, конфессиональной, гражданской и политической идентичности, которые основаны на факторах стабильности и согласия. Религиозность в современном Казахстане как черта обыденного (массового) сознания и поведения (а у определенных групп граждан – и образа жизни) проявляется в различных проекциях: как в явных, так и в скрытых форматах, как в позитивных по своему воздействию на личность, общество, так и в негативных формах.

Экспертам предлагалось ответить на вопрос о том, деятельность каких религиозных организаций можно охарактеризовать как псевдорелигиозную? Попытки дать определения привели к выработке ряда признаков, указывающих на псевдорелигиозную специфику, среди них: имитация внешних, формальных признаков религии; упрощенные культовые практики; сетевая структура организации; жесткая фиксированность принадлежности к организации; иерархия внутри организации с четким распределением власти, полномочий, функций; тотальный контроль поведения и сознания адептов; закрытость деятельности организации.

На вопрос об определении демаркации между религиозными и псевдорелигиозными организациями эксперты отмечают, что такими линиями могут быть:

а) различия между традиционными и новыми (под новыми понимают все те организации, которые возникли в современную

эпоху) и при этом предлагают рассматривать все нетрадиционные религии как псевдорелигиозные,

б) занятия коммерческой деятельностью с использованием имиджа религии,

в) «целительская» деятельность под прикрытием религии.

Был назван такой критерий различения религиозной и псевдорелигиозной деятельности, как использование методов и методик «категорически неприемлемых для традиционных религий».

В период перерегистрации РО не учитывались реальные ситуации, юридические казусы, возникавшие в связи с деятельностью некоторых РО вопреки действующему законодательству. Не учитывалась и продолжает игнорироваться общественная оценка изменений, которые привносят новые религиозные организации не только в культурное, но и идеологическое пространство.

Как показывает мониторинг, последствия миграции под прикрытием религии имеют не только личностный, но групповой и общественный эффект. Религиозные мигранты (начиная от проповедников и завершая неофитами) формируют новую субкультуру, отмеченную повышенной конфликтогенностью и выступающую одной из основных угроз внутриполитической стабильности Казахстана. Причем, несмотря на достаточно сильные и превалирующие устремления казахстанцев к стабильности, в стране, тем не менее, в силу ряда геополитических факторов складывается ситуация нагнетания конфликтности на квазирелигиозной основе, которая носит сугубо импортируемый характер. Цель такой деятельности – деструктивное воздействие на массовое сознание и поведение, формирование управляемого (эластичного) массового сознания, создание сети конспиративно действующих политических организаций, которые занимаются переориентацией массового сознания на «размытые» ценности глобального порядка – с одной стороны и стремление изменить существующий государственный строй – с другой.

3 ОТНОШЕНИЕ К ФЕНОМЕНУ РЕЛИГИОЗНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

3.1 Оценка деятельности традиционных и новых религиозных организаций

3.1.1 Информированность и определения активности традиционных и новых религиозных организаций

Важным фактором выбора религиозных убеждений выступает знание о деятельности религиозных организаций. Мониторинг информированности населения о традиционных (ТРО) и новых религиозных организациях (НРО) обнаруживает, что в области полного незнания о деятельности религиозных организаций (РО) оказывается практически пятая часть респондентов (18,6%), затрудняется с ответом на поставленный вопрос каждый десятый (10,6%), то есть 29,4% респондентов не информированы о деятельности РО (рис. 23).

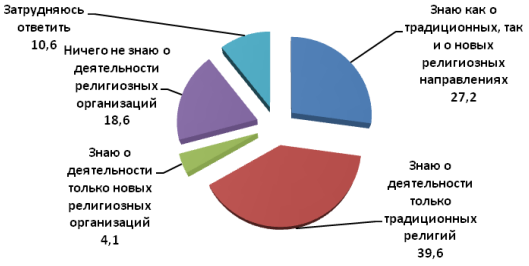


Рис. 23. **Распределение ответов на вопрос «О деятельности каких религиозных организаций Вы знаете?»**

Распределение ответов в проекции на гендерную принадлежность респондентов показывает, что в целом и мужчины (71,7%), и женщины (70,4%) информированы о деятельности РО. Но структура информированности отличается: мужчины более, чем женщины, информированы о деятельности НРО, а женщины – более информированы о деятельности ТРО (рис. 24).

Рис. 24. **Распределение ответов на вопрос «О деятельности каких религиозных организаций Вы знаете?» в зависимости от гендерной принадлежности**

Ответы респондентов о деятельности РО в проекции на возраст выявили особенности:

- с увеличением возраста респондентов знания о деятельности РО уменьшаются (с 28,3% у самой младшей группы респондентов до 24,2% у самой старшей группы респондентов);
- с увеличением возраста респондентов знания о деятельности ТРО увеличиваются (с 38,5% у самой младшей группы респондентов до 47,1% у самой старшей группы респондентов),
- знания о деятельности только НРО как бы «пульсируют» в зависимости от возрастных когорт: более всего информированы об этом сегменте старшие по возрасту респонденты (6,2%), менее всего – самые молодые респонденты в возрасте от 18 до 29 лет – 2,9%,
- область незнания о деятельности религиозных организаций несколько уменьшается в зависимости от возраста респондентов: так, если самые молодые респонденты в возрасте от 18 до 29 лет ничего не знают о деятельности РО составляет 19%, то в группе самых старших респондентов в возрасте от 61 года их 15,9%. Чем старше респонденты, тем определеннее их оценки своих знания о деятельности РО (рис. 25).

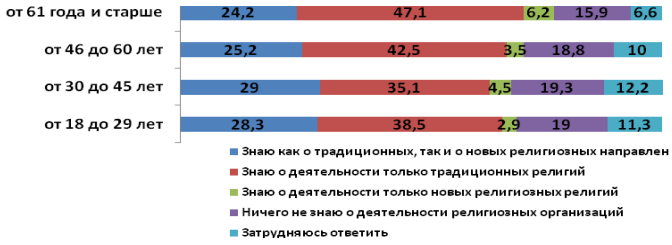
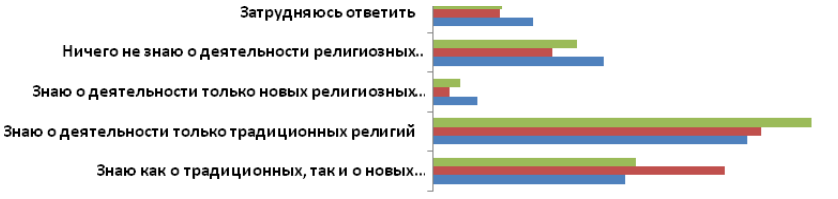


Рис. 25. **Распределение ответов на вопрос «О деятельности каких религиозных организаций Вы знаете?» в зависимости от возраста**

Распределение позиций в проекции на этничность указывает на общую синхронность ответов, но на разную степень информированности респондентов, представляющих различные этногруппы. Особенности связаны

- с бо̲льшей информированностью респондентов других национальностей о деятельности ТРО (46,1%) по сравнению с респондентами русскими (39,9%) и респондентами казахами (38,3%),
- с бо̲льшей информированностью только о деятельности НРО респондентов – казахов (5,3%) по сравнению с респондентами других национальностей (3,2%) и респондентами – русскими (2%),
- со значительно бо̲льшей информированностью как о деятельности ТРО, так и НРО респондентов – русских (35,5%) по сравнению с респондентами других национальностей (24,7%) и респондентами – казахами (23,4%),
- со значительно бо̲льшей зоной незнания о деятельности РО у респондентов – казахов (20,8%) по сравнению с респондентами других национальностей (17,5%) и респондентами – русскими (14,5%),
- с бо̲льшими затруднениями в ответе на поставленный вопрос у респондентов – казахов (12,2%) по сравнению с обеими другими группами респондентов (по 8%) (рис. 26).



	Знаю как о традиционных, так и о новых религиозных направлен	Знаю о деятельности только традиционных религий	Знаю о деятельности только новых религиозных религий	Ничего не знаю о деятельности религиозных организаций	Затрудняюсь ответить
Другой национальности	24,7	46,1	3,2	17,5	8,4
Русский/русская	35,5	39,9	2	14,5	8,1
Казах/казашка	23,4	38,3	5,3	20,8	12,2

Рис. 26. **Распределение ответов на вопрос «О деятельности каких религиозных организаций Вы знаете?» в зависимости от этнической принадлежности**

Анализ ответов о деятельности РО в проекции на занятость показывает, что больше других не информированы о деятельности каких бы то ни было РО совмещающие работу и учебу (27,8%), не работающие и ищущие работу (25,9%)по сравнению с учащимися

(20,7%), с работающими пенсионерами (20%), с не работающими и не ищущими работу (18,2%), работающими (17,6%) (таблица 9).

Таблица 9

Уровень информированности респондентов о деятельности религиозных в зависимости от вида занятости

Информированность респондентов	Более информированы	Менее информированы
о деятельности и традиционных РО, и новых РО	совмещающие работу с учебой (36,1%) учащиеся (29,3%)	работающие пенсионеры (20%) неработающие и ищущие работу (17,8%)
о деятельности только традиционных РО	работающие (46,7%) не работающие и ищущие работу (43,7%)	учащиеся (36,6%) работающие (36,4%) совмещающие работу и учебу (27,8%)
о деятельности только новых РО	работающие пенсионеры (6,7%) учащиеся (4,9%) не работающие и не ищущие работу (4,7%) не работающие и ищущие работу (3,7%)	работающие (3%) совмещающие работу и учебу (2,8%)

Распределение ответов респондентов о деятельности религиозных организаций в проекции на сферы занятости показывает, что

- более информированы о деятельности как ТРО, так и НРО в сферах государственной службы и управления (37,8%),в сфере услуг (35,2%), в сфере промышленного производства (35%); средний уровень информированности отмечен респондентами из сферы силовых органов (30,8%), транспорта и связи (30,5%), медицины, образования, науки и культуры (28,3%); наименьшее информирование отметили респонденты из сферы торговли (21,8%),

- более всего о деятельности только ТРО информированы респонденты из сферы промышленного производства (43,3%), медицины, образования, науки и культуры (39,1%), транспорта и связи (38,9%), торговли (38,3%), (госорганов и госуправления (36,6%), менее информированы респонденты из силовых структур (15,4%),

- более других о деятельности только НРО информированы респонденты из силовых структур (7,7%), госслужбы и госуправления (4,9%), сферы услуг (4,7%) (рис. 27).

Рис. 27. **Распределение ответов на вопрос «О деятельности каких религиозных организаций Вы знаете?» в проекции на сферу деятельности**

Распределение ответов респондентов о деятельности РО в зависимости от места поселения показывает, что сельчане менее информированы о религиях в целом, чем горожане: так, ничего не знают о деятельности РО в целом 21,1% сельчан и 16,6% горожан, знают как о ТРО, так и о НРО 30,6% горожан и 22,8% сельчан. Информированность о деятельности только ТРО примерно одинаковая, как у горожан (38,9%), так и у сельчан (40,5%), а о деятельности только НРО сельчане оказываются более информированы (6,3%), чем горожане (2,3%) (рис. 28).

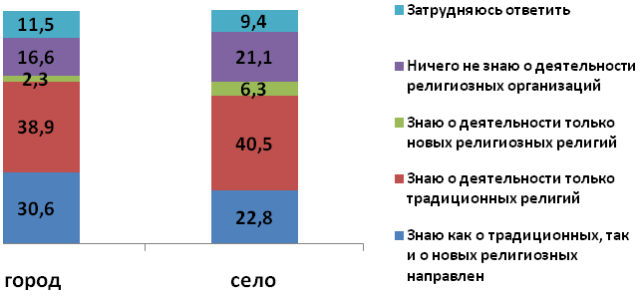


Рис. 28. **Распределение ответов на вопрос «О деятельности каких религиозных организаций Вы знаете?» в зависимости от места поселения**

Эксперты, отвечая на вопрос о проявлении наибольшей активности религиозных организаций (в распространении религиозной литературы, привлечении новых последователей, в проповедях, в социальном служении) выделили определенные особенности.

В Алматы отмечены средняя активность традиционных религий (ислама и православия), высокая активность («навязчивость», «назойливость») общины «Свидетели Иеговы», церкви «Новая жизнь», баптистов. Причем, они называются экспертами новыми, нетрадиционными, в некоторых ответах – сектами, новыми церквями, новыми религиями. В Астане отмечена «наибольшая активность у протестантских организаций», у «новых протестантских церквей и групп», у общины «Свидетели Иеговы», кришнаитов, баптистов, лютеран. Наиболее активными эксперты видят «новые религиозные движения, представителей, прежде всего, нетрадиционных движений, направлений», «причем, как протестантского толка (таких большинство), так и групп внутри ислама».

Эксперты отмечают характер активности, ее направления: «Наибольшую активность я бы даже обозначила, как агрессивность, которую проявляют служители-иеговисты, которые открыто распространяют литературу, навязчиво пристают в транспорте, квартирах и т. д. Достаточно активно и заметно, по-прежнему, действуют представители Церкви Саентологии». «В привлечении новых членов и распространителей литературы лидируют «Свидетели Иеговы», «Благодать», «Новая жизнь». «После того, как законом пытались запретить распространение религиозных идей с помощью листовок, как-то приутихли подобные акции, хотя листовки «Свидетелей Иеговы» встречаются в кафе, на столиках». Отмечается социальная деятельность новых религиозных организаций: «социальное служение очень активно среди различных протестантских евангелистских церквей, т. е. «нетрадиционных»: тонны продуктов, работы с нарко- и алкогольной зависимостью».

По поводу оценки активности традиционных для Казахстана религий мнения экспертов находятся в значениях от средней до высокой активности. В частности, отмечается, что «традиционные на территории Казахстана конфессии (ислам, православие, католицизм) отличаются свойственной им пассивностью в пропаганде и прозелитистской деятельности».

Высокую активность эксперты отмечают у мусульманских, православных, католических общин, связывая ее с повсеместным строительством мечетей, церквей и др. объектов, с социальной деятельностью: «В социальном служении достаточно активны Римско-Католическая церковь, Русская Православная церковь, мусульманские общины Казахстана». «Наибольшую активность в проповеди, распространение литературы проявляют мусульманские общины, входящие в состав ДУМК. Это особо видно из печатных и телевизионных СМИ, а также по книжным магазинам, находящимся по Казахстану и в мечетях».

Рассуждая о наибольшей активности религиозных организаций в целом в стране, эксперт отмечает: «Наибольшую в каком смысле? Казахстанский ислам и православие, если учесть их распространенность в стране, охват верующих, наиболее заметны, т. е. более активны? Но они во многом уступают по методам работы тем же кришнаитам, саентологам, всяким «церквям Грейс» и прочим. Эти новые культы могут иметь несколько сотен последователей и проводить всего пару – тройку мероприятий в месяц. По сравнению с сотнями культовых мероприятий традиционных религий – это капля в море, но эти группы могут быть сплоченней или активней в личностном плане. Простой пример – община кришнаитов в Карасайском районе Алматинской области. Активности хоть отбавляй. Полсотни кришнаитов навели шуму на всю планету. Так что считать наибольшей активностью? Сейчас в стране уже много чего появилось, вплоть до всяких целителей и пророков, сатанистов и прочих. Как к этому относится? Философски, как к неизбежному процессу… В обществе всегда есть какая-то часть с отклонениями. Эта часть или вымирает, или наоборот, формирует основу для рывка в развитии. Закон эволюции…Нужно просто научиться отличать прогресс от деградации…».

3.1.2 Привлекательность новых религиозных организаций для общества в целом, социальных групп, детей и подростков

Факторы привлекательности НРО исследовались методом фокус-групп, которые были проведены со студентами (казахского отделения) и магистрантами, курсантами военного вуза (казахское и русское отделение), молодыми преподавателями вуза, сотрудниками финансового учреждения, журналистами, пенсионерами, бывшими адептами новых религиозных организаций.

На вопрос о том, в чем привлекательность новых религий по сравнению с традиционными, студенты вуза казахского отделения рассуждают так: «В Казахстане мало людей, среди всего населения, может быть около 4 млн. – это пожилые люди, они скорее не пойдут за ними, есть еще дети наверное около 3 млн. Доля тех, кто может пойти таким образом уменьшается. Можно сказать пока еще есть более или менее контроль. Поэтому они пока еще не пустили свои корни по всему Казахстану». «Да, они еще не раскрыли свои крылья. К примеру, они не могут завлекать пожилого человека, в целом, в особенности в сельской местности. Для них в этом плане выгодна молодежь». «Низший слой попадают в секты от безысходности, а богатые, сотоятельные – от неинформированности, возможно даже от «делать нечего».

Магистранты высказали разные точки зрения: «Не вижу ничего плохого в том, эти новые религии отвечают на потребности людей. У человека не может быть постоянно одни и те же потребности… Сейчас никого не удивишь тем, что священнослужители участвуют в каких-то программах или танцуют. Раньше этого не было. Они это начинают толковать по-другому, и общество принимает как нормальное явление. Они подстраивают свою религию под новые потребности. Обществу может быть хочется танцевать. Это значит, что религия подстраивается под потребности людей».

Отмечена индивидуальная работа с адептом: «Новые религии – это зомбирование. Например, мой отец шесть, даже больше, восемь лет назад сидел без работы и случайно, попал в дианетику. Хотя я не знаю, религия ли это. Они платят какие-то взносы, покупают книги. Эти книги не читаются, они никому не нужны. Но они до сих пор пишут ему и призывают вернуться к ним. Но какие они пишут красивые письма, так любой может попасться на их призыв. Так красиво, так убедительно. Папы не было. Я прочла эти письма. Как будто во всем мире нет больше такого человека, как он. Он – единственный такой, какой им нужен. Не хочется оторваться от текста. Веришь всему. Трудно себя останавливать. Они знают о нашей семье все, такой невероятной информацией владеют. Хотя отец признался, что первый раз, когда к ним пришел, заполнял анкету. Но они знают теперь больше, чем в анкете. Они всю подноготную знают. Сколько человек зарабатывает, кто его родственники, где живут. Теперь отец говорит, что боится не за себя, а – за детей».

Магистранты отмечают ситаутивность, когда в трудные моменты для человека характерен поиск своей религии: «Сейчас у людей очень много проблем. Материальных, духовных и других. Существует такой стереотип (понятие), что в трудные моменты человек ищет свою религию. Кто-то начинает рассказывать, что есть такая религия, которая поможет человеку. Почему появляются новые, потому, что в эти же самые моменты люди придумывают что-то такое, в которые люди начинают верить. Их сначала никто не принуждает. Человек ходит то в одну, то в другую, то в третью и т. д. И почему, например, мусульмане обращаются в христианство, христиане в мусульманство. И этим также пользуются новые религии. Согласна, если это помогает человеку в поиске, найти свою веру то, почему бы нет?»

«Я не согласна. Это, на самом деле, переломный момент в жизни человека. А секты хватаются за таких людей потому, что они видят, что человеку чего-то не хватает. Положительно то, что они психологически помогают, если у человека была психологическая травма, поддерживают. Но это якобы помогают. На самом деле они манипулируют этим. Они корыстные цели преследуют. Потом человека не могут найти дома, родные в истерике». Отмечается отрицательный момент: «Вообще религия – это вера человека во что-то. Человек за эту веру готов биться. И когда происходит столкновение интересов, сектанты начинают резать других, вредить. В этом, конечно, большой минус».

Курсанты военного вуза казахского отделения считают, что «Человек входит в новую религию, потому что или не верит в себя, или в Бога, или ему что-то не хватает в жизни», и «ничего хорошего для человека нет. Они предлагают деньги и поэтому люди держатся за эту религию». «Люди, идущие в новые религии они не очень хорошие, они бросают своих родителей на улице. Раздают журналы, газеты». «Людей обманывают, тем, что если ты поверишь и попросишь у бога то у тебя будет все (деньги, власть). Люди верят в это».

Курсанты военного вуза русского отделения полагают, что «Новые религии привлекательны тем, что у современного человека есть новые потребности и в основном новая религия и дает на них надежды», кроме того, «там интересно». «Людям привлекательны новые религии тем, что они хотят забыть старое и придумать что-нибудь новое». «В новых религиозных организациях работают

хорошие лидеры, дается материальная помощь: в сектах их обеспечивают жильем, деньгами и их охраняют»

«В новые религии идут за деньгами. Новые религии привлекают тех, которые нуждаются в материальной помощи, и они их купят за деньги, в этом ничего хорошего не вижу». «В них привлекаются из-за денег, ради здоровья, какая- то мода по незнанию».

«Лидеры, являющиеся якобы пророками новой религии просто видят слабые стороны людей и давят на них (обещая помочь, дать то, чего якобы не дадут другие); поддерживают материально». «Во главе стоит умный, практичный человек и дает представление о хорошей жизни». «Все эти секты как бы начало терроризма, то есть внутренний подрыв государства».

В группе журналистов были высказаны такие мнения о привлекательности новых религий:

- Эти религии могут быть привлекательны использованием новых интерактивных средств своей популяризации – в Интернете, с помощью спутникового телевидения, через социальные сети, своеобразной рекламой, раздачей бесплатной литературы и т. д.

- Они более доступны и понятны, их обряды просты и способствуют выработке восхитительного чувства: «только мы одни правы, потому что знаем тайну».

- Сладким обманом – обещаниями улучшения жизни здесь или «на том свете».

- Меньше запретов. Легкость принятия и соблюдения религиозных догм.

- Привлекательность – в «попсовости», выражаясь языком современного шоу-бизнеса. Религия перестала быть достоянием избранных.

- Новым подходом, необычностью, современным антуражем.

- Красивыми книжками, обещаниями вечного рая.

- Лёгкостью приобщения к объединению.

Сотрудники финансового учреждения отметили, что «на первый взгляд, кажется, что они протягивают руку помощи, помогают бедным, поддерживают в трудную минуту и т. д.», и это важно для тех, «кто ищет помощи, кто не знает, как быть и жить в настоящее время». Для усиления привлекательности используются «особые методы, в первую очередь, умело используют людей, а также достижения науки и техники». И поэтому, если разобраться, то «ничем они не привлекательны, а осуществляют промывку мозгов».

Преподаватели вуза считают, что привлекательность НРО связана с незнанием основ религии: «С учетом современных реалий привлекательность (в основном для атеистов по отношению к традиционным религиям) в том, что они находят в новых религиях какие-то современные трактовки, находят как бы свое понимание религиозной веры. И люди воспринимают эти секты как религию. Если человек вошел в секту, то это от незнания, нет глубоких познаний религии». Привлекательность связывается с потребностью в идентичности: «Этих людей, общество как бы не воспринимает. Они хотят быть частичкой чего-то. Им нужно внимание, или у них есть какие–то проблемы», с отсутствием способов самореализации: «Неудовлетворенность чем-то. Неудовлетворенность религией, уже существующей», отсутствием личностного стержня: «в НРО привлекаются люди с низкой самооценкой, неуверенные». Были возражения таким трактовками привлекательности: «Нет не всегда так. У меня, например, была преподавательница, лет тридцати, которая вела дисциплину международное право. Умная, требовательная, всегда четко знала, чего хочет. Она ушла в секту, попала под влияние. Это же противоположный факт тому, что мы говорим. Поэтому тут есть несколько факторов, не только социальная сторона. Каждый ищет что-то свое. Эти секты призваны найти слабые точки общества, заполнить те пустоты, призывая таких людей. Хотя, скорее всего, она была атеисткой».

Привлекательность построена не технологиях: «Это также можно сравнить с предвыборной агитацией. Появляется какой-то такой новый депутат, о котором раньше никто не знал. Он пишет программу, в которую он включает какие-то недостающие социальные пробелы, задевающие людей темы, такие, как заработная плата, социальные пакеты и народ идет за этим депутатом, голосует за него».

Новые религии быстро приспосабливаются к современным запросам: «Устоявшиеся религии, например как один из аспектов, отрицают гомосексуализм. Но существует церкви в Англии, Америке, они реально откололись от традиционных, и они поощряют эти меньшинства, вот, мол, традиционная религия это запрещает, а мы, мол, вот все разрешаем. Так вот эти религии нашли свой контингент среди людей, которые, может быть, вообще до сих пор были атеистами».

В качестве привлекательности используется имидж известных персон, кумиров: «Например, Мадонна была сначала атеисткой, потом начала выпускать какие-то клипы Антихрист, потом подалась в «Каббалу». Так вот религии используют таких известных людей, чтобы потом дальше пошла мода податься в разные религии, ориентируясь именно на этих звезд. Та же каббала получает огромные деньги от этих звезд Голливуда, от богатых людей».

Преподаватели отметили такой аспект привлекательности, как формирование зависимости от благотворительности: «Плохо в том плане, что все с зависимости начинается. То поможем тем, то другим. Например, я знаю, как привлекают и чем, например бесплатный английский, бесплатная компьютерная грамотность. Бесплатность объясняется тем, что они занимаются благотворительностью. И призывают тебя тоже пожертвовать какой-то суммой. Потом, попав в организацию, люди уже не управляют своим доходом: закладывают квартиры, машины ради благотворительности. Вначале им говорят, что это необязательно, но желательно. Первое время, человек как бы поддерживает благотворительность. А потом сам не заметит, как стал постоянным благотворителем. Носят, как говорится сначала то, что не жалко, а потом постепенно закладывают все, что есть. Это вот именно на психологическом уровне происходит».

«Привлекают тем, что обещают отвезти в святые места, очистить твое имущество. Даже в университетах такое есть. Когда я училась в политехе, там это называлось «Политема». Там молодежь играет во всякие игры, в карты. Я стала туда ходить, в принципе весело, неплохо. А потом девушка позвала меня в квартиру, сказала, что у нас, вот, мол, девичник, мы постоянно собираемся. Я туда прихожу и вижу на самом деле секту, настоящую. Она принесла мне какие-то книги, четыре истины или святые места назвала, сказала, что надо тебе туда съездить, заплатишь столько-то». «Мне тоже предложили почитать книгу в университете, кришнаиты кажется. Я взяла, ну, почитаю, думала, а потом мне говорят: «А деньги?». Я спросила: «Что, за это еще надо заплатить, Свидетели Иеговы ведь бесплатно раздают?»

В группе преподавателей вузов при ответе на вопрос о привлекательности новых религий было высказано суждение об исламофобии: «Мне жаль, что события 11 сентября изменили мнение всего мира о мусульманской вере. Сейчас многие люди искажают

мусульманскую веру. Она воспринимается как радикальное экстремистское направление. В моем понимании, хотя мы не соблюдаем все ритуалы, каждый из нас, я говорю о нас, в душе мы верим в Аллаха, в Бога. Я просто хочу в пользу исламской религии сказать, что она самая чистая, она против всяких войн».

Пенсионеры отметили разные факторы привлекательности. «Новые религии привлекают людей тем, что платят деньги и говорят плохо о других традиционных религиях, очень много примеров у меня, которые попадали в новую религию, бросают семью, скитаются где попало, грязные и т. д.», «они их материально заинтересовывают. Во времена голода, безработицы эти малые копейки кажутся спасением, многих привлекает именно это». «Все новое всегда интересует людей, но не всем это надо, некоторые интересуются этим следуя моде», «наверное тем, что многое позволительно, можно не отказываться от всяких плотских удовольствий, нет особой дисциплины, не соблюдаются заповеди Божьи». «Новые религии привлекают людей, убедительно рисуя загробный мир, формируют новое понятие о верования», у них «новые привлекательные формы, методы вовлечения, хорошие знания психологии человека, особенно неустойчивого к трудностям». «Они используют состояния переживания, такие, как потеря работы, равнодушие государства, общественности к человеку». «Стали оборудовать детские и спортивные площадки, мы туда с внуком ходим, меня пригласили на собрание, дали листовки и брошюры разные».

Бывшие адепты новых религий считают, что «завлекалок много, но в основном всё основано на лёгкости достижения результата (спасения, здоровья, процветания)». «Человека окружают люди, внимание, постоянное общение. Он чувствует себя нужным. Каждый, кто попадает в такие объединения, чувствует необходимость привести как можно больше людей. Причем, искренно веря в то, что данное объединение – единственное место, где правильно трактуют и понимают Святое Писание». «Прививается чувство спасенности, прощенности от грехов, праведности и святости. За счет формирования определенных чувств, человеку кажется, что уже не надо прилагать усилия для своего спасения, он оказывается в «Божьем месте».

«Традиционные религии существовали и существуют. Там нет специальных программ по заманиванию, привлечению людей.

Более того верующий прилагает усилия для своего духовного роста, для спасения. Верующие традиционных религий ходят в храм, а не на общение. Обрядность, различные молитвы, которые надо заучивать наизусть, соблюдение постов, праздников, непонимание языка (арабского, церковного) удерживает многих от посещения. Тем более, что в обществе практически не ведется работа по разъяснению». «Новые религии построены на основе современных учений о маркетинге, о PR. Они создают успешный и современный образ своего религиозного учения и делают все, чтобы удержать своих прихожан. Проводят различные праздники, организуют акции и развлечения. В то время, как традиционным религиям они создают образ чего-то устарелого и ненужного». «Новые религии более модернизированы, скажем так, подстроены под наш нынешний мир», «все новые религии приспособлены под современного человека с учетом его потребностей и желаний», то есть привлекательны «современностью» и простотой.

Обсуждение вопроса «Для какой части общества привлекательны новые религиозные организации?» проводилось в фокус-группах. Для визуального восприятия сгруппируем и разместим ответы в таблице 10, применяя метод «воронки».

Таблица 10

Факторы привлекательности новых религиозных организаций для социальных групп

Социальные группы и факторы привлекательности	Кто так считает	Число
Молодежь - в основном для молодых (15-25 летних – это самое слабое звено), им все интересно, они быстро попадают под влияние, их мозгом легче управлять, манипулировать, им там нравится, они не знают ничего о религии, они привлекается различными программами, общением друг с другом в лагерях, на конференциях и т. д. - для некоторой части молодежи, не получившей достаточного семейного и общественного воспитания - для не умных молодых	студенты к/о, курсанты к/о, курсанты р/о, бывшие адепты НРО, преподаватели вузов, пенсионеры	29

Продолжение таблицы 10

Ищущие идентичность - для не определившихся, у кого нет своей устойчивой цели в жизни, нет своего стержня, тех, цели; кто колеблется в своей жизни, не знает, как жить, не может найти себя в этом мире; кто ищет себя, заблуждаясь; кто потерял свой стержень жизни;для не состоявшихся, для людей, у которых всегда есть потребность принадлежать к какой-то группе, они ищут идентичность, для тех, кому в семье не хватает внимания, признания, тогда он ищет этого в другом месте - не только для тех, кто ищет управления над собой. Есть динамично развивающиеся, они могут сами прийти, в поисках чего-то - для активных людей, которые не нашли применения своей активности, чаще всего это люди одинокие, которым не хватает целостности, которые не смогли реализоваться в обществе, в семье - новые религии интересны всем, за исключением тех людей, которым все безразлично, социальный статус тут роли не играет - для разных людей, это зависит от самого человека - студентам интересно -для легковерных романтиков	журналисты, преподаватели вуза, пенсионеры, курсанты р/о, курсанты к/о, бывшие адепты НРО, студенты к/о	17
Мировоззренчески не определившиеся - для тех, кто не верит в Бога, кто не знает Ислама, для колеблющихся, неверующих людей, для тех, кто не получил религиозное воспитание, для тех, кто пережил какую-то трагедию и им не смогла помочь традиционная религия, для тех, кто разочаровался в традиционных религиях, для не осведомленных в религии людей, для неблагополучных слоев населения, в первую очередь, проблемных, ищущих выход посредством религии, для тех, кто мало информированных о деятельности новых религиозных организаций, кто не сведущ в вопросах религии, для той части общества, которая мало информирована о деятельности новых религиозных верований: для людей малосведущих в этом вопросе	курсанты к/о, пенсионеры, преподаватели вузов, бывшие адепты НРО, журналисты	12

Продолжение таблицы 10

Зависимые - для слабохарактерных и психически неуравновешенных людей, для зависимых от наркотиков, алкоголя, для тех, кто поддается управлению, манипулированию, для психологически слабых людей, для тех, у кого комплексы	журналисты, преподаватели вузов, бывшие адепты НРО, студенты к/о, курсанты к/о	9
Пребывающие в сложной жизненной ситуации - для тех, кто находится в замешательстве, для людей с не сложившейся судьбой, кто в горе, кто в одиночестве, для тех, кто не нашел поддержки для себя в минуты горя, стресса, потерял близких и т. д., для тех, кто ищет успокоения и хочет преодолеть одиночество, в особых обстоятельствах (когда человек находится в трудной, стрессовой ситуации), привлекательными могут стать не только для слабых, но и для сильных людей	курсанты к/о, журналисты, преподаватели вуза, пенсионеры	8
Граждане с низким доходом и статусом - для бедных, безработных, которые тянутся к бесплатной еде, не подозревая что «бесплатный сыр только в мышеловке», кто материально ущемлен, не обеспечен, нуждается в деньгах - для людей с низким социальным статусом	сотрудники финансового учреждения, курсанты к/о, пенсионеры	7
Возраст - для пожилых (пенсионеров), им порой не хватает общения (4) - для среднего возраста (2) - не зависит от возраста, есть программы вовлечения для разных возрастных групп (1)	журналисты, бывшие адепты НРО, курсанты к/о, курсанты р/о	7
Пол - для женщин, у которых не сложилась семья, а также тех, кто ищет выход из кризиса, хочет получить исцеление (4) - в городах без разрешения мужа, женщина привлекается в новые религии из-за потери ориентиров в жизни, вкуса, интереса к жизни (1) - в основном для мужчин (1)	бывшие адепты НРО, курсанты р/о, преподаватели вузов	6

Окончание таблицы 10

Образование, знания, убеждения - для людей, не знающих своей истории, не чтущих традиций - для необразованной и образованной части общества - для неокрепшей морально и нравственно публики, а это бывает в разном возрасте - для тех, кто ищет моральную поддержку	журналисты, курсанты к/о, бывшие адепты НРО	5
- для лентяев	бывшие адепты НРО	1

В ходе обсуждения темы привлекательности НРО во всех группах участники называли также и те социальные группы, кому они не интересны. В первую, самую многочисленную по количеству мнений, группу вошли те, кто «богат духовно», разделяет «определенные ценности», «уважает традиции», «морально подготовлен», «самостоятелен в решениях», «живет в здоровой атмосфере», имеет «твердое духовное основание», проявляет «чувство патриотизма», понимает историю и в ком «правильно заложены ценности». Во второй по численности группе названы верующие, которых респонденты определили так: «настоящие верующие», «истинные мусульмане», «глубоко верующие», «приверженцы традиционных религий», «правоверные». Далее были выделены те, кто имеет высокий уровень образования и развитый интеллект, вдумчив, глубоко анализирует жизненные ситуации, имеет внутреннюю силу и может сопротивляться влиянию из вне, «кто состоялся как человек, с твердой верой в себе», кто уравновешен, психически нормален, атеистически настроен.

Одной из рабочих целей мониторинга было изучение в фокус-группах привлекательности новых религиозных организаций для молодежи. Высказанные мнения представим в таблице 11.

Таблица 11

Привлекательность новых религиозных организаций для детей и юношества

Мотивы и условия вовлечения	Кто высказывается
«Для новых религий все-таки привлекательна молодежь, учащиеся, потому что ими легче управлять. У этих организаций есть свой бизнес-план, допустим примерно к 2020 году они должны создать сеть по всему Казахстану. Какая польза им от старушек, которые умрут к этому времени? А в лице молодежи они получают надежных, верных, зависимых к тому времени сетевиков. В особенности на их удочку попадаются учащиеся старших классов, в основном городские дети, и больше – девчонок». «...И много сейчас в платках, это тоже делится на две группы. Те, которые действительно пришли к вере и просто хотят прикрыть голову, не вступая в противовес с окружающей средой. А другая группа – это, конечно, те, которые попали под влияния нового течения». «Многие молодые люди не умеют отличать религии, и НРО пользуются этим моментом, привлекают в свои ряды. Молодежь обманывают, дают обещания, что они разбогатеют и у них будут возможности делать то, что хочешь. Привлекают молодежь тем, что они предоставляют юношам и девушкам то, чего они сами хотят, то, что им нравится». «Детей и молодежь родители с малых лет приводят в НРО, то есть сами подпитывают и завлекают». «В этом вопросе корень зла - в семье, если в семье родители не пояснили своим детям, что или кто есть бог, вот их и тянет туда». «Попадают они туда, потому что слишком много времени свободного. А присмотра за поведением и воспитания духовно-нравственного никакого нет». «Для детей и юношества новые религиозные организации привлекательны доступностью, простым языком изложения, ярким оформлением литературы, грамотностью языка, ясным изложением на государственном языке, доступностью теорий для восприятия. Стоит вспомнить о брошюрах «Сторожевая башня» на грамотном казахском языке и с яркими иллюстрациями, напоминающими издание сказок или легенд». «Адепты НРО очень активные пропагандисты, в самих организациях - всё новое, не как у родителей, ярко, необычно и в противовес старшему поколению привлекательно для молодых, которые в этом возрасте ищут ответы». «Дети и юношество падки на лесть, красивые слова. У них сильно развито первобытное стремление идти за лидером и кумиром, который знает «истинный путь». «Молодежь попадает туда, потому что нет взаимопонимания в доме, считает себя лишней, не нужной никому».	Студенты казахского отделения, курсанты военного заведения казахского отделения, курсанты русского отделения, журналисты, сотрудники финансового учреждения, бывшие адепты НРО

Продолжение таблицы 11

«Подростки ищут понимания, которые не могут дать родители, зарабатывая деньги на жизнь; они очень любопытные и совершают необдуманные поступки». «Эти новые религиозные организации строят свою работу с использованием именно того, что интересно детям и молодежи: современная музыка используется, достижения науки и техники. То есть, что интересно молодежи». «В НРО всегда можно найти группу сверстников. С первых дней к ним проявляют дружелюбие, знакомятся, обмениваются телефонами».	
«В новой религии воспитывают детей и юношей. Сигареты, наркотики, алкоголь не употребляют – с одной стороны. Но, с другой стороны, они дурачат людей, и чтобы не приказали в секте, юноши все будут исполнять». «У подростков слишком много свободного времени, НРО предлагают его занять. Попутно подключают влияние прихожан, вовлекают в религиозные практики. Обещают блага, свободу действий, верования без запретов – все это специальные методики». «Молодежь, попавшая в НРО, часто проводит время вместе. Это концерты, КВН, выезды в лагеря, подарки, ночные служения. Интересное времяпровождение, общение, изучение языков и т.д. Лидеры религиозных течений, как бы внушая правильные ценности, полностью завладевают сознанием молодежи, обучая их по своим программам. И молодые люди, подверженные учениям, быстро становятся орудием в руках тех же лидеров».	Курсанты военного заведения казахского отделения, пенсионеры, бывшие адепты НРО
«Молодежь вовлекается с применением специальных технологий управления сознанием и поведением. Проводится постоянная агитация и пропаганда специально для молодежи: большая реклама в Интернете, много книг, брошюр, видео, есть блоги в сети». «НРО умеют управлять психологией людей (манипулировать). Дети еще не развитые, им дарят подарки, деньги, книги, и они не знают какие традиционные религии, а какие - новые. Поэтому детей можно легко вовлечь». «Дети и подростки попадают потому, что идет становление личности, а они идут для себя, чтобы найти жизненные установки». «Современным детям, подросткам негде и нечем заняться т.к. в рыночное время не все семьи могут оплатить спортивные секции, кружковые занятия, предоставить возможность учиться в хороших школах, общаться со сверстниками». «В силу материального расслоения общества многие обращаются к услугам этих организаций». «НРО привлекают бесплатным обучением, занятиями спортом, музыкой. У подростков неразвито самосознание, их очень легко обмануть, сбить с толку». «Потому что молоды и не знают свою историческую религию, их не воспитывают родители, не объясняют основы веры, не исправляют».	Магистранты, бывшие адепты НРО, курсанты военного заведения казахского отделения, курсанты русского отделения, преподаватели вуза, пенсионеры

Окончание таблицы 11

«Привлекательны для детей, испытывающих психологические стрессы, вызванные потерей близкого человека, неблагоприятной ситуацией в семье и т.п., например, в межконфессиональных семьях». «Используются специальные методы работы с молодежью: для привлечения устраивают различные мероприятия, близкие по духу молодежи». «НРО предлагают детям и подросткам то, что не дают родители, а так же привлекают своим вниманием, заботой, организовывают кружки, семинары по интересам, что, к сожалению, приводит к отторжению от общества». «В НРО все по - современному, обычаев и традиций у них меньше, работают индивидуально, окружают вниманием. Не во всех семьях это имеется».	

3.1.3 Методы воздействия новых религиозных организаций

Вопрос о методах влияния на казахстанцев и технологиях вовлечения в новые религиозные организации был задан в фокус-группах.

Студенты вуза казахского отделения считают, что вовлечение можно сравнить с сетевым маркетингом: «Человеку говорят: вот ты приводил столько-то людей и столько-то заработал, если еще столько-то приведешь, то твой заработок увеличится еще больше. Деньги, люди не могут удержаться, когда имеют дело с деньгами. Это в ситуации Казахстана особенно актуально, имеется в виду социальное положение. Даже глубоко верующего человека ситуация с деньгами спутает. Должны быть жесткие законы. Например, если у нас человек совершил самоубийство, будучи членом секты, это не получает огласки. Секта дальше работает, это личное самого человека…».

Студенты привели пример, когда религиозная организация не регистрируется в своем статусе: «Я, например, недавно видел, как религиозная организация оформилась как ТОО. Нельзя так делать. Тогда у этой организации юридический статус другой. Чобы получить кредит или какую-то сумму для поддержания этой организации, члены организации заложили свои квартиры, имущества. Они подписались в договорах собственноручно. Я так полагаю сознательный человек на это не пойдет. Это, наверное, какая-то магия, гипноз».

О методах вовлечения подростков рассказал один из студентов: «Почему ввели в моей школе предмет «религиоведение»? Потому, что рядом с моей школой открылся компьютерный клуб «Хабар». Ребята бегали туда играть, там была секта новая какая-то. Они иногда кормили бесплатно, потом когда определились постоянные игроки, им давали один-два часа бесплатной игры, деньги взамен того, чтобы они приводили туда одного-двух новых людей. Многие ребята туда втянулись, т. е. просто попали. Потом приходили их родители, разбирались, у меня была смешанная школа, многие русские ребята попались на это. Я сам туда не ходил, но потом ребята рассказывали, что не только бесплатные игры и обеды были, у ребят из дома начали пропадать вещи, тогда-то и родители заметили».

В этой же группе студенты отметили такой метод, как подмену смсылов: «Они людей уверяют, что есть Бог, но при этом они реализуют свои цели через свои средства. Новые религии, кроме традиционных, это, скорее всего, секты, они уверяют, что людей призывают верить в Бога через них, как бы сказать, они говорят, что они спутники Бога или посланники Бога. На самом деле они, пользуясь именем Бога, привлекают других людей в осуществлении своих целей.

Магистранты_отметили такие факторы, как манипулирование, ораторские способности, материальную мотивацию, запрещенные методы воздействия. «В эти секты люди ходят постоянно. Им хочется постоянно слушать, так как говорят очень красиво, завлекают. Причем, там же не говорят все, туда ходят разные люди, говорят только лидеры. А они постоянно этим пользуются». «Когда ты там, тебе это все нравится, тебе не хочется уходить, как с психологического тренинга». «В террористических организациях мотивация материальная. То есть говорят, если ты что-то сделаешь, ты будешь обеспечен материально до конца жизни, твои дети, их дети. Попадаешь в рай, не будешь мучиться». «Если взять не террористические организации, то там идет прямое зомбирование. Человек полностью отключается от внешнего мира, живет только сектой. Ему говорят: «Мы – семья». А его семья – это не семья. Ему не нужны отец, сын и т. д. Все, он ушел. Он отключился. Также гипноз используется. Даже сами цыганки-гадалки говорят, что гипноз – это самый большой грех. Нельзя заглядывать в душу человека. Да мы почти все владеем гипнозом, но мы также и знаем что нельзя этим пользоваться. На самом деле никто не

должен управлять человеком. Он должен сам выбирать, выбирать сердцем».

Курсанты военного учебного заведения казахского отделения обозначили факторы использования материального интереса, оказания помощи, подмены учения, применения методов удержания. «Привлекают деньгами, обещаниями богатства. А когда человек привыкает, то этот человек доходит до того, что может убить человека, обмануть, сделать неприятно». «В новых религиях делают все, чтобы он был в этой религии, в том числе – обманывают только для того, чтобы человек верил и подчинялся», «они изменили слова Корана. Дают людям только то, что нужно людям». «Привлекают тем, что показывают себя с хорошей стороны. Привлекают тем, что они помогают людям».

Курсанты военного учебного заведения русского отделения выделили материальную заинтересованность, способность и умение убеждать, применение запрещенных методов воздействия, способностью адаптироваться к современному миру. «Привлекают денежной поддержкой, оказанием первой помощи, а то и просто дают деньги». «Наверное, словами к себе тянут: методами убеждения, приводят примеры, раздают литературу; невероятными обещаниями, рай после смерти; придумывают фантастические легенды, говорят, что дадут человеку силу». «Слышал и видел по телевизору, что в новых религиозных течениях в основном пользуются методами массового гипноза, ну и традиционные методы: это обман, устрашение, давление они могут давать деньги, наркотики, психотропные вещества, чтобы заманивать людей». «Привлекательны своей современностью, модностью, идут в ногу со временем», а также тем, что «у них есть свои правила, которые никак нельзя оттуда выходить, если выходят, то можно считать себя мертвым».

Журналисты, среди которых атеисты, представители мусульман, православных и католиков отметили, что используются методы психологической обработки, зомбирования, запугивания, шантажа, гипноза, вплоть до преступных. Обещаются материальные блага, пропагандируется возможность принадлежать к какой-то избранной группе, проводится устрашение концом света и обещание спасения и вечной жизни после смерти, культивируется страх наказания. При этом используется харизма лидера и умение говорить людям то, что они хотят слышать. Поэтому «достаточно владеть навыками психологии и ораторского искусства».

Сотрудники финансового учреждения отметили такие факторы влияния, как психологическое воздействие, благотворительность. «Обманывают людей, как детей». «Раздают еду, одежду, иногда деньги (мелочи) стараются каждого человека выслушать и духовно поддерживать». Один из участников отметил: «не знаю, религия не может удерживать, тогда это уже не религия, а манипуляция».

Молодые преподаватели вуза считают, что «В общем люди (люди с проблемами) идут туда, где им сейчас хорошо. Они, как маленькие дети, впадают в детство. Очищают, лечат там якобы». «У меня вот соседи на первом этаже, залезли в большой кредит, заложили квартиру, лишились всего, им негде жить. Они пошли туда. Целыми днями там находятся, делают чего-то там, те приютили». Привлекают во время массовых мероприятий, акций, концертов.

Группа пенсионеров отметила роль пропаганды: «Привлекают путем убеждения, большая реклама, много книг и наглядных пособий, чего очень мало у других. Распространение, навязывание литературы. Печатная продукция у них в огромных количествах, хорошо оформлена в художественном смысле, доступна (раздают иногда бесплатно), огромное количество распространителей литературы и т. д. Часто представители этих организаций ходят по улицам со своими эмблемами, приглашают в клубы, поселения, навязывают листовки, забрасывают в почтовый ящик». «Считаю, что помимо простого зомбирования, в пропаганде они применяют угрозы и нагнетают страх». «Вовлечение проходит через материальное стимулирование, например, были сообщения по телеканалу «Асыл Арна», что некоторые новые религиозные течения помогают деньгами, а также обещаниями благополучия».

Бывшие адепты новых религиозных организаций подметили, что среди методов вовлечения «чрезмерная забота, это приятные времяпровождения в кругу «своих», а также постоянное внушение, что только здесь истина, и только здесь спасение». «Практически круглый год без перерыва проводятся конференции, встречи, поездки, множество служений, куда постоянно призывают человека. На собраниях звучит приятная музыка, используются различные сценарии проведения.…всеми приемами пользуются, чтобы завлечь, а там – на кого что подействует, обзванивают новых приверженцев, дарят им небольшие подарки, оказывают вни-

мание; окружают вниманием на первых порах, применяют всевозможные формы лести». Во время пребывания в организации постоянно проводят анкетирования, собранную информацию используют для создания зависимости».

3.1.4 Образ лидера религиозной организации

Мнения о задачах современного духовенства изучались в массовом опросе. Респондентам предлагалось выбрать наиболее значимые задачи, которые призваны выполнять современные священнослужители (рис. 29).

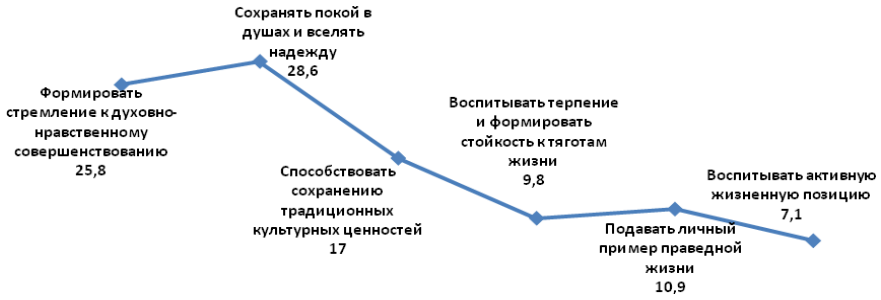


Рис. 29. **Распределение ответов на вопрос «Какие задачи должны выполнять священнослужители?»**

Характеристики лидеров, возглавляющих новые религиозные организации, получили разностороннее обсуждение в фокус-группах.

Магистранты, описывая лидера новой религиозной организации, прежде сформулировали обосновывающий посыл о том, что «религия должна служить интересам общественности, она должна служить на благо человечества. Даже если, например, говорят «во имя Бога, Аллаха», все равно, – это преследование интересов народа. Религия должна быть мирной. Основа всех религий одна: творить добро, не убивать». Затем были сделаны констатации: «Складывается такое представление, что большинство из лидеров новых религиозных организаций преследует цель личную, а не общественную, не религиозную. Интересы лидера состоят в получении материальных благ, требованиях жертвовать имущество. Новые секты или религии служат во благо одного человека, лиде-

ра». Одна из участниц этой группы отметила: «Я вам скажу, что лидеров никто не знает, тот, кто играет на сцене – это подставные лица. Я читала, видела даже, это миллионеры, бизнесмены».

Студенты вуза казахского отделения сравнили традиционные и новые религии «Например, в мусульманской религии – все в руках Аллаха, люди, читая положения, написанные в священной книге, показывает свою веру. Я, когда учился в алматинской школе, изучал предмет «Религиоведение». Когда изучали мировые религии, сравнивали все религии и отметили для себя, что мусульманство и христианство по всем канонам похожи, обе религии призывают к духовной чистоте. Одно лишь различие: в христианстве есть Иисус Христос – посланник Бога и они верят в него, а мусульмане верят и поклоняются Аллаху. Новые религии отрицают Бога. Они себя боготворят, ставят себя на место Бога. Некоторые лидеры новых сект называют себя богами и заставляют поклоняться». «Для лидеров новых религий – это источник денег, их бизнес. Они хорошие ораторы, это главное средство зарабатывания денег. Традиционные лидеры – тоже ораторы, но они ничего не придумывают сами, они пересказывают, то что написано в священных книгах. Передают их».

В группе курсантов военного заведения (русское отделение) было отмечено: «Лидеры в новых религиях– это, в основном, специально подготовленные люди, которые выполняют определенные задачи. Какие? Собрать как можно больше сторонников, беспрекословно подчинить их волю, создать организацию. Религия – это прикрытие. Поэтому такое поверхностное исполнение обрядов, толкование веры. Главное – постановка спектакля. Часто эти лидеры выступают перед своими прихожанами как актеры. Там и музыка, и световые эффекты и все, как в театре».

«В проповедях в новых религиозных организациях часто речь идет вообще не о религии, а о деньгах. Читаются бизнес-проповеди. Встает вопрос, что это за религиозные лидеры? Их цели какие по отношению к прихожанам?» «Они соотносят себя с наместниками Бога, утверждают, что через них идет прямая связь с ним. Это – чистой воды мошенники, им поверить могут только те, кто вообще не интересуется религией».

Участники фокус-группы финансового учреждения отметили, что лидеров новых религиозных организаций интересуют «только большие деньги и власть над паствой». «Лидеры – это люди, ко-

торые стремятся к достижению каких- то завуалированных целей. Но не думаю, что они работают для блага тех, кого вовлекают». «Лидеры обладают ораторским искусством, применяют различные психологические методы, но главное – выкачивание денег». «Иногда о лидерах рассказывают родственники, иногда – друзья, в целом это – эгоистичные, жадные люди, которыми движут стремления наживы и власти. На них работают особо приближенные команды, которые выполняют «расписанные роли» за получают вознаграждение, во много раз превосходящее средние показатели по регионам».

В группе молодых преподавателей вуза ее участники отметили, что «эти лидеры называют себя святыми, посланниками Бога, самовыражаются, реализуют лидерские амбиции за деньги прихожан». «Лидеры новых религиозных организаций – неплохие психологи, используют методы психотерапии, определяют психологические проблемы и запросы людей и играют на этом, находят болевые точки, наносят точечный удар по слабостям, поэтому люди туда идут искать общения и понимая. Особенно это важно для тех, кто выпал из ритма жизни общества».

Одна из преподавателей рассказала: «У меня сестра в секте, она и меня позвала. Они ставят концерты, ходят в горы, меня както пригласили. В общем, меня заманили в эту секту. В принципе, там неплохо, там веселятся, песни про Бога поют. Это очень своеобразное общение, современному человеку не хватает общения, этим пользуются. Туда ходят постоянные люди, человек 30 или 40 например, их лидер обязательно с каждым поговорит, уделит внимание, обращается по имени, выслушает. Человеку, которому работает целый день, нужно общение, внимание, он приходит в секту и получает там терапию по полной программе, чувствует облегчение. В принципе, я считаю, что у них хорошо получается». «Людям нужна какая-то опора. И люди находят там солидарность, поддержку именно в этих организациях».

В группе пенсионеров было проведено сравнение традиционных священнослужителей с лидерами новых религиозных организаций: «Традиционные священнослужители думают об ответственности перед Богом, а служители новых религий чаще ставят во главу угла себя и свои финансовые интересы». «Отличие лидера новой религиозной организации – в деловитости, амбициозности, желании выделиться среди других, личном эгоизме,

стремлении к лидерству среди слабых, для этого приехавшие из-за границы привлекают наших «скользких» по характеру в лидеры». «Лидеры новых религий стремятся увести человека от реальности, еще дальше затуманить сознание молодежи, пожилых людей неисполнимыми обещаниями». «Очевидна их материальная заинтересованность, все время собирают деньги, даже во время служения».

В группе журналистов было отмечено, что «у истоков некоторых новых религий стоят люди, преследующие коммерческую выгоду, и на их удочку ловятся порой даже весьма осведомленные люди – профессора и академики. Так, один из читальных залов МГУ в 90-е годы носил имя Р. Хаббарда, истинное лицо которого не сразу прояснилось. Лидеры и организации новых религий отличаются тем, что пришли в свое время со своими идеями в общество, где преимуществовал атеизм и стали весьма востребованными психотерапевтами». В этой группе был составлен весьма нелицеприятный обобщенный портрет лидера новой религиозной организации, участники озвучили такие черты и характеристики:

- Насколько я знаю, чтобы сделать популярной новую религию, нужно вести себя более активно, иногда даже агрессивно (психологически). Новые лидеры более напористы в вопросах пропаганды.

- Интересы – власть и деньги. Лидеры отличаются цинизмом и полным отсутствием моральных норм.

- Амбициозные люди, жаждущие власти над людьми и деньги – главное средство.

- Чаще всего, это шарлатаны и аферисты. Отличаются нахрапистостью и навязчивостью, просто «новые беспредельщики».

- Это жестокие, циничные люди без идеалов, без гуманных принципов.

- Зачастую – это иностранцы, отличаются наличием офисов, дорогих апартаментов и джипов. Внешне их характеризует стремление к наживе, какие, кроме финансовых и чьи интересы они представляют, надо исследовать.

В группе бывших адептов было высказано суждение о том, что у истоков новых религиозных организаций «стоят люди, способные привлечь, построить организацию, люди с качествами лидера, продвинутые и современные». «Как бы банально это не зву-

чало, я считаю, что у истоков новых религий и организаций стоит коммерческая деятельность. Иначе никак не объяснишь. Почему неопротестантские организации до сих пор не могут сплотиться в одну организацию, несмотря на то, что исповедуют одно и то же? То, что они не допускают в своей организации рекламу другой организации, не оставляет сомнений, что они не хотят, чтобы их прихожане переходили куда-либо. А значит, не хотят, чтобы организация осталась без финансовой поддержки. Интересы – меркантильные, получение прибыли под прикрытием духовных движений. А новоиспеченные лидеры радеют больше о своем, чем о людях».

«Когда мы обсуждаем проблему новых религиозных организаций в Казахстане, надо иметь в виду, что в подавляющем своем большинстве они имеют свое начало на Западе. Следовательно, их лидеры здесь преследуют интересы Запада. Миссионеры, лидеры для завоевания, «пробуждения» народа, наци; пионеры, возвещатели – каких только ролей нет в этих организациях». «Лидеры новых религий, открывая религиозное объединение, представляются священнослужителями, пасторами, апостолами и т. д., не имея на это рукоположения. Каждый из них несет свое учение, навязывая свои идеи без какой – либо ответственности, так как он сам себе хозяин». «Любая новая религия – это навязывание идей определенных людей с конкретной целью влияния на то или иное общество, государство».

3.1.5 Особенности новых религиозных организаций в сравнении с традиционными религиозными организациями

Вопрос об особенностях новых религиозных организаций по сравнению с традиционными исследовался в фокус-группах. Практически в каждой группе участниками высказаны диаметрально противоположные и взаимоисключающие мнения. С одной стороны, участники говорили о том, что «отличий не усматривается», «многие не видят никакой разницы», «различий особых не вижу, во всех религиях преследуется одно: вера, подчинение, потеря личности и свободы человека». С другой стороны, высказывались и такие суждения: «думаю, что разница большая (как небо и земля)». Часть участников отмечала отсутствие у них достаточных знаний для сравнения: «Не могу ответить, к сожалению, мало знаком с новыми религиозными учениями». «Не знаю,

не изучал ни ту, ни другую религиозную веру». Мнения тех, кто увидел различия, отражены в таблице 12.

Таблица 12

Сравнительные характеристики новых и традиционных религиозных организаций

Новые религии (организации)	**Традиционные религии (организации)**
Объект поклонения, истоки, адаптивность	
- В новых религиях очень часто даже основателю - современнику поклоняются. - Эти течения, которые появились сейчас, уверяют в существовании духа умерших. И водят людей в какие-то святые места, и уверяют, если ты там переночуешь, то откроется твоя дорога, тебя ждет удача. - Сколько случаев слышал, всегда оказывалось, что они были причастны к какой-то секте. - В новых религиях нередко верят во всякую чушь. - Новые религии приспосабливаются, меняют положения веры. - Новые религии отличаются тем, что они сами изменяют смыслы текстов Корана или Библии. - Сейчас религиозные течения возникают из ниоткуда. - Новые религиозные течения применяют собственные, удобные схемы и трактовки религиозных ритуалов.	- Традиционные религиозные учения – это те, которые были ниспосланы Аллахом, Богом. В мусульманской религии есть только Аллах, глава церкви – Христос. - В традиционных религиях Бог и Аллах едины. - Традиционные религии не изменились в течение веков. - Традиционное религиозное учение прививает человеку духовные ценности: идет веками и основано, прежде всего, на истории, преданиях. - Традиционные религиозные учения, проверенные временем, приемлемы, доступны всем, кто хочет принять эту веру.
Прозелитизм	
- Я очень много раз сталкивался со свидетелями Иеговы, кришнаитами, саентологами на улице, домой приходили, агитировали.	- Что интересно, мусульманство, или то же самое христианство: никто из них не приходил ко мне домой, в мою семью, не обращался, и никто из них не призывал лично меня, мою семью.
Численность сторонников	
- Новые религии не многочисленны.	- В традиционные верит большинство человечества, они выверены во времени, к ним сложилось доверие.
Особенности поведения адептов	
- Прихожане в новых организациях замкнутые, поведение у них какое – то странное, не стандартное, очень закрыты, угрюмые, контактность связана только с пропагандой учений. - В новых религиях имеется лидер, которому подчиняются все остальные.	- Традиционные религии прививают традиции, дисциплинируют, просветляют, делают верующего человеколюбивым. - В традиционных религиях в основу заложены, прежде всего, внушение человеку Божьего понимания и его законов, привитие человеку духовных ценностей.

<table>
<tr><td colspan="2">Психологизм</td></tr>
<tr><td>- В новой религии ты можешь сказать про все свои желания, и они обещают, что все исполнится. Нет таких ситуаций, когда тебя оттолкнут, не выслушают, не помогут.
- Когда у человека возникают проблемы, то новые религиозные организации берутся решить их проблемы, этим они завлекают людей.
- Новые религии только обещают.
- Новые религии - более легкие, жизнерадостнее или, наоборот, тусклые, и попавший человек уже не в силах выйти самостоятельно, а иногда даже с помощью родных.</td><td>- Традиционные религии всегда давали совет, направляли.
- Традиционные религии учат доверию, добру и любви, они открыты, ориентированы на духовно-нравственное наставление.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Коммерциализация</td></tr>
<tr><td>- Новые религиозные учения - это учения, которые вобрали в себя некоторые моменты традиционных религиозной учений, но, по сути, любое новое религиозное учение (объединение) – это коммерческая структура, бизнес.
- Это сетевой маркетинг: чем больше людей наберем, тем больше подзаработаешь.
- Как не могут существовать несколько начальников в одном предприятии, так и здесь не могут объединяться несколько лидеров в одно. Новые религии преследуют больше процветание, успех, исцеление при этом в них преобладает бездуховность, работа на свой карман.</td><td>- В традиционной религии никого не призывают за деньги.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Внутренняя противоречивость</td></tr>
<tr><td colspan="2">- Новые религиозные течения только опираются на Святое Писание. Но каждое из них несет свою программу, свое учение, свое видение. Так как за всем этим стоит осуществление своих личностных планов.
- Практически за каждым из религиозных объединений стоит свой лидер, который не признает другие объединения, более того, идет постоянная борьба за свое выживание. Они не могут существовать вместе, так как между ними идет конкурентная борьба.
- Новые религиозные учения противоречивы, в основном они преследуют цель, не понятную для простых людей.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Побуждение к агрессии</td></tr>
<tr><td colspan="2">- У моей сестры есть подруга, а ее подруга верующая, в платке ходит. И когда мама подруги сказала ей: «ходи, как все твои ровесники, зачем тебе все это, никак это тебя не украшает» она угрожала, что сбросится с балкона, если мама еще раз заведет этот разговор. Все эти секты приводят или принуждают в конечном итоге к самоубийству.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Формы регистрации</td></tr>
<tr><td colspan="2">- Новые религии регистрируются как ТОО, при этом они, как религиозная организация, уходят от каких-то налогов. Чем не выгодно? Уверяя нас, от нас же получают прибыль. Потому что надо платить какие-то взносы, а они получают кредиты, закладывая не свое имущество.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Последствия для человека</td></tr>
<tr><td colspan="2">- В результате разногласий из-за попавдания члена семьи в новую религиозную организацию часто фиксируется негативные последствия: распад семьи, конфликт поколений. Отсюда вывод: в основе новых учений заложены негативные, отрицательные для человека последствия, так как семья и родные становятся второстепенными в его жизни.</td></tr>
</table>

В качестве резюмирующих высказываний в группе преподавателей вузов прозвучало: «У нас в казахстанском обществе принято так: «ну ладно, ну сложилось, ну есть». Например, в мусульманских странах если принято верить, то соблюдают все ритуалы, пять раз намаз читают, например. У нас среди религиозной молодежи максимум 20% только соблюдают ритуалы. У нас в вопросах религиозной веры каждый остается при своем мнении». Курсант военного заведения сказал: ««Я хотел бы, что бы новые религии давали хорошие уроки для жизни». В группе сотрудников финансового учреждения было отмечено: «Покажет время: у нас свободное, демократическое общество. Созданию новых религиозных течении ничего не препятствует. Кто из них останется – покажет время».

3.1.6 Измерение эффективности деятельности традиционных и новых религиозных организаций

Измерение эффективности деятельности новых и традиционных религиозных организаций проведено во всех регионах Казахстана с выборкой 3000 респондентов в мониторинге религиозной ситуации 2013 г. (рис. 30).

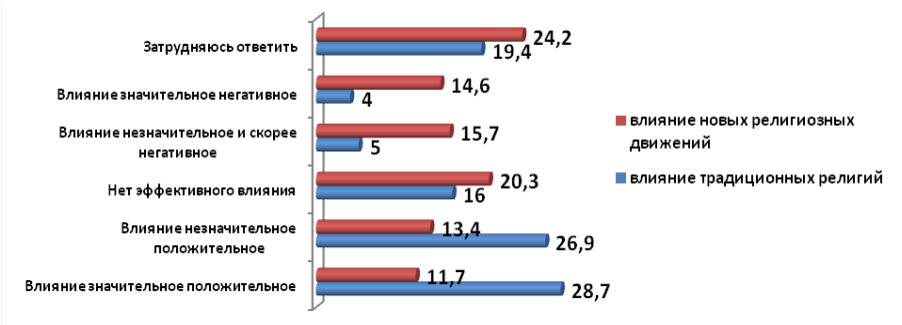


Рис. 30. **Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, каково влияние традиционных и новых религий на казахстанское общество?»**

Сравнительный анализ оценки влияния традиционных и новых религий показывает, что более половины респондентов (55,6%) позитивно оценивают влияние традиционных религий, в то время, как только четверть респондентов (25,1%) дают сходную характеристику позитивного влияния в отношении новых религий. По негативному оцениванию влияния традиционные религии отмечают 9% респондентов, в то время как почти каждый

третий респондент (30,3%) оценивает влияние новых религий как негативное. Отсутствие эффективного влияния традиционных религий отмечает 16%, а в отношении новых религий за сходную оценку высказывается 20,3% респондентов. Обращает внимание достаточно большой удельный вес респондентов, затрудняющихся дать оценку влияния религий на жизнь общества: так, каждый пятый респондент (19,4%) не оценивает влияние традиционных религий и каждый четвертый (24,2%) – новых (табл. 13).

Таблица 13

Суммативная оценка влияния традиционных и новых религий в казахстанском обществе

Вектор и параметры оценивания	традиционные религии	новые религии
	значение в %	значение в %
Влияние положительное (значительное и незначительное)	55,6	25,1
Влияние негативное и скорее негативное (значительное и незначительное)	9,0	30,3
Нет эффективного влияния	16,0	20,3
Затрудняюсь дать оценку	19,4	24,2

Очевидно, что причинами рассогласования мнений выступает как недостаточная информированность населения о сути религии как социального института, о возможностях ее позитивного воздействия. Проявление ситуации с реальным мировоззренческим плюрализмом, который выражается в реализации гражданами права свободного выбора вероисповедания, приведшего де-факто к реальному религиозному многообразию, к масштабному развертыванию деятельности новых религиозных организаций также обусловливает широкий диапазон оценок.

3.1.7 Оценка результативности деятельности традиционных религий

Перед экспертами был поставлен вопрос об оценке деятельности традиционных для народа Казахстана религий (в контексте активности, влияния на мировоззрение, вовлечения в религиозные

общины, формирования соответствующего образа жизни и др.). Мнения оказались близкими в общих оценках деятельности, они находятся в диапазоне положительных, но при этом не самых высоких.

Эксперты обращают внимание на недостаточную активность традиционных религий в целом, отмечая, что, если рассматривать традиционными для Казахстана ханафитский мазхаб в Исламе и православие, то, несмотря на то, что традиционные для РК религии ислам и православие положительно влияют на мировоззрение, укрепляют толерантность, дружбу, формируют и укрепляют нравственные ценности, взаимоуважение и любовь, пока они имеют ключевые влияния на мировоззрение и образ жизни большинства населения Казахстана (в силу укорененности и близости к культурной и этнической идентификации), но в целом влияние традиционных религий оценивается больше как формальное, чем истинное духовное преобразование. Это, по мнению экспертов, вызвано несколькими факторами. В том числе, такими:

- традиционные религии не достаточно активны, практически не проводят пропагандистскую деятельность среди населения, принцип вовлечения в общины – добровольный. Между тем, влияние на мировоззрение и формирование соответствующего образа жизни происходит в том случае, если человек становится истинно верующим;

- традиционные для культуры народа Казахстана религии – ислам ханафитского мазхаба и православие достаточно пассивны, чтобы говорить о массовом влиянии. Действительно, больше стало ходить людей на богослужение, больше стало мечетей, церквей строиться,

- традиционные религии слишком заорганизованы, а могли бы гораздо больше хорошего привнести в жизнь общества. К сожалению, некоторые из них много сил отдают, в ущерб своей основной миссии, борьбе за место под «солнцем», хотят быть ближе к государственной власти. Желательно чтобы в деятельности традиционных религий не использовался административный ресурс;

- традиционные религии пытаются объединить людей на основе «веры по рождению», что не в полной мере отвечает современным требованиям;

- деятельность традиционных религий осуществляется в «традиционном русле» – идти должны к ним, а не они к людям. Особенно это относится к исламу конкретно, к служителям мечети.

В отношении традиционного ислама, который вместе с традиционными этническими традициями казахов укоренен в культуре, были высказаны следующие оценочные суждения:

- ислам исповедует большинство населения: строится много мечетей, однако, мусульмане в основном исповедуют религию только по силе привычки, традиции. Не понимают всю глубину данной религии, машинально исполняют кое-какие практики и все – дальше изучать, познавать они не хотят, потому что так удобно. Многие мусульмане стали держать уразу, но, к сожалению, при этом ценности и образ мышление остались неизменными. ДУМК работает недостаточно хорошо, не хватает своей системной работы, нет политики, концепции;

- …казахстанский ислам (говорю казахстанский, т.к. он отличается, допустим, от арабского или иранского, или турецкого, и вообще течений в исламе очень много). По исламу все сложнее. Допускаю, что есть как позитивное, так и негативное влияние этой религии на общество. Проблема – в качестве духовенства. У меня очень скептическое отношение к казахстанским мусульманским священнослужителям, поэтому не хотелось бы сильно распространяться на эту тему. Проблема в крайнем низком уровне образованности, в корыстности, нетерпимости… Допускаю, что есть среди них и порядочные люди. Но они явно в меньшинстве… Возможно, я не прав…Исламское духовенство активно не привлекает кого-то, а довольствуется тем, что к нему сама приходит определенная часть общества;

- большая претензия к служителям ислама – это низкая грамотность и корыстолюбие. Все в чем когда-то их критиковал Абай, актуально сегодня.

По оценке влияния русского православия на казахстанцев экспертами были сформулированы такие суждения:

- по развитию православия, думаю, здесь больше политических моментов, чем религиозных. Наше православие входит в подчинение Русской православной церкви, после смены патриарха ортодоксальность православной Церкви, на мой взгляд, несколько снизилась;

- православное духовенство действует вполне в политических рамках, соблюдая имеющиеся «правила игры». Работают со своими. Количество верующих по естественным причинам уменьшается, ну и будет продолжать падать. Это этническая религия,

которая будет в большей степени частью культуры казахстанцев славянских этносов. Каноны православия и традиционная культура здесь, в принципе, почти одно и тоже… добавляется лишь роль духовенства;

- деятельность православия не является активной, она не носит характер активного миссионерства, пропаганды, привлечения новых адептов, а также не имеет большого влияния на мировоззрение населения, значимо только для малой части русского населения;

- для славян Казахстана сохраняется доминирующее значение православия, хотя именно на них наряду с традиционными католиками направлена основная пропаганда своих религиозных ценностей со стороны новых религиозных движений.

3.1.8 Направленность и эффективность влияния новых религий

Эксперты, отвечая на вопрос о положительных факторах присутствия в Казахстане нетрадиционных религий, в 60% ответов высказали негативные оценки деятельности, такие, как; «считаю, что таковых нет», «не вижу положительных факторов», «ничего положительного не вижу, один только негатив». При этом некоторые эксперты отождествляют нетрадиционные религии с понятием «религиозные секты», наполняя его содержание исключительно негативным смыслом и уже только поэтому заключают, что «по определению в них не может быть ничего положительного».

В целом, при более подробном истолковании негативных оценок влияния НРО подчеркивалась такая характеристика, как «чуждость» казахстанскому менталитету, и даже больше, было сделано следующее обобщение: «В поликонфессиональности общества ничего положительного я не вижу. Такое общество конфликтогенно». Встретилась в ответах и более мягкая отрицательная модальность: «Положительных факторов практически нет, идет размывание традиционных для казахов, русских и других национальностей идей, жизненных основ, культуры. Это все подменяется псевдорелигиозными, придуманными, хорошо проповедуемыми, вбиваемыми в сознание людей идеями». «Каких-либо положительных факторов не наблюдается, кроме разве отдельных социальных проектов».

Была выражена и крайняя точка зрения, когда один из экспертов предложил закрывать новые религиозные организации в

связи с тем, что «все подобные течения в религии имеют только негативное воздействие на человека (и, если это не заметно сразу, то обязательно проявится в отдаленной перспективе)».

В 40% ответов на поставленный вопрос о положительных факторах присутствия в Казахстане нетрадиционных (новых) религий были даны следующие характеристики:

- Основной положительный фактор – воспитание толерантности.

- Возможность выбора при поиске пути к Богу.

- Воздействие на людей в том же направлении, что и традиционные религии (терпение, уважение, доброта).

- «Нетрадиционные» религии, так же как и «традиционные», несут добро, свет людям и более активны в своей религиозной жизни.

- Нацеленность на решение социальных проблем, таких, как борьба с бедностью, борьба с наркозависимостью.

- Привлечение граждан к вере, социальная помощь нуждающимся (бедным, находящимся в трудных жизненных ситуациях, освободившихся из мест заключения).

- Позитивом можно считать, например, возможность выбора у верующих, вернее ищущих веру… Это способствует развитию традиционных конфессий, как говорится, затем и щука в реке, чтобы карась не дремал… ислам и православие должны быть ближе к современному обществу, чтобы не потерять свое влияние, и они должны развиваться…что касается православия, то оно в последнее время заметно развивается в России, занимая позиции традиционной нравственности и выигрывая у нетрадиционных конфессий…за счет государственной поддержки, кстати, в том числе…А вот в Казахстане ислам, который неофициально признается главной религией, несмотря на поддержку государства, пока не может достаточно адекватно реагировать: уровень развитости священнослужителей остается архаичным, современные проблемы им не понятны, деньги их интересуют меньше, чем последователей Рона Хаббарда и т. п. Позитив главный от «нетрадиционщиков», пожалуй, в том, что они аккумулируют энергию той части общества, которая стремиться избежать традиционного выбора в духовной сфере…такие всегда будут…не будет кришнаитов, они станут иеговистами, не будет иеговистов, станут наркоманами, если здесь будут сложности, будут гомосексуалистами. Это та са-

мая часть неизбежных отклонений в обществе, которая просто должна дойти до естественного кризиса…Их или признают, или они вымирают…и в любом из случаев – общество развивается…в любом случае будет прогресс, а это хорошо…

- Развитие в гражданском сознании принципов веротерпимости. Данные религиозные объединения в большинстве своем не учат ничему плохому, только любви и уважению к ближнему. А также уважению и подчинению властям. Делают большую социальную работу, которая чаще всего остается незамеченной.

- Безусловно, это проявление демократизма в отношении всех религиозных движений и конфессий. Присутствие в Казахстане нетрадиционных религий отвечает конституционному праву каждого гражданина РК на свободу совести и вероисповедания.

- Фактор присутствия «нетрадиционных» религий доказывает, что РК – светское демократическое государство, где каждый гражданин имеет фактически свободу вероисповедания.

Вопрос о позитивном воздействии нетрадиционных (новых) для казахстанцев религий изучался также и в фокус-группах. Как следует из анализа обсуждений, участники фокус-групп еще меньше, чем эксперты, выделяют положительные факторы влияния НРО.

В группе пенсионеров было замечено, что нетрадиционные религии помогают расширить кругозор и для определенной части казахстанцев являются выбором религиозного пути. В группе бывших адептов нетрадиционной религии было отмечено: 1) «Хорошо, пусть в новых религиях, все равно, это – просвещение молодежи. Я считаю лучше ходить в церкви, чем принимать наркотики! Простите за столь грубое сравнение!». 2) «Хорошо, что некоторые приверженцы подобных религиозных верований оставляют аморальный образ жизни. Плохо то, что, оставляя аморальный образ жизни, они часто оставляют и реальность, своих родных и близких, будучи уверенными в своей правоте и в правоте своей религии».

В группе журналистов отмечено: 1) «Хорошо, что некоторые новые религиозные организации дают реальную помощь незащищенным слоям населения, плохо, что другие просто вытягивают деньги из людей» 2) «Вносят разнообразие в происходящее. Порой губят жизни и судьбы».

В отношении эффективности влияния в группе студентов казахского отделения были названы такие негативные последствия

влияния новых религий, как психологическое принуждение и обман под видом приобщения к вере: «Их цель не удовлетворить людей в потребности верить, а корысть, получение прибыли. Ничего хорошего нет в новых религиях, потому что наше общество многонациональное, это уже сложно, если еще будут очень много религий, то общество будет разобщенным. Эти религии воспитывают людей постоянно искать выгоду, увидеть в каких-то проблемах получение прибыли, повернуть обстоятельство в реализацию своих целей. Потому что в основе этих религий лежат финасы. На самом деле, это – не религии, естественно внедряются как религии, привлекают людей, уверяют их и через это осуществляют свою корыстную цель». «Людей все время подталкивают, запутывают, указывают им какое направление принять и людей психологически принуждают, одурачивают».

В группе магистрантов было подчеркнуто, что

- Новая религия – это чья-то цель. Новые религии нужны для того, чтобы управлять людьми, чтобы удовлетворить свои цели. Им нужны новые потоки, новые люди и надо, чтобы к ним постоянно прибывали новые люди, чтобы платили взносы.

- Настоящая религия сложилась веками, прошла испытание. Новое, как это может быть новое, если уже есть религия, сложившаяся исторически? Новое – это значит придуманное, не настоящее. Религия не должна преображаться, измениться. Если есть религия уже существующая, то зачем придумать новое?

- Новые направления пишут какие-то новые законы, тем самым происходит разобщенность в обществе.

Курсанты военного учебного заведения объяснили потенциальную опасность новых религий тем, что их присутствие наряду с традиционными порождает соперничество и конфликт. Кроме того, «это путает людей, и люди не знают чему верить», особенно тогда, когда «многие религиозные верования (особенно в последнее время) используют все пути и методы, чтобы заманить людей к себе в организацию, берут с них деньги, сбивают людей с истинного пути…», «новые религии созданы теми людьми, которые не верят в Аллаха, а верят в свои силы и силу денег: «Если хочешь стать великим и богатым придумай новую религию».

Журналисты полагают, что новые религиозные верования – «процесс зачастую искусственный, ведомый группой лиц, преследующих определенные цели», которые «эксплуатируют не-

вежество современных людей». «Религия не должна и не может видоизменяться, иначе она становится очередной религиозной сектой», поэтому плохо, что под видом новых религиозных верований часто скрывается экстремизм, нетерпимость, разжигание межрелигиозной розни, зомбирование граждан, выуживание их материальных средств – это крайне отрицательные явления».

В группе работников финансового учреждения перечислены такие негативные влияния, как зомбированность сознания, закрытость организаций, жесткость и жестокость внутренней дисциплины, которые «ломают» адептов, меняют их образ жизни не в лучшую сторону (если судить с точки зрений развития личности).

Преподаватели вуза считают, что подавляющее большинство нетрадиционных религий – это секты, лидеры которых преследуют личные цели: «через психологическую зависимость получать прибыль, определенную выгоду от последователей».

Группа пенсионеров задается вопрошанием: «Почему у человека, принадлежащего к одной религии, которая идет от предков, должно меняться его мировоззрение к новой религии? Он будет менять, принимать религию в зависимости от обстоятельств?», «Если бог один, то для чего разные религиозные течения?». Отвечают на поставленные вопросы так: «Не сведущий современный человек становится игрушкой в руках умелых руководителей секты», «Надо бы знать историю религий, чтобы не попадать в умело расставленные сети».

Бывшие адепты новой религиозной организации отметили, что, в принципе, в современных условиях «не может быть религий, которые возникают спонтанно. …Чаще всего, такие религиозные объединения возникают в обществе, где духовные ценности не были правильно привиты и люди, не понимающие и, тем более, не знающие историю, попадаются в сети таких объединений». «Тем более, что большинство из этих объединений, опираясь на правильные источники (Библия, Коран), несут в себе корыстные мотивы: коммерческий интерес, привлечение молодых для осуществления своих планов, влияние на общество и политику и т. д.». «…они преследуют собственнические интересы узкого круга (мотивы наживы, обман людей, не более того) и не имеют никакого духовного основания».

Эксперты отвечали на уточняющий вопрос «Проявляется ли негативное влияние нетрадиционных для Казахстана религиоз-

ных верований? Если проявляется, то в чем?». Отрицательный ответ дали 16,7% экспертов, которые констатировали, что не видят негативного влияния нетрадиционных религий в Казахстане.

Более 80% экспертов отметили факторы негативного проявления нетрадиционных религий в Казахстане, главные из которых:

- возможность завоевания сознания народа прозападными псевдорелигиозными объединениями, тогда мы потеряем часть населения, которая не станет подчиняться светской власти Казахстана, не станет соблюдать законы, станет непатриотичной по отношению к нашему государству, не станет считать себя казахами, русскими, татарами, узбеками и т. д.;

- радикализация исламской части населения как реакция против распространения нетрадиционных религий, которые очень активны;

- чрезмерная активность «промывания мозгов» нетрадиционными религиями, а также их планы «евангелизировать» все население, особенно – казахское и т. д.

Как заключают эксперты, «негативных моментов можно перечислить много» (навязывание чуждых ценностей, ориентация на разделение общества, конверсия, зарабатывание денег на вере), «негативное влияние присутствует, причем сильно» из-за все большего вовлечения сограждан в нетрадиционные религии, в том числе потому, что «из-за слабой информированности об истинных мотивах отдельных религиозных движений население не может их объективно оценить. Многие (в особенности молодежь), попадаются на удочку необычных, хорошо себя рекламируемых представителей нетрадиционных верований. Это своего рода экзотика для нашего населения, которая привлекает. Опасность имеет место, когда мы имеем дело с сектами тоталитарного типа» – как такими организациями, которые подавляют личность верующего, создают условия для изоляции его из привычного окружения с помощью специальных методов.

Эксперты подчеркивают, что «после знакомства с внутренним устройством, организацией, формами и методами работы новых религиозных организаций у многих формируется негативное отношение к религии».

В экспертной среде преобладают позиции о том, что «большинство нетрадиционных для Казахстана религиозных верова-

ний имеют сектантский и коммерческий характер», «нетрадиционные религиозные организации (они же – секты)- прибыльный бизнес для людей, обладающих способностями гипноза». Проявления асоциальной деятельности подобных организаций эксперты видят в обманном вовлечении граждан, в использовании манипулятивных технологий, когда «многие положения надуманы в интересах определенных групп», а к прихожанам применяются радикальные меры. Подчеркивается, что, «когда эти «пастыри» начинают использовать верующих в своих личных интересах – экономических или политических, вот тогда и начинаются негативные последствия. Кого-то квартиру заставляют «пожертвовать» общине, а кого-то с гранатой отправляют на джихад…».

Деятельность новых религиозных организаций в Казахстане получает далеко не однозначное оценивание, как в экспертном сообществе, так и в массовом сознании. Респонденты отметили негативные последствия деятельности новых религиозных организаций (табл. 14).

Таблица 14

Оценка негативных факторов деятельности новых религиозных организаций

Оценочные суждения	Индикаторы
«Положительных факторов практически нет, идет размывание традиционных для казахов, русских и других национальностей идей, жизненных основ, культуры. Это все подменяется псевдорелигиозными, придуманными, хорошо проповедуемыми, вбиваемыми в сознание людей идеями». «Ничего положительного не вижу, их присутствие является чуждым казахстанскому менталитету». «Для меня понятие «нетрадиционные» равносильно понятию «религиозные секты». Соответственно, положительных моментов я в этом не наблюдаю».	Утратная идентичность: этническая, социокультурная, духовная. Вторжение псевдорелигиозной идеологии.
«Нет положительных факторов. Считаю, что все подобные течения в религии имеют только негативное воздействие на человека (и если это не заметно сразу, то обязательно проявится в отдаленной перспективе)».	Риски проявления отдаленных негативных последствий.
«В поликонфессиональности общества ничего положительного я не вижу. Такое общество конфликтогенно».	Риски повышенной конфликтогенности.
«Из-за слабой информированности об истинных мотивах отдельных религиозных движений население не может их объективно оценить. Многие люди (в особенности молодежь), попадаются на удочку необычных, интересных, хорошо себя рекламируемых представителей нетрадиционных верований.	Риски вовлечения в тоталитарные организации.

Продолжение таблицы 14

Это своего рода экзотика для нашего населения, которая привлекает. Опасность имеет место, когда мы имеем дело с сектами тоталитарного типа».	
«Возможность «завоевания» сознания народа прозападными псевдорелигиозными объединениями, когда мы потеряем часть населения, которая не станет подчиняться светской власти Казахстана, не станет соблюдать законы, станет непатриотичной по отношению к нашему государству, не станет считать себя казахами, русскими, татарами, узбеками и т. д.».	Снижение гражданственности и патриотизма. Утрата национальной идентичности. Потеря светского характера государства.
«Навязывание чуждых ценностей, упрощение религии, уход людей из традиционных религий, зарабатывание денег на вере».	Утрата идейного единства общества. Сокращение ареала традиционной духовности.
«Большинство нетрадиционных для Казахстана псевдорелигиозных верований имеют коммерческий характер, в итоге – обманутые люди».	Подмена религиозной деятельности квазирелигиозной. Коммерциализация.
«Проявляется, так как есть вера, а есть «шкурные» интересы так называемого «духовенства». Когда эти «пастыри» начинают использовать верующих в своих личных интересах: экономических или политических, вот тогда и начинаются негативные последствия – кого-то квартиру заставляют «пожертвовать» общине, а кого-то с гранатой отправляют на джихад…».	Переформатированная идентичность. Отчуждение собственности. Подготовка к экстремистским действиям и террористическим актам.
«После знакомства с внутренним устройством, организацией, формами и методами работы нетрадиционных религиозных направлений у многих людей формируется негативное отношение к религии в целом». «Идолопоклонство, противоречит религиям».	Фальсификация религии как социокультурного института.
«Чрезмерная активность «промывания мозгов» нетрадиционными религиями, а также их планы «евангелизировать» все население, особенно – казахское и т. д.».	Утрата традиционной социокультурной идентичности казахов по вектору евангелизации.
«Радикализация исламской части населения как реакция против распространения нетрадиционных религий, которые очень активны».	Риск противостояния на религиозной почве между радикальным исламом и новыми религиозными организациями.
«Вовлекаются в большей степени подростки и молодежь, что негативно».	Вовлечение молодежи.
«Не приносят никакой пользы, наоборот, вовлекают детей с помощью родителей, не спрашивая их мнения. Дети, вошедшие в секты, плохо влияют на окружающих их детей внешним видом, взглядами на окружающий мир, своими изречениями, фанатизмом и т. д.».	Негативная ресоциализация детей и подростков.
«Слишком настойчиво зовут в свою религию, можно сказать навязывают, зомбируют; проявляют фанатизм, навязчивость, невнимание, и неуважение других религий; часто чуть ли не преследование, а иногда даже агрессивность». «Их навязчивость и фанатизм отворачивают от людей, от их веры». «У нетрадиционно-религиозных групп сильно развит фанатизм и их вера в Бога как бы показная, не истинная».	Агрессивный прозелитизм, навязчиво насаждаемая идентичность, зомбирование, преследование.

Продолжение таблицы 14

«Чаще проявляется в асоциальной направленности действий этих общин. Они являются носителями радикальных мер по отношению к прихожанам, многие положения надуманы в интересах определенных групп».	Применение радикальных мер к неофитам. Утрата самостоятельности личности. Программируемое поведение.
«Некоторые течения подрывают и травмируют психику населения». «Зомбирование, непонимание людей других религий».	Нарушение здоровья.
«Увод людей от семьи, от общества. Уход из социальной реальности и псевдозамещение, попытка внести несвойственную большинству философию разделения: они – праведны, остальные – грешны. Разводы в семье, где члены семьи представляют различные религиозные воззрения».	Дезинтеграция общества, распад семей, противостояние по линии «свои – чужие».
«Проявляется в отрицании равноправия между мужчиной и женщиной», в «пропаганде превосходства одной религии под другой».	Пропаганда превосходства по религиозному признаку.
«Проявляется, а вообще к Богу надо приходить самому с душой, а не под давлением и оскорблением других верований».	Нарушение свободы вероисповедания.
«Массово пока не проявляются, но вот когда проявятся, будет уже поздно задавать такой вопрос».	Предупреждают о негативном эффекте воздействия.

Спектр определения положительных факторов присутствия в Казахстане «нетрадиционных» религий и соответствующих им новых религиозных организаций респондентами представим в формате таблицы (табл. 15).

Таблица 15

Оценка положительных факторов деятельности новых религиозных организаций

Оценочные суждения	Индикаторы
«Безусловно, это проявление демократизма в отношении всех религиозных движений и конфессий. Присутствие в Казахстане нетрадиционных религий отвечает конституционному праву каждого гражданина РК на свободу совести и вероисповедания».	Признание позиции государства в отношении соответствия нормам права, как международным, так и национальным (свобода убеждений, свобода религии, свобода совести, свобода вероисповедания).
«Фактор присутствия «нетрадиционных» религий доказывает, что РК – светское демократическое государство, где каждый гражданин имеет фактически свободу вероисповедания».	Подтверждение статуса светского демократического государства.
«Возможность выбора при поиске пути к Богу».	Реализация права на свободу религии.
«Основной положительный фактор – воспитание толерантности».	Толерантность как принцип и норма.

Продолжение таблицы 15

«Нетрадиционные» религии, так же как и «традиционные», несут добро, свет людям и более активны в своей религиозной жизни».	Формирование нравственности, социальная активность.
«Воздействие на людей в том же направлении, что и традиционные религии (терпение, уважение, доброта)».	Воспитание нравственных качеств.
«Позитив главный от «нетрадиционщиков», пожалуй, в том, что они аккумулируют энергию той части общества, которая стремится избежать традиционного выбора в духовной сфере…такие всегда будут…не будет кришнаитов, они станут иеговистами, не будет иеговистов, станут наркоманами, если здесь будут сложности, будут гомосексуалистами. Это та самая часть неизбежных отклонений в обществе, которая просто должна дойти до естественного кризиса…Их или признают, или они вымирают…и в любом из случаев – общество развивается…в любом случае будет прогресс, а это хорошо…».	Предоставление гражданам возможностей социализации.
«Развитие в гражданском сознании принципов веротерпимости. Данные религиозные объединения в большинстве своем не учат ничему плохому, только любви и уважению к ближнему. А также уважению и подчинению властям. Делают большую социальную работу, которая чаще всего остается незамеченной».	Пропаганда принципа веротерпимости, утверждение принципа любви к ближнему.
«Нацеленность на решение социальных проблем: борьба с бедностью, борьба с наркозависимостью, др. благотворительные акции».	Организация и проведение социальной работы, направленной на преодоление бедности, снижение наркотической зависимости.
Во всех «нетрадиционных» религиозных конфессиях борются за привлечение каждого человека, в то время, когда «традиционные» религии не идут «в народ».	Эффективная организация активного прозелитизма.

Мнения респондентов о деятельности НРО в формате оценочных суждений проявляют широкий диапазон факторов воздействия, причем, отмечены не только результативные влияния (как положительные, так и негативные), но и осуществлены характеристики деятельности новых религиозных организаций.

3.1.9 Индикаторы деятельности квазирелигиозных организаций

Казахстан как «серединное» государство Евразии на рубеже XX–XXI столетий оказалось в эпицентре геополитических интересов различных игроков и фактически достаточно большие группы сограждан (возрастные, этнические, социально-профессиональные, образовательные и др.) оказались в ситуации утратной

идентичности, стали носителями новой «религиозной» (точнее – «квазирелигиозной») субкультуры, которая содействует их маргинализации.

Среди причин стремительной оккупации казахстанского менталитета новым религиозными концептами либеральное законодательство в отношении регистрации религиозных организаций, реальная толерантная среда, присущая в целом казахстанскому обществу, период деидеологизации, который сопутствовал началу интенсивных религиозных миграций, своеобразная «мода» на религиозность, которая охватила различные группы населения после длительной эпохи «атеизации» общества. Такое состояние дел стало возможным – в числе других причин – еще и потому, что в Казахстане не применялись методики и не были выработаны методологические и аксиологические подходы к оценке эффективности деятельности новых религиозных организаций.

Экспертный анализ показывает, что расшатывание образа государственности через разрушение ценностных основ казахстанского менталитета имеет характер управляемой и специально организованной деятельности. Она свободно осуществляется под камуфляжем новых религиозных культов, общественных объединений (зачастую прошедших государственную регистрацию, чем и бравируют), в целом имеющих сетевой характер деятельности. В идеологическом плане деятельность таких организаций сопровождается постоянным нагнетанием дискуссий о демократической несвободе, а по сути – воспроизводит модель «управляемой демократии» и «планируемого хаоса».

Настораживает схожесть методик «обращения» в новые религиозные культы, которые свойственны и псевдохристианским, и псевдоисламским организациям. И те, и другие для пополнения рядов своих сторонников используют момент личностного кризиса, возросший интерес к нравственным и мировоззренческим поискам, стремление осмыслить ценностную картину, преодолеть какие-то жизненные барьеры, например, вредные привычки. Главным средством вовлечения в новые общины под флагом «религиозного служения» становится обещание исцеления (духовного и физического), обретение новых братьев и сестер, семьи, удовлетворение системы религиозных (изучение Корана и ли Библии, молитвенная практика) и нерелигиозных потребностей в условиях новой коллективности. Причем, направления де-

ятельности новых «агентов» идеологического воздействия могут камуфлироваться под отправление религиозного культа, выглядеть как тренинги личностных достижений, как поддержка тех, у кого имеются жизненные трудности и проблемы, рекламироваться, как способы изучить иностранный язык или получить навыки эффективного аутотренинга, овладеть практикой оздоровления и прикрываться другими, уже ставшими широко известными «вывесками», приемами и методами.

Анализ проповедей и видов деятельности, которые осуществляют псевдорелигиозные организации, показывает, что служители культа последовательно и настойчиво проводят направленное акцентирование социально-экономических проблем жизни казахстанцев. Политизируют оценки происходящих социальных изменений с уклоном в негативизм, подменяют причинно-следственные связи действительности вымышленными мифологическими зависимостями, которые уводят мышление адептов от реальности. Они также противопоставляют усилия религиозной группы другим способам социальной поддержки граждан, навязывают убеждения и принуждают к перемене мировоззрения и миропонимания, применяют угрозы и внушают страхи, начиная от морального гнета вплоть до физических способов воздействия. Кроме того, образу казахстанского государства, его институтам приписываются характеристики монстров, врагов, с которыми необходимо бороться с позиций (псевдо)религиозной веры, призывающей ее адептов стать «духовными воинами» для достижения поставленных целей.

Все это воплощается в нескончаемых проповедях и тренингах, встречах и беседах, конечная цель которых – вывести гражданина из привычных групп участия (семейной, дружеской, профессиональной) и вовлечь в общину новых единомышленников, переподчинить собственную волю повелениям общинного лидера. Преследование цели достичь противостояния индивида и группы, гражданина и общества мы рассматриваем как расшатывание общекультурной идентичности, подрыв атмосферы согласия в нашем обществе. А подобная деятельность уже может классифицироваться как политически ангажированная и идеологически мотивированная.

Расшатывание сложившегося миропонимания осуществляется через разрушение ценностных основ казахстанского мента-

литета: деформируются представления о ценности родительской семьи, взаимоотношениями между поколениями. Как показывает практика экспертной работы, многие общины под прикрытием религии ведут активную целенаправленную работу по вовлечению в свои ряды новообращенных и воспитанию адептов, занимаясь при этом далеко не религиозной деятельностью. На наш взгляд, зачастую подобная деятельность принимает не естественный, а заданный характер «насаждения» определенного мировоззрения, модели поведения, образа жизни, то есть «навязанной» идентичности. Мы предлагаем называть такие общины псевдорелигиозными, а их деятельность оценивать как квазирелигиозную.

По сути, в казахстанском обществе созданы сети с альтернативной идеологией (претендующей на религиозно-политическую), строгой организационной дисциплиной, с достаточно большим количеством последователей, которые представляют собой психологически и идейно зомбированную публику с нарушенной ценностной структурой восприятия и превращенным гражданским сознанием, переподчиненным воле харизматичного лидера общины.

В обществе объективно существует, хотя пока и не регистрируется в социозамерах потенциальная опасность утраты достигнутого ранее единства народа. Общая динамика форм и видов социальной мобильности населения оказывается подверженной не только внутренним причинам, но и внешним влияниям, приобретает характер стихийно или сознательно создаваемых угроз стабильности общественного развития, служит фактором деформации социумной целостности и выступает серьезным риском устойчивого развития государства. Одной из таких угроз является экспансия псевдорелигиозных (нетрадиционных, ориенталистских, харизматических, экстремистских) организаций в Казахстан. Их активное распространение способствует размыванию и казахской, и казахстанской идентичности, снижению качества воспроизводства человеческого капитала в форме общих для казахстанского народа ценностей. Религиозность и религия стали своеобразным фоном наступательной деятельности нетрадиционных для нашей культуры верований. Достаточно взглянуть на конфессиональную карту страны.

Массовое появление и распространение информации о «духовности» способствует переориентации менталитета сограждан, вовлекает их в деятельность новых корпораций, создавая квази-

сообщества посредством внушения предустановок на программирование поведения. Риски подобной деятельности проявляются в том, что все большее число соотечественников оказывается исключенным из традиционных способов культурной адаптации в семье, в образовательных учреждениях, в профессиональных сообществах. В результате утрачивается стабильность не только отдельно взятой семьи, но и общества. Экспертный анализ различных средств воздействия (не только книг, брошюр, но и текстов прямых воззваний, листовок, материалов аудио и видеодисков с проповедями и служениями) показывает, что они по своему содержанию и назначению не случайны. Напротив, рассмотренные в совокупности, они представляют систему направленного воздействия на сознание и поведение.

Потенциальный потребитель информации может найти в такой специальной и навязчивой пропаганде (которая, кстати, проводится и явно, и скрыто, с применением современных методов воздействия на восприятие) установки на экстремизацию поведения. Экстремизация выражается в формировании направленного противопоставления в отношении убеждений, ценностей, норм, принятых в обществе. Противопоставление и неприятие сложившегося жизненного контекста направлено на разрушение представлений о семейных традициях и ценностях, на отчуждение индивида от профессионального окружения, на значительное ограничение и сведение к минимуму социальных ролей и функций, на инициацию протестного сознания с формированием готовности принять участие в практических действиях, направленных на противостояние.

Подобные средства манипуляционные воздействия напрямую связаны с переориентацией человека как личности на определенные цели и задачи служения «заданным» программам, на переподчинение воли, на переориентацию сознания и являются ничем иным, как механизмом дезадаптации. Дезадаптация приводит к личностным кризисам, которые связаны с изменением отношения к миру, к переориентации личностных смыслов на цели и задачи псевдорелигиозных организаций, в которые попадают носители «новых» или «правильных» идей. Зачастую такие установки присутствуют в так называемой «религиозной» (а по сути своей – псевдорелигиозной) литературе, которая может быть представлена в различных форматах: вопросы и ответы, коммен-

тарии к вероучительным текстам; беседы с руководителем «духовной» организации; переписка с последователями учения; ответы лидера рядовым участникам по различным вопросам обыденной жизни прихожан и др. Распространяемая литература несет риски утраты культурных традиций.

Вовлечение в новые корпорации духа через предоставление возможностей занятости, в том числе – дистанционно – требует применения всестороннего мониторинга со стороны государства.

3.2 Религиозная конверсия: контуры и подходы к исследованию

3.2.1 Восприятие конверсии и ее масштабирование массовым сознанием

Казахстан – многоконфессиональное и полиэтничное государство, у граждан которого в период суверенизации происходит переопределение идентичности, включая религиозную компоненту. Значимость религии в качестве не только социокультурного, но и политического института, как одного из доступных каналов социализации приводит не только к акцентированию процесса традиционной этноконфессиональной идентичности, а также и к расширению возможностей религиозной конверсии, которая становится одним из явных трендов религиозности многоконфессиональной среде.

Пока нет однозначной оценки процесса религиозной конверсии ни в экспертном сообществе, но в массовом сознании, хотя сам феномен представляет не только научный, политический, но и практический интерес. Конверсия, заключающаяся в трансформации многомерной идентичности индивида или группы под воздействием изменения религиозности, становится важной тенденцией социализации достаточно большого числа соотечественников. В ходе мониторинга религиозности нами исследовались вопросы отношения населения к религиозной конверсии в целом, выявления ее масштабов в собственной семье, в семьях ближайшего окружения (родных, близких, родственников, соседей, сослуживцев).

Исследования показывают, что за время суверенного развития изменилась мировоззренческая атмосфера общества, в том числе по таким демаркационным линиям, как «светскость/рели-

гиозность», «прежняя религиозность/новая религиозность». Последствия религиозной конверсии еще не проявлены в полной мере с позиций утратной идентичности. Оценка фактора религиозной конверсии при ответе респондентов на вопрос «Если Ваши родные решат или уже решили сменить религиозные убеждения, то как Вы к этому отнесетесь?» выявила достаточно толерантное отношение к этому процессу:

- почти каждый второй респондент (46,1%) не будет против изменения религиозных предпочтений своих родных, так как видит в возможности такого выбора реализацию права на свободу совести;

- несколько больше, чем каждый третий респондент (34,1%) не поддерживает религиозную конверсию среди родных, так как полагает обязательность культурно-исторической преемственности в этноконфессиональной идентичности, рассматривая ее как «связь с предками»;

- безразличное отношение к процессу религиозной конверсии среди родных выразили 16,7% респондентов;

- 2,5% респондентов выражают свое полное понимание процесса религиозной конверсии, поскольку сами переменили религиозные убеждения (рис. 31).

Рис. 31. **Распределение ответов на вопрос «Если Ваши родные решат или уже решили сменить религиозные убеждения, то как Вы к этому отнесетесь?»**

По данным социологического мониторинга в 2012-2013 гг. обнаруживается, что в процессы религиозной конверсии вовлекается все большее число сограждан, которое связано с процессом

существенной трансформации образа жизни в связи с принятием новой ценностно-нормативной культуры. Возможности вовлечения обусловлены тем, что в период суверенизации возрос интерес к религии в целом, увеличилось количество религиозных организаций и групп, новые религиозные движения достаточно «успешно» интегрировались в толерантное казахстанское общество, хотя действуют не всегда открыто и даже нелегально, используя специальные технологии «насаждения» религиозности. На уровне семейной группы все чаще проявляются нетипичные в прошлом ситуации, когда члены семьи становятся носителями разных религиозных убеждений, что не всегда способствует сохранению семьи.

Каковы масштабы религиозной конверсии, ее проекции на различные социальные группы и слои? В целом в мониторинге последних лет фиксируется возрастание числа сограждан, вовлеченных в процессы религиозной конверсии. В исследовании 2013 г. проявлено, что в среднем в религиозной конверсии участвует 8,5% взрослого населения, что является показателем высокой религиозной мобильности, которая должна проявляться в различных сферах взаимодействий личности, семейной группы и общества.

Проанализируем оценку масштаба религиозной конверсии по параметру «этническая и традиционная религиозная принадлежность не совпадают, произошел переход в другую веру» в проекции на разные статусно-идентификационные группы респондентов.

В целом респонденты указывают на преобладание процесса религиозной конверсии в семьях соседей, коллег и друзей (рис. 32), а в проекции на «мужской» и «женский» взгляд разрыв увеличивается (рис. 33).

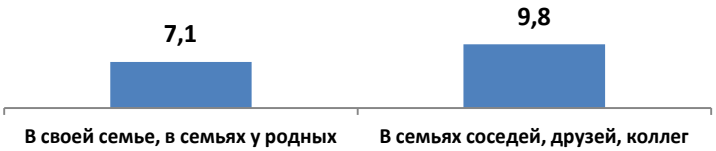


Рис. 32. **Распределение ответов по параметру «Этническая и традиционная религиозная принадлежность не совпадают, произошел переход в другую веру»**

Рис. 33. **Распределение ответов по параметру «Этническая и традиционная религиозная принадлежность не совпадают, произошел переход в другую веру» в проекции на гендерную принадлежность**

Распределение ответов респондентов в зависимости от этнической принадлежности показывает, что в процессы религиозной конверсии в большей степени вовлечены представители казахской национальности (10%-11,7%), по сравнению с русскими (4,2%-7,9%) и казахстанцами других этнических групп (2,9%-7,4%) (рис. 34).

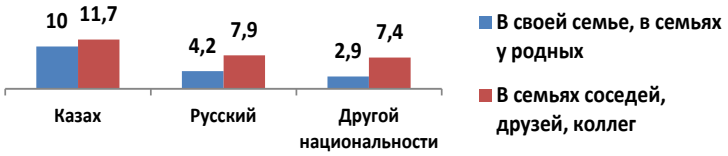


Рис. 34. **Распределение ответов по параметру «Этническая и традиционная религиозная принадлежность не совпадают, произошел переход в другую веру» в проекции на этничность**

Проекции ответов в зависимости от возраста респондентов проявляют тенденцию бо́льшего религиозного обращения молодых (от 18 до 29 лет) казахстанцев, а также сограждан зрелого (от 46 до 60 лет) и старшего (старше 60 лет) возраста (рис. 35).

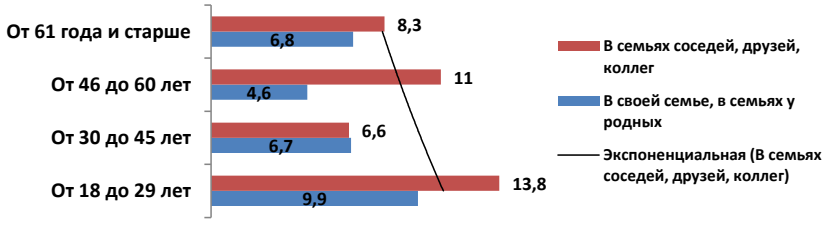


Рис. 35. **Распределение ответов по параметру «Этническая и традиционная религиозная принадлежность не совпадают, произошел переход в другую веру» в проекции на возраст**

В процессы религиозной конверсии вовлечены достаточно образованные казахстанцы (рис. 36), в связи с чем возникает вопрос о причинах религиозных миграций образованной части казахстанского общества, что требует специального изучения.

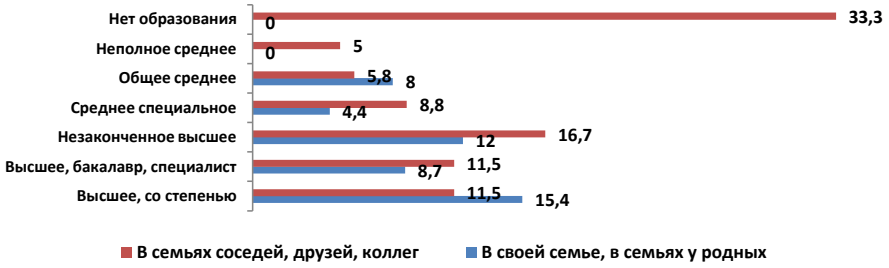


Рис. 36. **Распределение ответов по параметру «Этническая и традиционная религиозная принадлежность не совпадают, произошел переход в другую веру » в проекции на уровень образования**

Обращает внимание тенденция вовлеченности в процессы религиозной конверсии учащейся молодежи (9,4%–18,9%), работающих пенсионеров (17,4%), ищущих работу (11,6%). Линия тренда проявляет ситуацию бо̲льшей вовлеченности в процессы религиозной конверсии населения из социально-активных групп (работающие, учащиеся, ищущие работу), что ставит вопросы о характере процесса, его естественной или заданной природе (рис. 37).

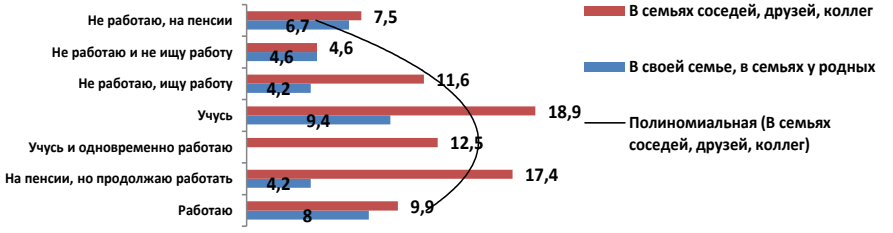


Рис. 37. **Распределение ответов по параметру «Этническая и традиционная религиозная принадлежность не совпадают, произошел переход в другую веру» в проекции на занятость**

Сравнение показателей религиозной конверсии в зависимости от места проживания респондентов обнаруживает, что в сельской

местности религиозная конверсия проявлена в меньшей степени, чем в городе, но с достаточной очевидностью (рис. 38).

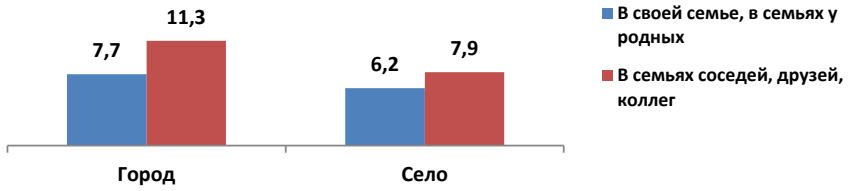


Рис. 38. **Распределение ответов по параметру «Этническая и традиционная религиозная принадлежность не совпадают, произошел переход в другую веру» в проекции на место жительства**

В результате религиозной конверсии (а в ее различные виды включено от 6% до 11% взрослого населения) индивиды утрачивают традиционные (культурно-исторически предписанные и связанные с этнической самоидентичностью) конфессиональные статусы, становясь носителями новой субкультуры (нередко – квазирелигиозной), которая содействует расширению процесса маргинализации.

Религиозная конверсия только становится предметом научного мониторинга и прецедентом осмысления в массовом сознании. Активность дискуссий о ее причинах и последствиях в Казахстане смещена в блогосферу, в комментарии Интернет-пользователей. Видимые для казахстанцев последствия религиозной конверсии связаны не просто с переменой ценностно-смысловых концептов мировоззрения, но и с факторами, существенно трансформирующими личностную и групповую (не только семейную, но и социально-профессиональную) идентичность.

Тенденциальность явления фиксируется нарастающим числом обращений граждан в консультационные центры с просьбами о помощи возвратить родных, близких, друзей, коллег из нетрадиционных для Казахстана религиозных организаций. Анализ более, чем 300 индивидуальных историй казахстанцев, обратившихся в связи с включенностью членов семьи в процесс религиозной конверсии, показывает, что пребывание в новых религиозных организациях различной направленности приводит к таким изменениям, как

- распад семейных отношений (при условии расхождения религиозных предпочтений супругов, родителей и детей),

- нарушения физического/психического здоровья (в результате применения лекарственных средств, очистительных/оздоровительных процедур, совершения медитаций),

- снижение достигнутого ранее социального статуса (в ситуациях отказа от учебы, от активной профессиональной или общественной деятельности),

- утрата имущества семьи (через отчуждение, дарение религиозной общине),

- разрушение бизнеса и трудовых коллективов.

Последствия религиозной конверсии еще не проявлены в полной мере с позиций утратной идентичности, а мониторинг общественного мнения выявил недостаточное информирование казахстанцев о деятельности религиозных организаций, причем, не только новых, но и традиционных.

Мониторинг мнений населения проявил не только толерантное отношение казахстанцев к феномену религиозной конверсии, выявил некоторые тенденции ее осуществления, но и поставил вопросы о внутреннем механизме процесса, в который в разной степени вовлечены и городские, и сельские жители, представители всех этнических и возрастных групп, преимущественно социально-активные слои населения.

На наш взгляд, подобная ситуация проявляет несколько моментов, связанных с общими тенденциями развития религиозности в современном Казахстане. Среди них такие, как в целом нерелигиозное сознание у преобладающей части населения, индифферентного по отношению к религии как вере, смыслу и образу жизни (более, чем половины взрослых казахстанцев); небольшой удельный вес действительно (или «истинно») верующих (15-19%, включая так называемую не манифестируемую, скрытую религиозность); сохраняющееся достаточно значительное количество атеистически настроенных (до 10-12% взрослого населения); никогда не рефлексирующее на тему религии взрослое население (6-8%). Далее, к причинам принятия массовым сознанием религиозной конверсии как естественного процесса следует отнести действительно осуществившийся мировоззренческий плюрализм как реализованное право на свободу совести и свободный выбор исповедания. Многоконфессиональность казахстанского общества, как индикатор поликультурности, также способствует толерантному восприятию феномена религиозной конверсии.

3.2.2 Преодоление последствий конверсии в связи с прекращением деятельности религиозной организации

В фокус-группах обсуждались два взаимосвязанных вопроса, которые вызваны последствиями конверсии, которые уже практически проявляются в казахстанской действительности. Первый вопрос связан с противоправными действиями отдельных религиозных организаций, которые воплощаются в том, что вовлеченные в них сограждане становятсяносителями «утратной идентичности» из-за распада семейных отношений, потерей социального статуса, отчуждением имущественных прав. Вопрос был сформулирован так: «Если имеются факты того, что новое религиозное объединение не занимается религиозной деятельностью, а калечит здоровье своих прихожан, разрушает семьи, лишает нажитого имущества и др., то, что нужно делать с соответствующей организацией и кто должен это осуществлять?»

Студенты вуза казахского отделения при обсуждении вопроса об отношении к НРО, осуществляющей противоправную деятельность, отметили, что «цели религии – это не противостоять друг другу, а, наоборот, объединить людей, научить уважать друг друга. А сейчас сплошь наблюдаем, как эти религии ругают друг друга, отрицают учение других, восхищая только свое. А как может быть другая религия внутри религии, в той же мусульманской, например, чему они учат, кроме как отрицают основную веру, и дают свое толкование? Надо проверять религиозные организации, прежде чем им дается свобода проповедовать в обществе». «А если религиозная организация нарушает законы, то «чтобы запретить, должна быть какая-то государственная организация, членами которой являются представители религий и науки и которая дает толкование, ведет ли эта религиозная организация противозаконную работу. Это организация должна играть роль государственного религиозного надзора, который анализирует, оценивает, поясняет. Также у этой организации должны быть права, санкционирующие действия... …Если это обман, то зачем разрешать? Эти представители должны также дать глубокое пояснение народу о религиях, чтобы люди не заблуждались». «…когда человек рождается, у него есть религиозная принадлежность к традиционным религиям, это надо больше проповедовать, тогда меньше будет сектантов».

Магистранты спроецировали ситуацию нарушения законов на себя: «Если эта религиозная организация ведет к тому, что раз-

рушает мою семью, то надо применить наказание». Был приведен конкретный пример: «Мне подруга рассказывала, она работает в службе скорой помощи. Ее коллега, медсестра предупредила: ты не удивляйся, если врач поведет себя странно». Когда приехали по вызову с врачом к пациентке, врач с порога скинула пальто и начала кричать «Аллилуйя», крутиться, вертеться, наклоняться, подняв руки вверх и бить пациента. При этом кричит: «смотри на меня», «смотри на меня», «я тебя вылечу». Пациент в шоке, родственники в шоке. Дали ей чай, угощали, лишь бы эта врач ушла. А там пациент остался с высокой температурой и без медицинской помощи. Кто тут отвечает за поведение врача? Разве можно было допускать ее к ответственной работе врача?».

Курсанты военного вуза казахского отделения считают, что «не следует давать дорогу тем религиозным организациям, которые нарушают законы. Их надо убирать законодательным путем», а так как ответственность несут лидеры этих организаций, то надо всегда их выявлять и «если остановить в самом начале, будет хорошо для наших детей». «Следует искоренять коррупцию, выявлять тех чиновников, которые в акимате поддерживают секты». А «имамы должны объяснять, чем отличаются секты, а также новые религии от традиционных религий, говорить, чтобы верующие держались от сектантов подальше». «Вообще надо рассмотреть деятельность сект как важную проблему, обсудить ее, проверить деятельность, если требуется. Есть специалисты, надо создавать комиссии для контроля».

Курсанты военного вуза русского отделения высказали единодушную позицию в отношении закрытия тех религиозных организаций, которые нарушают законы государства, не считаются с правами граждан. А так как новые религиозные организации часто не афишируют свою деятельность, то «власть должна принимать все необходимые меры: создавать специальные организации для изучения новых религий», в «случаях нарушения законодательства – принимать меры по прекращению их деятельности как юридических лиц». По отношению к лидерам подобных организаций предлагается не просто ограничивать их свободу, но и «в случае иностранного гражданства – запрещать повторный въезд». По отношению к организациям с экстремистскими целями деятельности, по мнению курсантов, «борьбу должен осуществлять весь народ, государство и главы традиционных религиозных те-

чений», «в школах, в техникумах, в вузах и обязательно – в СМИ надо больше раскрывать суть и традиционных, и новых религий, показывать и рассказывать о жизни верующих. Только на основе знаний человек делает выбор и несет свою ответственность за него». «Если организация работает без регистрации, анонимно, без надзора – это уже говорит о многом и правоохранительные органы должны интересоваться такими организациями».

Журналисты высказали разные точки зрения. Одиночным было мнение о том, что «если есть примеры противоправной деятельности со стороны религиозной организации, то надо влиять, вмешиваться, а иногда – не делать этого, а наблюдать за процессом». Большинство мнений высказано в более категоричной форме:

- За всем этим должно следить государство, в случае нарушения закона – работать прокуратура и полиция, запрещать преступную деятельность.

- Запрет таких организаций должно осуществлять государство на основе силы закона и с учетом общественного мнения.

- Известно, что у многих новых религиозных движений есть аффилированные журналисты, юристы и защитники из-за рубежа. Многие отечественные журналисты с гражданской позицией вообще не хотят освещать эту тему, потому что меры часто не принимаются вообще.

- Почему наркомания и алкоголизм рассматриваются как социальные пороки, с которыми борется и общество, и государство? Почему те, кого смело можно определить как квазирелигии, не поддаются никакому контролю общества? Свобода совести к их деятельности никакого отношения не имеет.

- Подобные организации надо ликвидировать под началом государства и гнать далеко за пределы страны.

- Должно работать законодательство, за преступления против личности, человека, который, порой, становится «заблудшей овцой», надо призывать к ответственности лидеров организаций.

Сотрудники финансовой организации обобщили масштабы явления противоправной деятельности под видом новых религий так: «это проблема не только нашего государства и правительства, но и всего человечества», «правоохранительные органы должны работать с данной проблемой», «государство обязано запретить такие религиозные организации, вплоть до карательных

мер», «соответствующие структуры (МВД, КНБ, чиновники и т. д.) должны пресекать их деятельность», «надо расследовать и контролировать противоправные действия», «объявлена невидимая война, дети уходят в эти организации от родителей (у наших коллег несколько случаев), это – трагедии не только для семьи».

Преподаватели вуза высказались за недостаточность мер, предусмотренных действующим законодательством: «законодательство не работает, его надо детализировать и ужесточить», «мало мер административного воздействия, а это говорит о недостаточности контроля со стороны государства», «не применяются штрафы, каждый день новые религиозные организации ведут пропаганду на улицах, в учебных заведениях, в общественных местах», что не разрешено.

Пенсионеры отметили, что «такие факты часто встречаются, поэтому государство должно заниматься защитой прав своих граждан», «власть должна заботиться о том, чтобы такие организации не портили жизнь людей и их семей, следует поставить вопрос о выдворении их руководителей за пределы Казахстана». «В случаях выявления нарушения прав граждан необходимо ликвидировать такое религиозное объединение и привлекать к уголовной ответственности по закону их лидеров и исполнителей». В этой группе был поставлен вопрос об активном включении в процесс распознавания противоправной деятельности НРО представителей традиционных религий: «Может быть, какой – то орган необходим, который создан из представителей традиционных религиозных течений?»

Бывшие адепты НРО подтвердили, что отчуждение имущества, денежных средств в НРО практикуются, но все происходит таким образом, что «люди добровольно отдают свое имущество. Это все делается под прикрытием добровольности: совместный бизнес, долговые обязательства и т. д. Прихожане верят всему тому, что внушается лидерами-бизнесменами». ««Результаты почти везде налицо, несмотря на то, какое это религиозное течение. Если есть возможность, надо привлекать к ответственности, если это не доказано – то хотя бы внушать обществу о последствиях». «Если говорить прямо, то в нашем обществе не проводится работа по осведомлению, нет понятия патриотизма, нет деятелей, которые бы открыто об этих беззакониях рассказали, а по телевидению об этом вообще не говорят». «Сколько историй с

«добровольным» отъемом имущества, хотя бы одно дело довели бы до конца!» «Должны быть жесткие карательные меры уголовного характера, потому что последствия бывают очень серьёзные. Штрафы ничего не решат, потому что деньги там серьёзные». «Наверное, все-таки надо вносить коррективы в законодательство, и при необходимости – в Конституцию, но так, чтобы не ущемлялась свобода совести».

Обсуждая проективную ситуацию с закрытием религиозной организации, респонденты фокус-групп поделились своим видением того, что необходимо предпринимать по отношению к участникам закрываемого религиозного объединения.

Студенты вуза казахского отделения настаивают на психологической поддержке «как на Западе, нужны психологи», а также ««должны открываться какие-то учреждения, в которых поясняют этим людям, что есть традиционные религии и что те религии, в которые они ранее верили, привели их в заблуждение».

Магистранты предлагают уничтожать все промоматериалы и литературу, ссылаются на свой опыт: «Я сожгла все книги. Рву все письма», а вообще нужны и психологи, и религиоведы, «Надо создавать неправительственные организации, которые окажут реальную помощь, важно, чтобы работали «телефоны доверия» и о них все знали, как о скорой помощи». «Надо собирать таких людей и показывать их по телевидению. Необходимо информационное поле, разоблачающее деятельность новых религий и разъясняющее, к чему все это приведет, потому что их становится все больше и больше. Это как сетевой маркетинг». «Обязательно надо работать с лидерами», так как «без лидеров эти организации не смогут действовать». К некоторым адептам «надо относиться как к больным людям, им необходимо лечение, а чтобы лечить, необходимо изолировать».

Курсанты военного учебного заведения казахского отделения считают, что бывших адептов закрываемой НРО «нужно вернуть обратно в ислам, привести в мечеть», и «не говорить им про их ошибки, а объяснить им, какая дорога правильная», «их нужно простить, и вернуть их в традиционную религию». «Нужно им помочь, научить их жить снова».

Курсанты отметили, что «это неправильно – закрывать религиозную организацию», а адепты «сами дальше должны решить, что они будут делать». «Думаю, что надо побеседовать и раскрыть

источник намерений данных религиозных групп, чтобы устранить влияние их в будущем». «Людям, обманутым религиозной организацией, необходимо пойти в мечеть поговорить с муллами (пусть они расскажут им о правде)», «дальше продолжать верить в традиционную религию и советоваться с психологами», «население надо учить своим традиционным религиям, которые видели их предки» и «традиционные религии надо подтягивать». Для таких верующих «надо проводить психологические беседы, а также тренинги: с ними должны работать хорошие специалисты в области психологии человека». «Если это экстремисты, их надо изолировать в тюрьме от всех других заключенных, потому что и в тюрьме они могут агитировать заключенных».

Журналисты полагают, что «адепты закрытых религиозных организаций нуждаются в помощи психологов, возможно, им нужно общение, и для этого можно привлекать неправительственные организации»,«некоторым бывшим сторонникам НРО помимо психолога также требуется помощь психиатра», «важно помочь им реадаптироваться и понять истинные ценности».

Сотрудники финансового учреждения полагают, что с бывшими адептами должны работать специалисты: психологи, врачи, психотерапевты» и, «если эти верующие не совершали преступлений, то их надо всецело пытаться вовлечь в нормальную жизнь, для этого разработать разные меры для моральной и психологической поддержки», «для тех, кто стал экстремистом – проводить реабилитацию в местах лишения свободы».

Преподаватели вуза высказались исключительно за психологическую реабилитацию и социальную поддержку бывших адептов несостоявшихся НРО.

Пенсионеры склонны считать, что адептам НРО, прекратившим деятельность, надо через разъяснительную работу помочь найти свой путь к религии». «Эти люди должны вернуться к своим семьям, к своей вере». «К возвращению к своей религии могут способствовать СМИ». «Правительство должно подумать, как вернуть этих людей к работе, на учебу». «Разъяснить прихожанам неправомерные действия этих организаций и помочь адаптироваться в обществе». «Надо чаще показывать и говорить в СМИ, что правильно, а что – нет. Показывать документально, куда уводят новые религии». «Их нельзя просто так оставлять без внимания, возможно, кому-то понадобится и профессиональная помощь в

реабилитационных центрах». «Не оставлять их наедине, отвлекать всячески, помочь им в учебе, в устройстве на работу, помочь в решении их проблем, выводя из жизненного тупика». «Тех, кто вовлекает в противоправные организации, надо судебным образом наказывать, тогда будет толк, иначе будет поздно. Подрастающее поколение не будет здоровым, они потеряют здравый смысл».

Бывшие адепты НРО считают, что для разных социальных групп: молодежи, пенсионеров, бывших лидеров (служителей), и т. д. необходимо разработать и применять свои программы по реадаптации. Следует «реабилитировать, иначе они найдут такую же организацию или создадут свою», причем, желательно привлекать тех, кто знает историю религий. «Когда закрывают такую организацию, надо не просто информировать в новостях, а доводить до каждого причины, факты, последствия. К примеру, слышали по новостям о саентологах, а кто они такие и почему их закрыли, что делать с адептами и как с ними работают, реабилитируют – ничего не говорится».

Так как современное казахстанское общество де-факто характеризуется поликонфессиональностью, многоэтничностью, сложившимися исторически, то это обстоятельство обусловливает довольно специфическую религиозную идентичность населения, включая процессы конверсии. Последняя требует детального изучения методами социологии религии, психологии религии.

3.3 Механизмы влияния на состояние религиозности

3.3.1 Отношение к государственно-конфессиональной политике толерантности

Оценка государственной политики толерантности в отношении религиозного многообразия далеко неоднозначна и показывает, что 58,8% (это те, кто полностью поддерживают – 27,5% и скорее поддерживают – 31,3%) – сторонники толерантного отношения к религиозному многообразию, почти каждый пятый респондент – 19,8% (в том числе: 9,7% – скорее не поддерживают, и 10,1% относятся отрицательно) не поддерживает такой вектор государственной политики и при-мерно столько же – 20,6% не могут дать ответа (рис. 39).

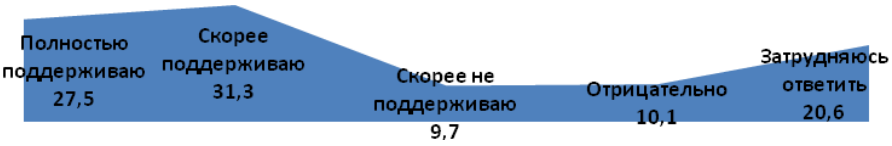


Рис. 39. **Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к государственной политике толерантности в отношении религиозного многообразия в Казахстане?»**

Мониторинг отношения к государственной политике толерантности в отношении религиозного многообразия показывает, что массовое сознание с одной стороны - довольно критично ее воспринимает, а с другой – недостаточно информировано о религиозной ситуации.

Вопрос о возможных негативных последствиях государственной политики толерантности в отношении религиозного многообразия задавался экспертам в Астане и в Алматы. Суждения экспертов, как и мнения респондентов, оказываются в широком диапазоне значений: от ее одобрения и поддержки до опасения в связи с расширением области рисков. Из 50 экспертных мнений 50% сфокусированы на оценке отсутствия негативных последствий государственной политики религиозной толерантности и отражены в таких суждениях (в скобках – частота ответов):

- нет, негативных последствий нет (20),
- считаю, что осуществление государством политики по соблюдению религиозной толерантности не может носить негативные последствия (3),
- так как в РК и Конституция, и законодательство регулируют и гарантируют равноправие всех граждан, независимо от вероисповедания, то рисков нет (2).

О том, что негативные последствия государственной политики толерантности имеются, заявили около 40%. В этом ключе были высказаны следующие суждения:

- в Казахстане чрезмерная толерантность по отношению к религиозной ситуации. В некоторых странах Европы запрещена деятельность нетрадиционных религиозных организаций, очень трудно зарегистрировать религиозные объединения, а у нас все, кому не лень открывают религиозные объединения – этим нельзя гордиться, этого надо опасаться.

- Негативные последствия имеются и проявляются в отсутствии системного подхода и элементарной последовательности в государственной политике. Нужно конкретно выразить политическую позицию: или мы считаем традиционной религией, допустим, Ислам и открыто говорим, что будем создавать ему режим наибольшего благоприятствования или неограниченно выделяем лучшие земли для нетрадиционных и одиозных религиозных организаций, движений.

- Негативные последствия есть. Сначала Мажилис и Сенат разработали и приняли закон, который бы жестко регулировал деятельность религиозных движений, позволил бы систематизировать их работу и не допустить появления псевдорелигий. Но Конституционный совет признал нормы неконституционными и аннулировал проект закона. Возникает вопрос: почему государство не может контролировать деятельность религиозных движений?

- Наверное, замечательно, что государство весьма толерантно в своей политике по отношению к религиозным конфессиям. Но есть одно НО. Псевдорелигиозные и «нетрадиционные» религии по праву могут претендовать на истинный «опиум для народа», убедительных доказательств достаточно как в мире в целом, так и в Казахстане.

- В результате толерантной политики казахстанцы узнали о духовных наркотиках, псевдорелигиях, «процесс пошел» и масштабируется, в том числе – при поддержке отдельных чиновников и апологетов от науки.

- Очевидно, что многими нетрадиционными религиозными организациями под видом миссионерской деятельности проводится антигосударственная политика, нарушаются законы, но все сходит с рук. Иногда возникает ощущение, что процесс вообще не контролируется со стороны государства, то есть, пройдены «точки невозврата».

- Не вполне понятно, почему соответствующие органы, которые призваны проводить мониторинг, не могут увидеть, что в Казахстане успешно работает альтернативная государству религиозная идеология?

- Возникает вопрос, почему многие течения, считающиеся в цивилизованном мире вредными и запрещенными, у нас свободно себя чувствуют? Толерантность имеет четкие границы, особенно – в сфере веротерпимости.

- Негативные последствия заключаются в том, что в нашей стране, в светском Казахстане отсутствует монополия государства на идеологию. Именно это обстоятельство открывает ничем не ограниченные возможности для любых религиозных движений бороться за умы и души граждан.

- Негативные последствия в том, что практически нет методичной, каждодневной работы, в том числе – мониторинга, анализа в религиозной сфере по таким важным вопросам: почему новые религиозные организации успешно интегрировались в религиозную жизнь общества? Когда, при каких обстоятельствах, с какими целями и ресурсами они вошли в Казахстан? Кто управляет этими процессами? Кто и как поддерживает их воспроизводство?

- Тезис о том, что «все религиозные направления живут в мире и согласии» применим примерно к 30% религиозных организаций, причем, как правило, традиционного толка. Многие нетрадиционные для Казахстана религиозные движения нонтолерантны и агрессивны в своей политике религиозного обращения. Толерантность воспроизводится искусственно, а это – мина замедленного действия.

- В государственной политике религиозной толерантности хотелось бы видеть методичную каждодневность, а не периодичную предпраздничность. Повседневная последовательная работа не ангажированных с новыми религиями государственных служащих принесла бы больше пользы, чем помпезные мероприятия или круглые столы информационно-пропагандистских групп. Хотя, в них тоже есть полезность.

- Негатив заключается в том, что со стороны государства отсутствует контроль за процессами в религиозной сфере, а у организаторов религиозной жизни имеется ничем не ограниченная свобода действий и разные возможности безответственного влияния на сознание и поведение населения.

- Утешаем себя тем, что вот такие мы толерантные, похвалите нас, примите нас к себе, в ОБСЕ, ЕС и т.д. А тем временем заинтересованные державы проводят свою политику через эти объединения.

- Толерантность - это свойство общества, а не государственной политики. Государство, как бы это кому-то не нравилось, всего лишь один из общественных институтов. И пока государство не

может достичь ни одной из поставленных целей в религиозной сфере.

- Государство не всегда соблюдает принцип равенства религий, провозглашенный в Конституции и законодательстве и стремится из равных выделять «равней».

- Религиозная толерантность заложена в самих религиях (в основном – традиционных), государство лишь развивает эту идею, поэтому роль самих людей важней, чем государственная.

Ответы о положительных результатах государственной политики в отношении религиозной толерантности были сформулированы в разных модальностях. Самая распространенная объединяет 47% мнений, которые сосредоточены вокруг концепта мира и согласия в поликонфессиональном и многоэтничном обществе («мир и спокойствие, благополучие нашей Родины», «мир, спокойствие, уверенность в завтрашнем дне», «спокойствие в стране», «дружественные отношения между религиями», «мирное благополучное сосуществование всех религий», «мирное существование разных религий и государства», «самый главный результат – мир во всем Казахстане» и т. п.).

Следующая по значимости модальность выражена в идеологеме свободы религиозного выбора и ненапряженной результативности как для отдельных граждан, так и для групп верующих и государства в целом («предоставление на законодательной основе гражданам свободы религиозного выбора», «законодательство гарантирует реализацию права граждан на свободу вероисповедания, закрепленного Конституцией РК», «законодательство РК в сфере религии не дает привилегий отдельным конфессиям», «государство обеспечивает достаточно свобод для религиозных организаций, которые ведут строительство культовых зданий», «в стране много этносов и их представители свободны исповедовать свою традиционную религию», «учитываются интересы представителей разных конфессий», «большой выбор религии, веры», «государство уважает все религии, нет гонений по религиозному признаку).

Резюмирующие констатации экспертов в оценке положительного влияния государственной политики в отношении религиозной толерантности выражены в интегральных суждениях:

- Толерантность в религиозной политике открывает возможность сохранять межконфессиональное согласие и гражданскую стабильность в обществе.

- Веротерпимость, мирное сосуществование различных конфессий, интерес к людям другой культуры приводят к взаимообмену и культурному взаимообогащению людей между собой».

- Положительно то, то, все – таки эта самая толерантность существует и направлена на сосуществование и диалог!

В мониторинге 2014 г. был поставлен вопрос о том, можно ли найти взаимопонимание между разными религиями. Как следует из ответов, в качестве условий такого диалога респонденты видят общность духовно-нравственных ценностей, свойственных основным конфессиям (43,7%). Этой точке зрения симметрична (44,1%) позиция о недостижимости взаимопонимания между разными религиями по причинам сущности религиозной веры и расхождений в догматике (рис. 40)

Рис. 40. **Распределение ответов на вопрос «Можно ли установить взаимопонимание между разными религиями?»**

Тем самым, в массовом сознании, так же, как и в экспертных сообществах, осознается наличие проблемного поля, которое связано с реальным религиозным многообразием и государственной политикой толерантного отношения к религиям.

3.3.2 Позиционирование общественного мнения к феномену новой религиозности

В фокус-группах обсуждался вопрос о том, как должны позиционировать себя общество и власть по отношению к новым религиям и их организациям.

Студенты казахского отделения отметили, что «все-таки надо вводить предмет по религии. Когда у ребенка формируется ми-

ровозрение в классе, скажем в 7-8, чтобы он был готов к чему-то, т. е. надо предусмотреть последствия. Чтобы не было случая, подобного финансовому кризису: государство придумало антикризисную программу, когда кризис уже наступил». «Если этот предмет изучают в школе то, тогда дети будут знать, что есть такие религии и они вряд ли туда сами пойдут в будущем». Пока «почти нет таких программ на телевидении, в которых бы полнее освещались традиционные религии, ислам, например. Люди заблуждаются. В религию же (ислам) приходят по собственной воле, по сердцу». «Статистика показывает, что новых религий в Казахстане много, пока мало заметны их действия, нет запрета. Все еще слабо контролируется, чем они на самом деле занимаются, законы не исполняются». «Чтобы эти религии не рапространялись, надо вводить новые программы и не только вводить, их надо реализовать. Очень нужна поясняющая информация, что вот появилась такая религия, чем она отличается от других, сравнить с тем, чему учит традиционная религия». «Если сейчас не приостанавливать эти новые религии, то они создадут паутину. Появятся множество толкований, разные взгляды, точки зрения, в конечном итоге могут случиться конфликты, дальше может и государство перестать существовать. Если сейчас всему этому не положить конец, появятся еще и еще новые. Должна быть какая-то система регулирования». «Должны быть только традиционные религии. Без религии никак тоже нельзя. Традиционные религии не приводят к самообийству и террору».

Магистранты подчеркнули, что политику в отношении религии определяет государство: «Это зависит от политики государства. Например, Казахстан объявил себя светским государством, разрешающим свободу выбора религии. Это посыл всему миру, что мы не можем запретить у себя религий, в том числе новых. С другой стороны, необходимо определить, чего не должно быть в религии. Государство должно задумываться над этим. Нет занятости, многие бездельничают...». «Не надо надеяться, что новые религии будут о себе рассказывать, они работают как закрытые организации, в них все жестко контролируется, даже личная жизнь». «У наших людей слабое критическое мышление и нет уважения традиций. Просто сам человек должен же додуматься, откуда это новая религия появилась. На пустом месте, что ли? Это что, как новая книга?». «Есть люди, которые бросают ради этих религий

работу, причем и хорошую». «Нужны хорошие передачи, в которых доступно объясняются, что есть религии, в которые верили наши бабушки, дедушки». «Детям в семьях не рассказывают о чем-то святом, ребенок растет в неведении. Он не разбирается ни в религии, ни в ее традиционности. Когда наступает переломный момент, он и попадает в такие организации. Все начинается с семьи». «Нужно учить религии со школьной семьи, чтобы к определенному возрасту ребенок не заблуждался, а знал куда прийти. Если даже семья хорошая, ребенку внушают, что его семья не правильно живет, и ребенок этому верит и уносит из дому вещи, деньги искренно веря в то, что он поступает благородно, что он помогает другим, нуждающимся, почему бы семье не помочь другим». «Честно говоря, может быть, преподаватель не должен быть верующим, чтобы быть объективным».

Курсанты военного вуза казахского отделения отметили, что «необходимо знать традиционные религии и контролировать деятельность новых религиозных организаций, чтобы защищать родных, близких и молодежь». «Законодатели должны провести анализ деятельности новых религий, внести изменения, если закон не охватывает какие-то случаи».

Курсанты военного вуза русского отделения отметили, что «у каждого человека свое мнение, он сам ориентируется куда идти и кому поклоняться – с одной стороны. А с другой – почему-то наши люди постоянно попадают в эти ловушки не по своему желанию, а как бы случайно. Народ относится к ним отрицательно, и власть должна защищать от негатива». «Просто надо контролировать, проверять и защищать молодежь от новых религиозных течений; принимать все меры к их устранению, если нарушают законы». «Надо контролировать, чтобы знать четко, что они хотят, тем самым, сберечь детей от недоброжелательных намерений».

В этой группе были высказаны и более радикальные суждения: «Если принимать кардинальные методы в борьбе с новыми религиозными течениями, то думаю, что можно от них избавиться; просто запретить эти религиозные течения».

«Категорически против всякой религии (течений), кроме Ислама; должны быть только традиционные религии; власть должна ужесточить проявление новых религий и не давать им распространятся; верить надо в свою веру, веру отцов, дедушек».

Журналисты проявили наиболее масштабную палитру суждений об отношении к новым религиозным организациям – от запретов до контактов:

- Беспощадной борьбой.
- Категорически отрицательно.
- Никаких контактов, никакой любознательности. Как к наркотикам – нет, и всё.
- Стараться всячески ограничивать появление таких организаций, сводить их число к минимуму.
- Быть настороже и держать всё под контролем.
- Пропаганда традиционных религий, просвещение общества.
- К возникновению новых религиозных течений нужно относиться осторожно, изучать их методы работы с прихожанами, но, если в новых религиях нет никакого вреда для человека и общества, то отношение должно быть толерантным.
- Толерантно, но и строго следить, чтобы эти организации не нарушали закон и права человека.
- Терпимее.
- Нейтрально.

Сотрудники финансовой организации близки в своих рекоменлдациях к группе журналистов, но и вносят предложение о помощи нетрадиционным религиозным организациям. Представим весь спектр суждений:

- Уничтожать, надо принять очень жестокие меры, чтобы их вообще не подпускали на территорию Республики,
- Я считаю, что необходимо запретить, поскольку они уводят людей от настоящей жизни, обещая решения их проблем
- Нужно их искоренять, уничтожать.
- Новые религиозные течения и организации нужно закрывать.
- Надо принять очень жестокие меры, чтобы их вообще не подпускали на территорию Республики.
- Контролировать их деятельность.
- Только Верой можно им противостоять.
- Нужно в школах ввести предмет религиоведение с 1–11 классов только с научной точки зрения.
- Создавать для детей и подростков кружки и клубы по интересам, в каждом дворе, как в советское время. А то дети проводят время непонятно где, непонятно с кем, когда родители работают.

- Нужны просветительские, культурно-образовательные программы на телевидении.

- Оказать помощь, если новым религиозным организациям это нужно.

Преподаватели вуза

- Должны быть какие-то нормативные акты на уровне государства. Государство должно контролировать, чтобы не было таких вот откровенных афер.

- Государство должно все это строго контролировать. Вдруг это течение радикальное. Например вот, как Хисб-ут-Тахрир, такие движение должны строго пресекаться.

- Государство должно пресекать такие секты, которые призывают и ведут к самоубийству. Во многих сектах происходят массовые самоубийства. Они до определенного момента всех заманивают, обрабатывают, а потом в определенный день приведут к массовому суициду: вспомните, как было в США, и в России в какой-то секте, как люди ушли в пещеру в ожидании конца света, реально подвергая опасности своих детей и близких. Причем здесь дети, надо спросить.

- Сами люди должны проявлять сознательность, принимать решение и не пособничать этим сектам.

- Мне кажется, повторюсь, все это идет от незнания. То есть не глубоко познаешь мир, не глубоко познаешь ценности. Дети же они маленькие, они не понимают что, как? Они не могут сделать выбор. Мы вот вплоть до 18-летия не могли сделать выбор, есть среди нас до сих пор, которые сомневаются или не знают куда лучше поддаться. Поэтому нужно вводить предмет «Религиоведение» в школе, средних специальных учебных заведениях, в вузах. Побольше об этом рассказывать и показывать в СМИ.

Пенсионеры отметили, что «согласно Конституции РК, все организации имеют равные юридические права, многим новым религиям дано юридическое подтверждение о их деятельности. Поэтому гражданам обдуманно надо подходить к выбору религии». «Необходимо следить за новым объединением и интересоваться пропагандой этих обществ и организаций», «Государство должно контролировать, а граждане обходить стороной». «Со стороны властей не допускать попустительства, пресекать такую деятельность, вести пропаганду о таких организациях в школе, в СМИ, обновить воспитательную работу среди молодежи». «Не-

обходимо разрешать изучение традиционных учений как можно раньше (в садах, школах)». «Надо создать отрицательное восприятие этих новых религий. Ведь понятно, зачем они пришли». «Общество должно просить власть избавления их от новых религиозных течений и организаций».

Бывшие адепты новых религий считают, что важно больше информировать население «о новых течениях, о последствиях их учений, внушений на сознание и психику людей». А вообще необходимо вмешательство государства «для пресечения подобных организаций, разрушающих общество изнутри». «В школах, ВУЗах необходимо разъяснять, как о традиционных вероисповеданиях, рассказывать об истории их происхождения, а также доводить знания о деструктивных последствиях новых течений». «Думаю, что нужно уже прекратить разрешение на открытие новых неопротестантских организаций. Ведь уже существуют десятки. Неужели до сих пор непонятно, что все это – идеологическое навязывание Запада. Иначе будет раскол в обществе, как в Грузии или Украине. Все начинается с этого». «Сейчас, побывав в таких организациях, понимаю, что чисто юридически ограничить деятельность новоиспеченных властям достаточно сложно, потому что им всегда можно придумать что-то новое, адаптироваться к любым запретам, перейти от религиозной деятельности к сетевому бизнесу, например». Новые религиозные организации – факт, с которым надо считаться. Поэтому предлагаю воспринимать их позитивно, но в тоже время осторожно». «Ликвидировать их невозможно, нужно учиться жить цивилизованно с ними в духе толерантности».

3.3.3 Формирование образа религии: каналы информирования и роль СМИ

Проблема религиозного просвещения чрезвычайно актуальна для казахстанского общества, в связи с чем возникают вопросы о достаточности получаемой населением информации о религии и религиозной ситуации, о влиянии СМИ на менталитет и мировоззренческие предпочтения сограждан. Оценивание достаточности получаемой информации о религии и о деятельности религиозных организаций в массовом опросе выявило, что более половины респондентов (64,3%) считают информированность о религии и религиозной ситуации достаточной (доступной, ис-

черпывающей), 8% указывают на недостаточность, 11,3% хотели бы большей информированности, 16,3% не могли дать оценку. Подавляющее число респондентов отметило, что источников информирования о религии и каналов ее распространения для широких слоев населения, для тех, кто проявляет интерес к религии, а также для любого верующего любой конфессии достаточно, и способ достижения информации зависит от желания индивида. Высказано мнение о том, что «большая часть населения не испытывает в ней потребности».

Респонденты, указывая на такие каналы распространения информации о религиях и организациях, как Интернет, ТВ (включая религиозные), СМИ, библиотеки, книжные магазины, а также на формы распространения (газеты, журналы, брошюры, буклеты, книги, диски с проповедями), отмечают следующие условия и факторы:

- неравномерность одинакового доступа по всей территории Казахстана,
- недостаточность объективной и популярной информаций о религиях для населения,
- «предостаточность» (избыточность) литературы евангелистов и иеговистов на фоне недостаточности «хорошей литературы по Исламу»,
- недостаточность информации по христианству,
- недовольство информацией о нетрадиционных религиях, когда респондент утверждает, что «Вся информация в СМИ строится из клеветы, слухов, что порождает нетерпимость, дискриминацию».

Отмечая фактор недоступности информации о религиях, респонденты выделили такие аспекты, как:

- сложность восприятия исламской доктрины и отсутствие простого изложения основных канонов Ислама в формате брошюр для простого и легкого понимания,
- доступность информации о традиционных для Казахстана религиозных верований и малая доступность информации о нетрадиционных верованиях,
- «малое» (недостаточное) информирование граждан о религиях, отсутствие разъяснений по Корану и по Библии,
- недоступность печатных изданий религиозного содержания из-за высоких цен,

- недостаточность и недоступность информации о нетрадиционных религиях, когда респондент связывает ее трансляцию «в основном» с «огульной критикой» нетрадиционных религий и «боязнью исламского экстремизма, радикализма и фундаментализма».

Результирующие предложения респондентов по совершенствованию информирования населения о религиях сводятся к констатации того, что «информации о религиях достаточно», но «проблема заключается в невозможности ее профессиональной оценки с точки зрения критического анализа». Поэтому необходимо представлять больше информации научного плана обо всех религиях для а) формирования толерантного отношения; б) для того, чтобы «население знало, кому следует верить».

Эксперты из Астаны и Алматы отвечали на вопрос о том, какие печатные и электронные СМИ проводят последовательную политику освещения религиозной тематики и на чем акцентируют внимание. Отмечена активность республиканских телеканалов Хабар, Асыл Арна, КТК, 7-й канал, 31 канал, российского телеканала Спас, спутникового канала CNL, а также отмечается прежняя активность Рахат ТВ. Среди печатных изданий названы журналы «Религия и право» Министерства юстиции РК, издания международного центра культур и религий.

Оценивая достаточность и систематичность освещения религиозной тематики, большинство экспертов констатировали, что в «казахстанских СМИ вообще мало освещается данная тема», на многих (не религиозных) телеканалах, а и в печатных СМИ лишь частично (и редко) говорят о религиозной жизни, но последовательной, методичной просветительской или информационной политики не наблюдается, а акцент делается в основном на религиозные праздники: «во время религиозных праздников есть телесюжеты, посвященные им на многих каналах».

Эксперты единодушны в том, что в Казахстане отсутствует практика последовательного освещения религиозной тематики в СМИ (даже по отношению к исламу ханафитского толка и православию): «Последовательную информационную политику в отношении религии не проводят никакие казахстанские нерелигиозные СМИ. Есть государственно ориентированные СМИ, которые освещают действия госорганов. Есть все остальные, которые пишут при наличии повода, причем, неважно, какого. Но чет-

кой собственной позиции ни у одного из СМИ в Казахстане нет». Эксперт отмечает, что «как в старые добрые времена политика освещения тем религии носит «сезонный характер». Причем, в зависимости от имеющегося мнения, одни и те же СМИ то «аллилуйя» поют, то вдруг хором начинают сообщать о зловредности религиозных организаций».

Высказано мнение о несимметричности информации в казахоязычных и русскоязычных СМИ: «В казахоязычных изданиях иногда встречается информация об Исламе, о негативном влиянии нетрадиционных религий. А в русскоязычных очень мало встречается информации про ислам, практически ее даже нет. Православную тематику хорошо освещают российские каналы, пророссийские газеты и т. п.», причем, к примеру, «религиозный православный телеканал «СПАС» делает акцент на развитие духовности», а, к примеру, телеканал «Казахстан» «много показывает мечети, явно отдает предпочтение исламской религии». Высказана точка зрения о том, что «не стоит особо освещать тему религии в светских СМИ. Если человеку нужно, он сам найдет эту информацию в религиозной общине, Интернете, близком окружении, литературе и т. п.».

Оценивая необходимость религиозного теле и радиовещания в Казахстане, эксперты высказали спектр взаимоисключающих суждений: от одобрения до отрицания. Приведем мотивы неприятия (их в три раза меньше, чем сторонников): «Такие СМИ не нужны», «Нет смысла. Можно одобрять религиозное теле и радиовещание для религиозных стран, у нас эти каналы не будут пользоваться спросом», «Такие каналы дополнительно к имеющимся вводить не нужно, рейтинг их будет не высок», «Тех, что есть – вполне достаточно», «Думаю, что в религиозном вещании необходимости нет, так как Казахстан должен быть светским государством», «Ни в коем случае. Это дело сугубо личное». «Нет, нельзя отдавать каналы религиозным организациям, поскольку будут претензии, скандалы», «Считаю нет, т.к. религия сугубо дело каждого. Однако можно делать отдельные религиозные передачи на имеющихся каналах», «Специальный канал не нужен. Это дорого. И нет острой необходимости. А вот в кабельной сети надо запретить трансляцию канала CNL …показывают бесконечные проповеди непонятно какой религии…сектантство какое-то напоминает».

Актуальность религиозных СМИ видится экспертами в том, что

- религиозные СМИ важны для общего информирования и просвещения населения, для формирования правильного понимания традиционных религиозных направлений и формирования с помощью религии правильных ценностей в обществе, а также для предоставления возможности для тех, кто начинает испытывать потребность в религии, и им надо помочь обратиться по правильному адресу;

- численность верующих возрастает, многие ведут домашний образ жизни, предпочтение отдают не чтению религиозной литературы, а просмотру и прослушиванию, поэтому и теле-, и радиоканалы востребованы как источники доходчивой и доступной информации для верующих;

- необходимо повышать грамотность населения, а потому важна информация не только о традиционных, но и о нетрадиционных для Казахстана религиозных и псевдорелигиозных верованиях и, в первую очередь, – для безопасности населения;

- вопрос о том, нужны ли религиозные СМИ, неоднозначен. Государству нужны, так как население «верит, в кого хочет». Религиозные СМИ не должны идти в общем пакете, только в платном, или по дополнительным соглашениям, с согласия потребителя;

- религиозные СМИ необходимы только в случае их естественного появления по инициативе и при финансовой поддержке самих РО, для духовно-нравственного воспитания в обществе, для трансляции не искаженной информации о религиях.

Так как экспертные суждения, как и мнения респондентов в целом, аксиологически рассогласованы, то отмечены и такие позиции в отношении религиозного вещания:

- так как мусульманского населения в Казахстане большинство, то необходим только исламский телеканал, где будут вестись очень интересные привлекательные содержательные передачи, ток – шоу на исламскую тематику и т. п.,

- религиозные каналы должны показывать и учить истинной правильной основной религии – ислам и православие без изменений, направлений и отклонений в них. Можно было бы и рассказать о том, что религии разделились, почему это произошло и когда;

- только чтобы рассказывали о традиционных религиях. Чтоб эти каналы рассказывали об истории религий, разъясняли святое писание, и о жизни религий в настоящее время.

Попытка разрешить противоречие по поводу пропорционального вещания выражена в таком суждении: «Отдельный теле- и радиоканал, наверное, не нужен, потому что, если сделать общий, то будет слишком сложно решить, кто, в какое время и как часто будет транслировать свои передачи, а отдельный канал для каждой религии – нерационально. Лучше отвести определенное время на уже имеющихся каналах…», которая поддержана мнениями о том, что «религиозные телеканалы должны быть в равной степени доступны для представителей различных религий», так как это необходимо для «правильного информирования и воспитания молодежи в духе религиозной толерантности».

Эксперты пришли к выводу о том, что для того, чтобы СМИ освещали все религиозные направления, они должны быть государственными, светски ориентированными, но со спецификой на религиозное просвещение населения, которое надо выдерживать в пропорциональном соотношении. Также высказана идея об издании республиканской газеты и журнала на религиозную тематику.

Оценивая роль казахстанских СМИ в формировании образа религии (в целом) в общественном сознании (мониторинг 2014г.), более трети опрошенных заявили о том, что СМИ формируют положительный образ религии (36,2%), каждый четвертый считает, что СМИ не оказывают влияния на формирование образа религии (27,5%), почти каждый шестой респондент отметил роль СМИ в формировании негативного образа религии в обществе (17%), а каждый пятый респондент (19,2%) затруднился с ответом (рис. 41).

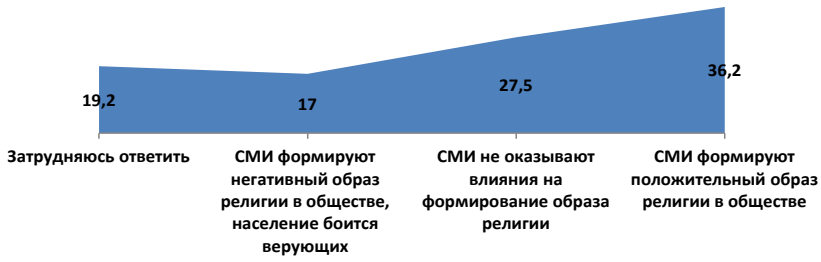


Рис. 41. **Распределение ответов на вопрос «Какой образ религии формируют казахстанские СМИ?»**

Комплексный мониторинг общественного мнения и экспертных суждений выявляет

1) недостаточное информирование населения о деятельности религиозных организаций со стороны государства,

2) сформированный запрос на научно-просветительский дискурс в СМИ в формате доступной информации о традиционных и новых религиях, организациях, движениях,

3) ожидания населением от экспертов объективного и «критического анализа» религиозной ситуации,

4) поддержку государственной политики толерантного отношения к религиозному многообразию,

5) потребность массового сознания в раскрытии социализирующей функции религии в современных казахстанских условиях.

Как представляется, более полное информирование граждан о религиозной картине в стране будет способствовать гармонизации межрелигиозных отношений, откроет больше возможностей в мировоззренческой социализации на основе свободного и взвешенного выбора.

Государство сегодня стремится выработать эффективную концепцию сотрудничества с различными конфессиями, и на наш взгляд, правила для всех должны быть одинаковы, в том числе – в сфере воздействия на массовое сознание через СМИ.

Ученым и представителям духовенства, государственным служащим и уполномоченному органу надо обоснованно и взвешенно принять решение о трансляции на телеканалах программ религиозного содержания. Должна быть выработана методология и философия такого вещания, выдержана пропорциональность и форматы. Важно учесть и общественное мнение как о необходимости, так и о содержания, жанрах и тематическом разнообразии телевизионных программ, посвященных религии.

Перед журналистским сообществом встают задачи всестороннего и объективного освещения всех вопросов, связанных с меняющейся ролью религии, трансформациями мировоззренческой культуры. Общение с журналистами убеждает нас в необходимости специальной профессиональной квалификации/переподготовки для тех из них, кто освещает темы религии – как в плане общего дискурса, так и в интерпретации различных аспектов религиозности.

В условиях смещения сферы общения в интернет-пространство, как никогда актуально создание принципиально новых со-

циальных сетей, в которых бы формировались и воспроизводились ценностные парадигмы современного общеказахстанского менталитета. Это направление деятельности связано и с просвещением, и с формированием должной общегражданской культуры, где собственная религиозность и уважение религиозных убеждений сограждан – норма. Контент-анализ сегодняшних дискуссий читателей в казахстанском сегменте Интернета предстает как обывательский, зачастую он сам является «примером» экстремизации сознания, а не отображением отношений толерантного восприятия религиозного многообразия.

3.3.4 Просвещение и образование: религиозное или религиоведческое содержание?

В Казахстане, как государстве светского типа не только законодательно определены, но и практически развернуты равноправные возможности граждан в выборе мировоззрения. В обществе отсутствует монопольное право на ценностные предпочтения, всем гражданам предоставлены условия для реализации своих устремлений в поиске духовности. На этапе суверенизации в казахстанском обществе наблюдались существенные изменения, которые были обусловлены сменой идеологических парадигм, расширением возможностей выбора мировоззрения. Появилась необходимость пересмотра содержания социогуманитарного образования, переосмысления функций религии и выяснения ее возможностей в духовно-нравственном воспитании.

Если перед исследовательским сообществом Казахстана стоит задача всестороннего изучения религиозных процессов, анализ их влияния на развитие общества, формирование нового типа личности, на конкурентоспособность нации, то перед педагогами все больше актуализируется не менее важные задачи обучения ценностному поведению, формирования мировоззренческих убеждений. Возвращение к анализу функций и возможностей религии, а также попытки найти общегуманистическое, общечеловеческое содержание ценностных основ обучения и воспитания привели ученых и педагогов к размышлениям о необходимости разработки и апробации предметов мировоззренческого содержания, которые могли бы создавать не только общую картину мира, но и способствовать формированию убеждений. Следует признать, что трансформация знаний в убеждения сегодня затруднена, это-

му есть ряд причин и обстоятельств, главное из которых – нивелирование воспитывающей функции обучения. Именно поэтому оказалось актуальным не просто осознавать и констатировать недочеты в социогуманитарной подготовке в школе, в колледжах и в вузах, но и находить действенные пути преодоления проблем.

Несмотря на наличие различной литературы на полках книжных магазинов, познаний и должных ориентаций в мировоззренческой сфере не хватает не только у подрастающих поколений, но и у взрослого населения. В условиях наступления мировоззренческого плюрализма фиксируется неоправданно большой крен в увлечение паранаучными, псевдорелигиозными и оккультными практиками у довольно разных социальных слоев. Этим пристрастиям сопутствуют обилие книжных прилавков с соответствующей литературой, сетка вещания телеканалов, где в любое время суток демонстрируются программы сомнительного содержания, связанные с предсказанием судьбы, лечением на расстоянии, решением личностных проблем при условии обращения к ясновидящим, гадалкам и т. п. Квазинаучное и псевдорелигиозное, мистическое и оккультное содержание информации в СМИ дезориентирует представления о мире, затрудняет выбор мировоззрения.

Мнения казахстанцев о религиозных знаниях и воспитании, религиоведческом образовании показало, что проблемы религиозного просвещения и религиоведческого образования актуальны (рис. 42).

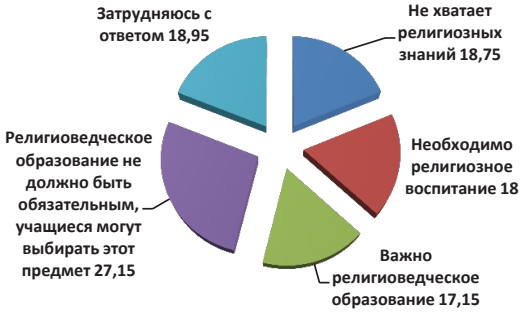


Рис. 42. **Распределение ответов на вопрос «Выразите ваше отношение к необходимости религиоведческого образования и религиозного воспитания»**

В вопросах о необходимости религиозного и религиоведческого образования респонденты не обнаруживают единодушного понимания сути проблемности и важности этих направлений деятельности для формирования духовно-нравственной атмосферы в обществе. На недостаточность религиозных знаний ссылаются 18,75%, религиозного воспитания – 18%. О важности религиоведческого образования заявили 17% опрошенных, а о том, что религиоведческое образование не должно быть обязательным, сообщают более 27%. Таким образом, оказывается, что более, чем 2/3 респондентов не связывают формирование необходимой в многоконфессиональном обществе атмосферы религиозной толерантности с обязательным религиоведческим образованием, в то время как на уровне государственной политики и сообщества экспертов такая необходимость осознана и предприняты практические шаги в этом направлении.

Одним из аспектов современной интеллектуальной культуры является содержание исторической памяти. Знание истории религии как социокультурного института, понимание роли и функций религии в современном обществе, отчетливое представление о собственных мировоззренческих предпочтениях, уважение мировоззрения других людей – все это – составляющие исторической памяти, ведь она своими основами обращена в прошлое, но проявлена в гражданской позиции личности. Формируется ли фундамент исторической памяти у современных поколений молодежи на основе определенной мировоззренческой культуры? Или эта определенность уже трудно достижима? О чем «сигнализирует» количество конфессий и число религиозных организаций в стране? Как они влияют на мировоззрение подрастающих поколений?

Осознание необходимости религиозной и религиоведческой грамотности населения актуализирует задачи определения содержания религиоведческого обучения в условиях светской системы образования, подготовку и профессиональную переподготовку квалифицированных педагогических кадров, а также задач просвещения. На этом фоне актуализируется вопрос о том, какие учебные предметы формируют мировоззренческие знания и понимание, которые перерастают в убеждения, становятся нравственным компасом человека во взрослой жизни. В частности, важно понять, какие возможности есть у предмета «Религиоведение» и как их можно использовать.

Образование в Казахстане имеет светский характер, в современной социальной ситуации общей задачей гуманитарного служения и науки, и религии, становится функция просвещения. Такое понимание пришло потому, что идеологическая зашоренность, которая в течение советского периода сопровождала оценки возможностей религии в светском государстве, преодолена. Как никогда ранее нашим обществом осознается необходимость укрепления в менталитете казахстанского народа высокой духовности, потому что только высокая духовность порождает нравственную ответственность и способствует противостоянию вызовам новейшего времени. Отношение казахстанцев к необходимости давать в учебных заведениях наряду со светскими дисциплинами более глубокие знания о религии далеко не однозначны.

Сегодня важно понять, какие возможности есть у предмета «Религиоведение», который вводится в систему среднего и высшего образования. Необходимо признать, что в настоящее время преподавание курса «религиоведения» в школе, довольно далеко от должного. Известно, что задолго до институционализации религиоведения как учебного предмета, многие педагоги и ученые прошли обучение в системе семинаров, конференций, поездок, получили сертификаты в псевдорелигиозных организациях. Определенная часть педагогов средней и высшей школы является носителем религиозных убеждений, которые проводит в учебной и воспитательной деятельности.

Эксперты, отвечая на вопрос о том, какие задачи может решить предмет «Религиоведение», вводимый в системе среднего образования, выразили более широкий круг суждений, которые можно классифицировать по нескольким категориям. По отношению к функциям, которые мог бы выполнять предмет, усматриваются информационно-просветительская, знаниевая, воспитательная.

Информационная функция предмета связывается экспертами с возможностью «формирования у детей и подростков общей информированности о религии» на принципах «объективного знакомства с историей, основными концепциями мировых религий». Просветительская функция важна, «поскольку население в целом и молодежь религиозно безграмотны». Эксперты полагают, что предмет будет способствовать тому, что «дети будут знать не только о своей религии, но и о других. К тому же, легче будет

понять культуру другого народа». В результате расширение кругозора будет способствовать общему развитию мировоззрения на базе «принципов толерантности и уважения ко всем религиям», хотя, как отмечает эксперт, «… сейчас пока не общество, ни государство к этому не готово, с учетом того, что происходит в СМИ».

Знаниевая (обучающая) функция предмета «Религиоведение» названа экспертами необходимой, не только потому, что «знание истории религий – это очень интересно», а, прежде всего, потому, что важно формировать «знания детей с малых лет о различных религиях», о том, «какие религии существуют, какие у каждой религии особенности, чтобы они могли различать, где действительно религиозные идеи, а где – псевдорелигиозность». Отмечены необходимость «системных знаний о всех религиях, что позволит критически оценивать те или иные религиозные учения и течения», знания «истории всех религий, появления традиционных- ислама и православия».

Воспитательная функция предмета отмечена экспертами в следующих суждениях:

- Религиоведение решает задачу духовного воспитания подрастающего поколения, привитие толерантности к представителям других религий;

- вводить «Религиоведение» в школе необходимо в связи с тем, что детям будет прививаться доброта друг к другу, родителям, нежелание делать зло: курить, пить, сквернословить и т. д.;

- предмет будет способствовать не только развитию общего мировоззрения, но и воспитанию культуры веротерпимости, уважения иных религиозных воззрений, воспитанию в молодом поколении религиозного понимания и высоких моральных качеств, добрых истинных чувств (уважение, терпимость, доброта, послушание, любовь к ближнему, миролюбие, единства всех религий и народов, человеколюбие и т. д.). По мнению экспертов, предмет будет способствовать воспитанию личности с высокими моральными качествами и здоровым образом жизни.

Среди методических аспектов введения предмета «Религиоведение» эксперты отметили следующие условия и обстоятельства:

- в первую, очередь, для ведения этого предмета должен быть грамотный преподавательский состав;

- потребуется немало времени, чтобы этот предмет основательно изучили те, кто собирается его преподавать, потому что в идеале его содержание – это сплав культурологи, теологии, ис-

кусствоведения, мифологии, литературы, истории, а не просто знание истории традиционных и характеристики новых религий;

- в идеале, для того, чтобы дать представление о различных религиях, было бы лучше ввести предмет «История религий», но он труден для преподавания в школе.

В отношении времени изучения предмета, мнения экспертов разделились: незначительная часть полагает, что «Религиоведение» можно вводить с 1-го класса, другие считают, что – с 5–6-го классов и мотивируют тем, что «дети будут лучше воспринимать и по-другому воспринимать мир и относиться к окружающим, к родителям. Дети будут не такие озлобленные, станут более добрыми». Подавляющее большинство экспертов высказались за то, что предмет предназначен для старшеклассников, когда сформировались представления о добре и зле, более подготовлена психика.

Не все эксперты разделяют решение о введении предмета «Религиоведение» в школе, мотивируя тем, что в нем нет необходимости, так как «в школах и дети, и учителя и без этого чересчур загружены», «человек сам приходит к религии», введение этого предмета излишне. Один эксперт высказался категорично: «предмет вводить в систему среднего образования нельзя».

Аксиологические суждения также разнополярны, причем, часть экспертов трактует содержание предмета с теологических позиций: «Необходимо ввести этот предмет. Дети будут знать слово Божье», «Детям с детства будут прививать любовь к Богу, выбор веры и религиозную грамотность», «Знание Божьих законов будут воспитывать доброго, послушного гражданина». Другие отмечают, что важно «Объяснить детям, что религия – это не всегда хорошо». Третьи указали, что предмет будет способствовать «правильному пониманию детьми религии и формированию правильного мировоззрения». Встретились суждения о том, что «В условиях светского общества таким является современный Казахстан, образование должно быть светским», «все будет зависеть от программы, преподавателей. Если предмет будет преподаваться без участия конкретных религиозных движений и организаций, то он будет весьма полезен для школьников как основы культурологии. Если же в составлении программы курса будут участвовать религиозные деятели или преподаватель будет освещать основы собственного вероисповедания, то такой предмет необходимо отменить». Большинство экспертов высказались о

содержании предмета как знаниях обо «всех мировых религиях без акцента на какую-либо», что поможет учащимся свободно выбрать мировоззрение, в том числе – религиозное.

В мониторинге 2014г. был поставлен вопрос об исключительных возможностях преподавания основ религии в школе для привития детям моральных качеств и послушания. Распределение ответов показывает, что с такой постановкой солидаризуется 37,1%. Почти половина респондентов (49,3%) не согласны с тем, что только преподавание основ религии определяющие воздействует на формирование моральных качеств детей и подростков (рис. 43)

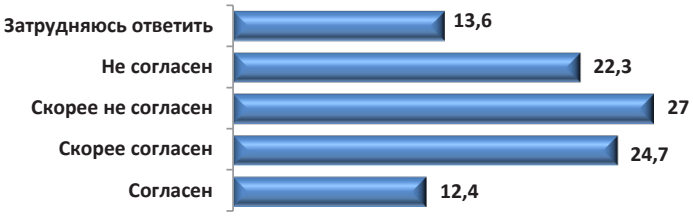


Рис. 43. **Распределение ответов на вопрос «Согласны ли вы с тем, что только преподавание основ религии в школе может привить детям мораль и послушание?»**

При всей неоднозначности ситуации, которая складывается вокруг нового учебного предмета, важно исходить из долгосрочных приоритетов, среди которых – безусловный курс на светскость государства и опора на светскую систему образования, которые являются основой формирования казахстанской интеллектуальной нации. На наш взгляд, предмет «Религиоведение» в системе светского образования должен стать обязательным и направленным на информирование учащихся и студентов, формирование у них представлений о многообразии религий, культурообразующей роли мировых религий, функций религии в истории и в современности, а также об использовании религии в политических целях. Предмет должен помочь в принятии системы общечеловеческих ценностей в качестве базовой матрицы. Сроки преподавания предмета «Религиоведение» в средней школе зависят от

- курса государственной политики в области регулирования государственно-конфессиональных отношений и модели светскости государства;

- концепции среднего образования;
- содержания учебных программ конкретных гуманитарных предметов;
- целей воспитывающего обучения (в данном случае – его мировоззренческой компоненты) и других факторов.

Поэтому при разработке программы предмета «Религиоведение» необходимо иметь в виду адекватную оценку роли религии как института в ретроспективе и в актуальной жизни современного казахстанского общества. Как представляется, при преподавании этого предмета наиболее продуктивный путь его представления имеется в культурологической ретроспективе. Отдельные темы можно «вписать» в уже существующие предметы: история Казахстана, всеобщая история (древнего мира, средних веков, нового времени), литература. Таким образом, отдельные представления об особенностях формирования мировоззрения в разные исторические эпохи будут знакомы учащимся к старшим классам. В старших классах предмет «Религиоведение» надо преподавать в течение одного года, причем важно ввести проектные задания как форму отчетности и оценивания знаний учащихся. И на этом этапе познакомить их с религией и ее функциями в современных обществах, с акцентом на Казахстан.

При введении предмета «Религиоведение» в старших классах средних школ мы столкнулись не только с проблемой несформированных знаний у педагогов, но также и с попытками некоторых преподавателей перенести свои религиозные убеждения в контекст преподавания, что недопустимо. У школьных учителей возникает немало вопросов, связанных с преподаванием этого нового и сложного предмета. Почему бы не организовать интернет-ресурс для учителей и преподавателей вузов, преподающих религиоведение, включив в круг консультантов экспертов и опытных педагогов?

Необходимо поэтапно развернуть профессиональную переподготовку преподавателей предмета «Религиоведение» с обязательной процедурой сертификации, с введением системы критериев оценивания мировоззренческой глубины профессионального мышления педагогов. Не менее актуальной проблемой является профессиональная подготовка религиоведов, переподготовка или дополнительная специализация журналистов, психологов, правоведов. Достаточно ли в стране высококвалифицированных кадров и соответствующих кафедр в университетах? Где лучше осуществлять переподготовку: на местах или в специали-

зированных исследовательских и учебных центрах? Эти и другие вопросы пока остаются открытыми, но они требуют незамедлительных и взвешенных решений, направленных на реальное укрепление духовного единства казахстанского общества.

Актуализация комплекса вопросов, связанных с предметом «Религиоведение», с религиоведческой подготовкой специалистов в целом, имеет несколько проблемных измерений: от политико-идеологического до организационно-методического. Все они обусловлены усилением роли религиозного фактора в жизни общества, продиктованы влияниями глобализации на идентификационные процессы.

В условиях поликонфессионального Казахстана, который выработал парадигмы единства и согласия, создал институты гармонизации межэтнических отношений, проблематизация вопросов, связанных с религиоведческим и религиозным просвещением и образованием, не ослабевает, а возрастает. Религиоведческое и религиозное просвещение и образование становятся важным «фронтом» наступления на мировоззренческую идентичность и каналами влияния на процессы социализации молодежи, на возможности манипулирования ее сознанием и поведением, на формирование гражданственности.

Важно учитывать серьезные трансформации в общественной ментальности, за двадцатилетний период выросло поколение казахстанцев с новым восприятием ценностных координат. В ситуации мировоззренческого плюрализма, переходом от атеистической к парадигме свободы вероисповедания состояние общественного сознания фрустировано, фиксируется амбивалентное отношение к религии как институту и мировоззрению. В этих условиях актуальность знаний о религии не снижается, а возрастает. Она осмысливается не только в экспертных кругах, в педагогическом и научном сообществах, но также и в массовом сознании.

Мониторинговые исследования религиозности выявляют, что уровень так называемой «истинной» религиозности в целом не вырос; существенно снизился уровень атеизации; масштабы мнимой (или квазирелигиозности) стали преобладающими; изменение религиозного мировоззрения воспринимается толерантно почти половиной респондентов; в религиозную конверсию включается все больше казахстанцев.

В период трансформации социогуманитарного образования оказались существенно ослаблены мировоззренческие парадигмы,

исчез воспитывающий потенциал обучения, что на этапе деидеологизации создало условия для формирования «эластичного сознания». Социологические измерения показывают, что казахстанцы не вполне ориентированы в вопросах религиоведческого образования и просвещения, не всегда различают религиозное и религиоведческое.

Религиоведы, преподаватели социогуманитарных дисциплин высшей школы (учителя школ – в несколько меньшей степени) в годы суверенного развития Казахстана дрейфуют в океане методологии, переходя от доктринальной к парадигмальной структуре познания. В этих условиях осуществлять институционализацию предмета религиоведления (междисциплинарного и мультипарадигмального по своей сути) довольно проблематично.

Возникают соблазны провести нормативно-ценностные установки, которые не всегда коррелируют с методическими принципами организации учебного знания, а чаще продиктованы иными целями и ценностями. Осложняет научно-методический поиск и то, что в социогуманитарном научно-педагогическом сообществе Казахстана не формализована парадигма в отношении религии как социального института, не проявлены ее сущностные определения и функции в связи с воздействием на общество и личность. В целом в профессиональной среде не выработаны единые методические подходы к отбору и структурированию нормативного содержания религиоведческого знания, не выбраны приоритетные парадигмы его ретрансляции. Это дает возможность всем и каждому субъекту творчества структурировать учебные программы, реконструировать содержание учебных массивов «по-усмотрению».

По большому счету, требуют концептуализации как логико-методологические, так и методические, аксиологические и организационные вопросы преподавания религиоведния. Причем на всех уровнях образования, а также в системе переподготовки преподательских кадров и в массовом просвещении. На наш взгляд, проблематизация религиоведческого образования будет нарастать до тех пор, пока

- во-первых, не будет выработана общая платформа и модель светскости для Казахстана с определением статуса религии и ее функций в секулярном по сути казахстанском обществе,
- во-вторых, не будет достигнуто понимание по поводу аксиологических, методологических, методических матриц и контента религиоведения (принцип методологического плюрализма не работает).

Экспертный опрос показал единодушие в определении того, что «в первую, очередь, для ведения предмета «Религиоведение» должен быть грамотный преподавательский состав». А для этого «потребуется немало времени, чтобы этот предмет основательно изучили те, кто собирается его преподавать, потому что в идеале его содержание – это сплав культурологи, теологии, искусствоведения, мифологии, литературы, истории, а не просто знание истории традиционных и характеристики новых религий», хотя есть мнение, что для того, чтобы дать «представления о различных религиях, было бы лучше ввести предмет «История религий», но он труден для преподавания в школе».

Конференция для учителей средних школ, преподающих религиоведение в Алматы, общение с ними и опрос выявили, что

- им не вполне понятна ситуация с рекомендациями учебников и состоянием УМК в целом,

- 36- часовая сетка явно недостаточна для раскрытия и должного усвоения предмета,

- преподаватели нуждаются в специальных методических комментариях и справочных материалах, в том числе – в интерактивном формате, так как пока что на свой страх и риск используют вспомогательные материалы,

- учителя религиоведения хотели бы иметь профессиональную площадку для генерирования содержания и совершенствования методики преподавания предмета, для обмена опытом,

- преподавателям предмета «Религиоведение» необходима профессиональная переподготовка с отрывом от занятий с методиками «погружения» в творческую лабораторию,

- необходима сертификация и повышение классности тем педагогам, кто достиг успешности в освоении содержания религиоведения, разработке методики и успешном обучении детей,

- важно разработать систему оценивания знания как понимания содержания предмета учащимися.

Важно продумать систему профессиональной переподготовки преподавателей предмета «Религиоведение» на базе городских и республиканского центров повышения квалификации работников образования с обязательным привлечением преподавателей вузов и ученых. Для такой переподготовки также важна концепция, единая программа и самое главное – комплексное методическое обеспечение.

В конце XX века произошла смена парадигмы религиозного, в том числе и религиоведческого образования, это важно учитывать в разработке стандарта предмета. На наш взгляд, должны быть заданы его методологические, методические и аксиологические рамки, для чего необходима разработка концепции предмета религиоведения и концепция религиоведческого образования в целом. Более того, как показывают мониторинговые исследования, в казахстанском обществе остро стоят вопросы религиоведческого и религиозного просвещения. Предлагаем рамочное видение религиоведческого образования в формате таблицы 16.

В современной геополитической ситуации, когда имя и имидж религии используются для конфронтации и вражды, в полиэтничном и многоконфессиональном светском Казахстане мы обязаны всецело применить возможности религии для сохранения единства и сплочения общества, для снижения различных угроз, для упрочения духовной безопасности с учетом этнокультурной самобытности народа.

Таблица 16

Матрица религиоведческого образования и просвещения

Тип образования	**религиозное образование**	**религиоведческое образование (профессиональное)**	**религиоведческое образование (общее)**	**массовое просвещение (религиозное и религиоведческое)**	**религиоведение в среднем звене образования (религиоведческое)**
Фокус обучения	обучение религии	обучение о религии	обучение о религии	обучение о религии и воспитание у религии	обучение о религии
Характер образования	теологическое	светское	светское	светско-религиозное	светское
Цель	подготовка профессиональных служителей культа	подготовка специалистов – религиоведов	расширение представлений о религии, ее функциях, возможностях	информирование о религии, ее ценностях, традициях, нормах	формирование мировоззрения с учетом представлений о религии как институте, ее роли и функциях

Продолжение таблицы 16

Диспозиция к религии	изучение религии «изнутри», на теологической основе	изучение религии и других мировоззренческих систем «извне» на светской основе	изучение религии и других мировоззренческих систем «извне» на светской основе	знакомство с религиями как «извне», так и «изнутри» на светской основе	знакомство с традиционными и новыми религиями, их историей, распространением и классификацией «извне» на светской основе
Принцип организации обучения/ воспитания	конфессиональность	надконфессиональность	внеконфессиональность	поликонфессиональность	внеконфессиональность

3.3.5 Будущее казахстанской государственности в контексте мировоззренческих проекций

По сравнению с исследованиями десятилетней и пятилетней давности, в социологическом мониторинге 2014г. фиксируется существенный рост числа респондентов, которые проецируют будущее Казахстана в качестве государства с религиозным статусом (динамика, согласно измерениям, проведенным в сходной методологической традиции и методической парадигме, возрастает от 4,1% в начале 2000 г. до 7,8% в 2005 г. к 13,6% соответственно в 2014 г.), что прямо указывает не только на расширение поля влияния религиозной идеологии, но и проявляет вектор укоренения ее авторитета в массовом сознании (рис. 44).

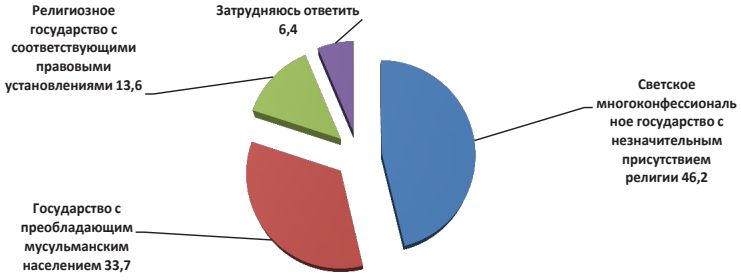


Рис. 44. **Распределение ответов на вопрос «Каким Вы видите будущее Казахстана как государства?»**

Иное мнение у экспертов, которые, отвечая на вопрос «Каким Вы видите Казахстан в обозримом будущем: светским или религиозным государством?» только в 4% интервью связывают будущее Казахстана с религиозным статусом, один из экспертов отметил, что «имидж у Казахстана как государства сформирован религиозный, за рубежом нас считают религиозной страной», 96% экспертов обосновывают светскую модель государственности, поясняя мотивы выбора:

- для перспективного развития (следование демократическим и рыночным принципам) страны государство должно быть светским, кроме того, в стране много различных конфессий – не должны ущемляться их права.

- Слишком много конфессий на территории и религиозность государства чревата конфликтами и подавлением свободы выбора.

- Казахстан я все-таки вижу светским государством, религиозным государством стать невозможно, так как здесь ведется большая политика. А политика и религия в современном мире сочетаются очень плохо.

- Хотелось бы видеть светским, а каким будет, например, лет через 30–40, это еще не совсем понятно.

- Будущее страны за наукой, а религия-дело сугубо глубоко личное.

- Религиозность не столь глубока и радикальна, чтобы были предпосылки к созданию религиозного государства. Кроме того, Казахстан – многоконфессиональная и многонациональная страна.

- Казахстан будет и должен оставаться светским государством. Религиозность предполагает выбор в пользу одной религии. Казахстан является поликонфессиональным государством.

- Демократия предполагает отделение религии от государства. Демократическое будущее Казахстана должно придерживаться этого принципа.

- Успешное государство – это только светское государство, которое идет по пути построения разностороннего межконфессионального диалога и развития толерантности.

- Казахстан – многонациональное и многоконфессиональное государство, и у каждого должен быть свой выбор. И, тем не менее, все религии должны находиться под государственным контролем.

- Думаю, что светским, но и люди должны быть высокодуховные.

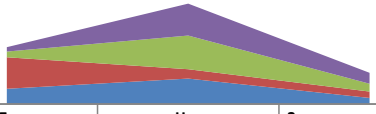
- Поскольку наше общество уже стало поликонфессиональным, то правильнее было бы чтобы оно оставалось светским, где провозглашается свобода совести.

- Светским, многонациональным, поликонфессиональным – это история и наша судьба.

- В Казахстане никогда на протяжении ее истории не было превалирования религиозного мировоззрения, и свобода духа и действий в казахах сильнее, нежели религиозность.

- Только светская модель будет способствовать развитию государства, его конкурентоспособности.

В массовом опросе исследовались проекции представлений респондентов в отношении мировоззренческого будущего детей. На вопрос «Какой бы Вы хотели видеть связь с религией у Ваших детей?» проявлены интересные ожидания в отношении религиозности детей, в соответствии с которыми треть (32,6%) респондентов хотела бы видеть своих детей верующими, вовлеченными в религиозную жизнь, а 66,7% – уважающими религию, но с позиций сторонних наблюдателей за религиозной жизнью. 12,1% предпочли бы, чтобы дети были равнодушны к религии, а 9,3% – чтобы стали атеистами (рис. 45).



	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
не разделяли религиозные убеждения и образ жизни, были атеистами	9,3	67,6	23,1
были равнодушными к религии	12,1	71,3	16,6
уважали религию, но были бы сторонними наблюдателями за религиозной жизнью	66,7	19,8	13,5
были верующими, вовлеченными в религиозную жизнь	32,6	54,2	13,2

Рис. 45. **Распределение ответов на вопрос «Какой бы Вы хотели видеть связь с религией у Ваших детей?»**

В массовом опросе 2014 г. респонденты, отвечая на вопрос о том, какие действия в отношении религии необходимы в современном казахстанском обществе, отметили, что:

- «не следует акцентировать значение и способствовать возрастанию роли религии в казахстанском обществе» (39,9%),

- «необходимо расширить влияние религии в культуре» (21,8%),
- «необходимо расширить влияние религии в политике» (15%),
- «необходимо преподавание основы религиозных знаний в школах, колледжах, вузах» (13,1%),
- «необходимо выделять квоты для религиозных деятелей в Парламенте (8,2%) (рис. 46).

Рис. 46. **Распределение ответов на вопрос «Какие действия в отношении религии необходимы в обществе?»**

Осознание ключевых задач взаимодействия государства и религии показало, что респонденты видят перспективность в согласительной, а не в конфликтологической парадигме. Формулирование респондентами 2-3-х наиболее актуальны ключевых задач взаимодействия государства и религии показало, что все суждения сформулированы в контексте концепции светскости государства, где основополагающими принципами выступают

- «сохранение разделения (отделения) государства и религии», когда «государство и религия должны вести каждый свою политику, но при этом помогать друг другу»,
- «невмешательство в дела друг друга при строгом соблюдении закона»,
- «взаимное уважение, помощь государства религии: нельзя религию сбрасывать со счетов»,
- «открытость к взаимному диалогу»,
- «обеспечение свободы выбора мировоззрения»,
- «сохранение принципа толерантности и равенства всех религиозных конфессий»,

- «неиспользование религии в политических целях»,

- «недопустимость противоречий между государством и религиями»,

- «сохранение и развитие толерантности».

Были обрисованы контуры государственно-конфессиональной политики, при реализации которой ««государство и религия должны быть едины», «должны идти в одну ногу», «чтобы решали проблемы сообща», «главное – чтобы государство и религия шли рядом, чтобы было уважение всех религий», «свобода выбора религии». Респонденты отметили, что во «взаимопонимании задач и ответственности» важно «соблюдение закона, любовь и уважение к людям, развитие религий».

Общность задач религии и государства респонденты мотивируют тем, что «народ доверяет и религии, и государству». Поэтому «государство и религии не должны противоречить друг другу», а наоборот, «объединить усилия в таких направлениях деятельности, как:

- сохранение мира и согласия в обществе, обеспечение стабильности в обществе,

- формирование системы общечеловеческих ценностей, пропаганда нравственных ценностей, в первую очередь – в среде молодежи», работа с молодежью должна стать приоритетной в Министерстве образования и науки,

- содействие образованию в вопросах веры и духовности, совместные действия по повышению грамотности и воспитанию,

- воспитание молодежи в духе уважительного отношения и к государству, и ко всем религиям, которые способствуют единству народа,

- просвещение, воспитание, соблюдение прав человека, пропаганда процветания и дружбы народа, неделимости страны,

- воспитание религиозности среди государственных деятелей, это будет положительно складываться на общей массе,

- формирование здорового образа жизни,

- решение насущных социальных проблем: бедность, наркомания, коррупция,

- развитие благотворительности, попечительства.

Довольно много мнений респондентов центрировано вокруг утверждения о том, что «государство должно быть отдельно от религии, но при этом держать религиозную деятельность под

контролем». Как видят контролирующие функции государства респонденты? Перечислим, предварительно сгруппировав:

- «четкий учет религиозных организаций, регламентация их деятельности Министерством юстиции РК»,

- «жесткий контроль всех религиозных организаций», «контроль всех религий»,

- «государство должно вести полный контроль так называемых религий», «государство должно держать под контролем новые религии», «государство обязано осуществлять контроль за религиями, особенно – за «нетрадиционными», «контроль новых религий государством», «строгий контроль «нетрадиционных» религий», «сдерживать и следить за развитием «нетрадиционных» религий», «отслеживание деятельности псевдорелигий», «контроль псевдорелигиозных верований и влияние на формирование правильного мировоззрения у подрастающего поколений», «жесткий контроль за нетрадиционными религиозными течениями (КНБ, акиматы)»,

- «запрет нетрадиционных религий»,

- «контролировать и не допускать проникновения в нашу страну террористических религиозных организаций, сект.

Для осуществления вышеперечисленных функций, по мнению респондентов, необходимо «разработать план мероприятий, позволяющий осуществлять контроль за действиями религиозных организаций (нетрадиционных – в первую очередь)», для того, «чтобы не было нарушений законов, регулирующих их деятельность в нашей стране».

С позиций толерантности «необходимо создать площадки для диалога между правительством, местной властью и нетрадиционными религиозными объединениями для снятия напряженности через диалог и законность». Причем, как полагают респонденты, «в государственных органах на ответственных постах должны быть религиозные деятели, грамотные религиозные люди, с глубокими знаниями в области религии», «которые должны поддерживать религиозные организации и вместе с ними работать в направлениях общественной стабильности».

Все респонденты высказались за то, что необходимо «соблюдать принцип светскости государства: государство должно быть отделено от церкви (в области образования, политики и т. д.)», в внутри страны «необходим аналог съезда мировых и традицион-

ных религий, а также проведение различных культурных светских мероприятий во время религиозных праздников (Рождество, Курбан айт, Наурыз, Пасха и др.)».

Высказываясь за сотрудничество государства и религии как социального института преобладающее число респондентов имеет в виду продолжение способствовать «взаимодействию традиционных религий, в том числе – на международном уровне», поддержку «традиционных для Казахстана религиозных конфессий (ислама ханафитского мазхаба, православия)».

С учетом результатов мониторинга религиозности населения, а также в связи с действующими нормами Конституции РК полагаем недальновидными следующие утверждения, которые транслируются в качестве идеологем:

«Казахстан – исламское государство», «Казахстанское общество является мусульманским», «Казахстан (казахи) – часть исламской уммы», «70% (как вариант – 80%) населения Казахстана – мусульмане» и т. д.

Предлагаем активизировать такие посылы, как

1) «Казахстан – светское государство».

2) «В Казахстане, как светском государстве, мирно сосуществуют как традиционные для истории и культуры народов, проживающих в Казахстане, так и новые религии».

3) «В современных условиях религия может использоваться как политический ресурс, поэтому важно знать о социокультурной роли религии и понимать, что под «флагом» религии могут действовать псевдорелигиозные структуры».

4) «Отношения государства с религиозными организациями определяются светским, конфессионально нейтральным характером государства и его институтов, отделением религиозных объединений от государства».

5) «Государство не вмешивается во внутреннюю деятельность религиозных объединений, предлагает сотрудничать с религиозными объединениями в тех сферах, где это необходимо для достижения общественного согласия, для воспроизводства атмосферы духовности».

6) «Государство открыто в реализации политики в сфере свободы совести и вероисповедания на всех уровнях государственной власти и управления».

7) «В Казахстане конституционно провозглашен принцип свободы совести и свободы вероисповедания, а равенство прав и

свобод человека и гражданина обеспечивается независимо от отношения к религии, принадлежности к религиозным или светским объединениям».

8) «В Казахстане реализовано правовое равенство религиозных объединений в осуществлении ими богослужебной и внебогослужебной деятельности (равенство религиозных объединений перед законом), а за государством остается контроль за соблюдением религиозными объединениями казахстанского законодательства».

3.3.6 Парадигмальные критерии общественного мониторинга деятельности НРО

Институциональный мониторинг деятельности новых религиозных организаций предполагает получение информации о генезисе и эволюции организации, ее структуре, содержательной деятельности, общественной оценке ее результативности и влияния на общество, группы и личность.

Предлагаемая матрица залает параметры для комплексного институционального мониторинга деятельности НРО.

1. Происхождение организации (время и место, сведения об инициаторах).

2. География распространения организации (регионы, центр-периферия).

3. Структура организации и отношения руководства/подчинения.

4. Тип организации (церковь, деноминация, секта (какого типа), культ, движение, община).

5. Особенности и характер информационного обеспечения деятельности (открытость, устойчивость, конфессиональная анонимность/узнаваемость,

6. Отношение к информации: (вход/выход, доступ, распространение, контроль, дозирование, дезинформирование). Наличие печатного органа, сайта.

7. Аксиология доктрины: этические, социальные представления, их направленность на внутриобщинные цели и на контактность с социальной средой.

8. Направления, виды и цели деятельности (вероучительная, обучающая, просветительская, коммерческая, благотворительная, досуговая).

9. Характер деятельности по отношению к обществу, к государству (открытая/закрытая, благожелательная, компромиссная,

оппозиционная, социально-оппозиционистская, социально-изоляционистская, адаптационная).

11. Интеракция внутри общины и общины с сообществами, особенности трансляции группового этоса в обществе (проповедническая деятельность).

12. Социальная адаптация и процесс социализации новообращенных (техники, этапы, критерии лояльности).

13. Внутриобщинные роли и статусы, критерии роста статуса в общине, контроль соответствия.

14. Институт лидерства: полномочия, иерархия, внутриорганизационная мобильность (горизонтальная, вертикальная).

15. Совмещение социальных и религиозных ролей (на уровне группы, индивида).

16. Наличие/отсутствие ролевых (между религиозными и светскими статусами) конфликтов.

17. Система внутриобщинных стандартов (содержание, распространение, эволюционность/неизменность).

18. Ценностно-нормативный контроль (соизмеримость с ценностными парадигмами общества: консенсус/диссенсус; характер применяемых санкций: включение, изоляционизм, конфронтация).

19. Соответствие корпоративной морали РО общественным нормам и ценностям (девиантные социальные установки: по отношению к общественным институтам (образование, СМИ, семья), к здоровью, к исполнению гражданских обязанностей, к профессиональной занятости.

20. Механизмы ограничения/изъятия адептов из социальных связей: семейных, образовательных, профессиональных, гражданских, культурных и др.

21. Поведенческие модели адептов (оппозиционная, конфронтационная, аполитичная, дистанционная, уклоняющаяся, адаптационная).

22. Факты и результативность социальной деятельности НРО в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С обретением независимости в Республике Казахстан осуществляется курс перехода к открытому обществу, который предопределил возможности более разнообразной, чем прежде, мировоззренческой идентификации населения. С 90-х гг. прошлого столетия в стране фиксируется повышенный интерес к религии, который вызван акцентуацией ее функций в трансформирующемся обществе в условиях утраты прежней идеологии. В этих обстоятельствах изучение феномена религиозности актуализировано не только в социокультурном контексте жизнедеятельности, но и оказывается связанным с направленным геополитическим влиянием.

Тренды исследования новой религиозности в западном мире сложились в тесном взаимодействии эмпирических и теоретических подходов, которые реализуются в междисциплинарном поле. Изучение новой религиозности в России, в Беларуси, где после распада союзного государства наблюдаются сходные процессы в идеологическом пространстве, проводится систематически, последовательно и охватывает культурологический, религиоведческий, психологический, политологический аспекты. Организация научных исследований новой религиозности позволила выявить как сам феномен, так и изучить его различные проекции и последствия на жизнь современных обществ, вступивших в эпоху постсекулярности.

В условиях постсекуляризма имеют важное значение процессуальные характеристики религиозности, для чего выявление ее состояния и тенденций требует повторяемости проведения замеров (то есть организации количественных и качественных социологических исследований) с последующей всесторонней интерпретацией данных средствами социологии религии, социальной философии, политической социологии, политической психологии.

Практически всеми исследователями религиоведами признается высокий потенциал религии и возможность быть примененной в качестве эффективного инструмента геополитики. Тематически

ческие контексты массивов научной информации, так или иначе посвященной анализу религии в современном мире, введенные в научный дискурс со второй половины прошлого столетия, указывают на явную тенденцию смещения исследовательского интереса от доктринальной проблематики к изучению статусов, роли, функций, процессов институциональной динамики и прочим вопросам. Общезначимым стал тезис о том, что в современных условиях невозможно разрабатывать эффективные политические решения в области идеологии вне или без учета реально разворачивающихся процессов в сфере меняющейся религиозности. Процесс изменения религиозной ментальности (несмотря на внешне демонстрируемое религиозное поведение) имеет латентный характер, который возможно выявить, опираясь на базис современных социогуманитарных теорий и применяя систему дисциплинарных методов.

Мировой опыт изучения феномена новой религиозности показывает, что предметность исследований достигается при проведении систематического социологического мониторинга, философско-социологической реконструкции эмпирических данных в модели и последующими многофакторными интерпретациями. При этом объективность результатов зависит от характера методологических допущений, которые, в том числе, могут быть не свободными от аксиологической мотивированности. Не случайно, в религиоведческом дискурсе воспроизводятся диаметрально противоположные оценки, как самого института религии, так и новой религиозности.

Религия, религиозность, религиозная идентичность существенным образом влияют на выбор образа жизни все большего числа казахстанцев, что следует учитывать при разработке эффективной политики. Поэтому исследование феномена религиозности в контексте изучения состояния и тенденций религиозного сознания становится одним из приоритетных направлений социогуманитарной науки. Религиозность населения – один из самых динамичных социетальных факторов, который существенным образом влияет на цели развития общества, меняет ценностно-смысловой контекст жизнедеятельности граждан, форматирует новую идентичность, предопределяет общественную безопасность на уровне государства, группы и личности.

Выступая фактором социализации, религиозность способствует как акцентированию традиционной этноконфессиональ-

ной идентичности, так и расширению возможностей конверсии, которая становится одним из явных трендов в Казахстане. Рост числа новых религиозных организаций и групп, религиозных движений в период суверенизации ставит задачи выявления формирующейся модели религиозности, особенностей восприятия происходящих процессов массовым сознанием, их систематического мониторинга.

О масштабах этих процессов отечественные эксперты предпочитают не высказываться, несмотря на устойчивость проявляемых тенденций и рост численности последователей новых религиозных организаций (НРО). Не дискутируются вопросы о критериальной отнесенности НРО к религии в условиях ее расширительного толкования (или даже отсутствия его) в нормах международного права и в связи с использованием в качестве эффективного инструмента политических технологий.

В Казахстане спектр восприятия роли и влияния религии (и новой религиозности) на результативность общественной динамики, векторы процессуальных изменений находится за пределами возможностей методологии соизмеримости, поскольку аксиологические позиции исследователей не опираются, с одной стороны, на единый теоретико-методологический базис (что само по себе позитивно в условиях плюрализации общества и пролиферации теорий), а с другой – не подкреплены в достаточной степени систематическими эмпирическими исследованиями тенденций религиозности по причине неразвитости социологии религии. Массовое сознание фиксирует рассогласованность в восприятии и оценке фактора религиозности. Это обстоятельство не только отражает реально сложившуюся картину мировоззренческого плюрализма, но и обязывает выработать более четкую позицию государства в отношении оценки религии, определения ее места в структуре идеологии.

В период суверенизации в Казахстане объективно возрос интерес к религии в целом, так как общество перешло в новую диспозицию по отношению к этому социокультурному институту. Возникли новые идеологические и политические условия для формирования модели светскости и вырабатывания политики государственно-конфессиональных отношений. На фоне плюрализации как конституционной нормы увеличилось количество религиозных организаций и групп, новые религиозные движения

достаточно «успешно» интегрировались в толерантное казахстанское общество. За тем, как развернут в нашей стране процесс институционализации новых религиозных организаций пристально наблюдают международные (в том числе – европейские) институты. В этих условиях возрастает значение постоянного мониторинга религиозной ментальности (не столько сознания, сколько поведения и деятельности), как на уровне массового, так и специализированного фокусов, изучение наличной религиозности методами социогуманитарных наук.

Как представляется, системные средства для изучения и репрезентации тенденций новой религиозности в модельной реконструкции достигаются средствами комплексного социологического мониторинга (анкетирование, фокус-группы, стандартизированные интервью) с последующей верификацией, институциональным, деятельностным, компаративистским подходами, политологическим SWOT – анализом, классификацией, философской концептуализацией и моделированием.

Религиозность в современном Казахстане как черта обыденного (массового) сознания и поведения (а у определенных групп граждан – и образа жизни) проявляется в различных проекциях: как в явных, так и в скрытых форматах, как в позитивных по своему воздействию на личность, общество, так и в негативных формах (которые, в частности, связаны с так называемым «религиозным» экстремизмом), а по своей сути демонстрируют процесс утратной идентичности, разрыв с традиционными институтами социализации. Одним из главных трендов развития религиозности в Казахстане становится религиозная конверсия, в результате которой индивиды теряют традиционные (этно-культурно-исторически предписанные) конфессиональные статусы и обретают новые религиозные и квазирелигиозные идентификации.

В условиях светского развития казахстанского общества государственная политика по отношению к религии как социальному институту, взаимодействие государства с религиозными организациями, место религиозных парадигм в структуре мировоззрения, подходы к религиоведческому образованию в системах школьного и вузовского обучения, в просвещении и многие другие вопросы только становятся актуальным предметом научного исследования и пока не получают исчерпывающего объяснения средствами научного дискурса. В экспертном сообществе сосуществуют взаимоисключающие точки зрения на роль религии как социального

института, не выявлены функции религии в казахстанском обществе, не сформулированы исходные теоретические постулаты современного социогуманитарного знания, в контексте которых исследователи обсуждают воздействие религии на общество.

В просветительском и пропагандистском дискурсе транслируются мифологемы, способные расколоть общество по религиозному признаку. В экспертном сообществе преобладает некритичная установка о массовости религиозности в современном Казахстане, а в общественном сознании порождается представление о важности религиозного статуса государства (растет число казахстанцев, которое видит преимущество именно в таком векторе государственности). Фиксируется рассогласованность экспертных мнений в восприятии и оценке фактора религиозности, экспертное сообщество «расколото» и находится в состоянии методологического диссенсуса. Это обстоятельство не только отражает реально сложившуюся картину мировоззренческого плюрализма, но и обязывает выработать более четкую позицию государства в отношении оценки религии, понимания ее места в структуре общеказахстанской идеологии.

В контексте развития государственной политики в Казахстане не выработано сколько-нибудь определенного курса в отношении религии как одного из конструктов идеологии, но, вместе с тем, осуществляется активная эксплуатация религиозного фактора в политическом дискурсе, начиная от проявлений в 90-е гг. политическим истеблишментом «моды» на религиозность до осуществления государством инициатив межконфессионального диалога на международном уровне. Организация последнего все чаще становится предметом критики, так как объединяет представителей мировых и традиционных религий, в то время как и в мире в целом, и в Казахстане религиозная жизнь давно представлена и новыми религиями. Мониторинг обнаруживает необходимость системного информирования массового потребителя о роли института религии, ее функциях в современном обществе, о деятельности и традиционных, и новых религиозных организаций, их влиянии на светское государство, на процессы социализации.

В условиях светского развития казахстанского общества государственная политика по отношению к религии как социальному институту, взаимодействие государства с религиозными организациями, место религиозных парадигм в структуре мировоззрения становятся не только актуальным предметом научного исследования, но и обретают осмысленность в массовом (население) и

специализированном (эксперты, верующие, государственные чиновники, регулирующие сферу взаимодействия общества и религии) сознании.

В светском государстве, многоконфессиональном и поликультурном обществе переосмысление значения, определение места религии в контексте жизнедеятельности, понимание ее современных функций, выстраивание эффективной государственной политики взаимодействия государства и религии, поиск новой идеологии, организация религиоведческого образования – далеко не полный перечень актуального дискурса, требующего концептуального подхода. Однако, эти и многие другие вопросы пока не получают исчерпывающего объяснения средствами научной интерпретации, практическими усилиями в области религиоведческого просвещения и образования, информационной политики. Отчасти потому, что существует достаточно большой пробел между декларативными намерениями в отношении роли и назначения религии в современном казахстанском обществе, заявляемыми государством – с одной стороны и реальной практикой деятельности религиозных организаций, особенно новых, которые не стремятся проявить себя в информационном пространстве, предпочитают политику закрытости и изоляционизма.

В годы суверенного развития Казахстан как правовое, светское, демократическое и социальное государство создает условия для реального плюрализма. И, несмотря на то, что казахстанское общество не религиозно по сути, в настоящее время у нас представлен практически весь спектр не только мировых и традиционных религий, но и новых верований и культов. Зачастую культы и верования не имеют ничего общего с религией, верой и духовностью. Религиозность и религия (используемая как политический инструмент) стали основными «линиями наступления» на аутентичную, исторически сложившуюся в Казахстане модель этнокультурной, конфессиональной, гражданской и политической идентичности, основанных на факторах стабильности и согласия. Незнание механизмов указанных процессов не способствует эффективной разработке идеологии, включая ее мировоззренческую составляющую, затрудняет своевременное принятие государственных решений по снижению конфликтного потенциала в обществе, может быть чревато утратой уникальной казахстанской идентичности.

По сути, в казахстанском обществе созданы сети с альтернативной идеологией (претендующей на религиозно-полити-

ческую), строгой организационной дисциплиной, с достаточно большим количеством последователей, которые представляют собой психологически и идейно зомбированную публику с нарушенной ценностной структурой восприятия и превращенным гражданским сознанием, переподчиненным воле харизматичного лидера общины. Деятельность новых религиозных организаций масштабно воспроизводится и до сих пор не получила систематической оценки в научном дискурсе, вносит трудности в реальной политике взаимодействия государства и религии.

Специфика институциональной деятельности религиозных организаций в Казахстане предопределена тем, что в последние два десятилетия значительно увеличилось количество религиозных организаций и групп, миссионеров, которые не всегда действуют открыто и легально. Общество и граждане сталкиваются с проявлениями религиозной конверсии, с утратной идентичностью (на уровне личности, группы – семейной), со снижением социальных статусов, с нарушениями здоровья и прочими крайне негативными последствиями, ухудшающими не только качество жизни, но выступающими рисками общественной безопасности. Необходимо сужать существующий пробел между намерениями в отношении роли и назначения религии в обществе, и реальной картиной религиозности, которая в качестве основного тренда определяется процессами религиозной конверсии, далеко не однозначными не только в проекции на жизнь сегодняшних поколений, но и в связи с обозримым будущим Казахстана как светского государства.

В процессе изучения феномена религиозности населения Казахстана стало очевидно, что проблемы религиозной идентичности, технологии экстремизации сознания и поведения адептов в нетрадиционных религиозных организациях, риски утраты идентичности в новых глобализационных стратегиях вызваны интенсификацией религиозной миграции в Казахстан. Перед Казахстаном встали задачи удержания уникальной этноконфессиональной идентичности как фактора устойчивого развития. Деятельность новых религиозных организаций в Казахстане – явление неоднозначное, требующее всестороннего исследования с позиций измерения ее эффективности. В условиях институционализации новых религиозных организаций в последние два десятилетия эта деятельность не всегда легитимна, прозрачна и понятна, хотя воспроизводится масштабно.

Подобное состояние дел стало возможным – в числе других причин – еще и потому, что в Казахстане не разработаны методики и не выработаны подходы к оценке эффективности деятельности новых религиозных организаций. Эти процессы детерминированы тем, что у нас отсутствует система постоянного мониторинга деятельности религиозных организаций, не разработаны критерии для такого мониторинга и проведения экспертизы, нет базы исчерпывающей информации о самих организациях – субъектах. Не учитывается общественная оценка изменений, которые привносят новые религиозные организации не только в культурное, но и идеологическое пространство.

Анализ законодательной базы и методических рекомендаций, обращенных к тем, кто проводил и проводит соответствующую процедуру перерегистрации религиозных организаций, экспертизу (правовую и религиоведческую), указывает на недостаточность примененных в них глоссариев, отсутствие критериев для классификаций, типологий, без которых невозможна объективная презентация религиозных институтов в обществе.

Несмотря на инициативную законотворческую деятельность в отношении религии и религиозных организаций, соответствующей регистрирующей деятельности, которая осуществлялась в период с октября 2011г. по 25 октября 2012г., ситуация с реальным состоянием религиозности в Казахстане не стала более ясной и предсказуемой. Само по себе наличие закона РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» не свидетельствует об успешности правоприменительной практики из-за отсутствия необходимых подзаконных актов, регулирующих процесс мониторинга деятельности религиозных объединений. Требуется дальнейшее совершенствование законодательной базы в отношении государственно-конфессиональной политики с тем, чтобы преодолеть разрыв между декларируемыми идеологемами и реальной практикой взаимодействия государства и религиозных организаций. Должны работать более четкие критерии для определения религиозной деятельности, ее условий и возможностей, масштабов и ограничений, а также отличия религиозной и псевдорелигиозной, квазирелигиозной, деструктивной деятельности, имеющей политический характер и оказывающей негативное воздействие на личностное развитие, групповую идентичность и общественную безопасность. Тем более, что на уровне экспертных

оценок и в массовом восприятии религии культурообразующие и религиозно камуфлированная деятельность отчетливо различаются. Предстоит разработать комплекс взаимосвязанных положений в части дальнейшего совершенствования законодательства в области религии в части регулирования вопросов образования, воспитания, семейно-брачных и иных (трудовых) отношений.

В массовом сознании совершается переосмысление роли религии, респонденты дают неоднозначную оценку ее роли: примерно половина респондентов отмечает ее положительное влияние, каждый шестой респондент не видит позитивного воздействия религии, более трети респондентов затрудняются дать оценку. Сравнительный анализ оценки влияния традиционных и новых религий показывает, что более половины респондентов (55,6%) позитивно оценивают влияние традиционных религий, в то время как только четверть респондентов (25,1%) дают сходную характеристику позитивного влияния в отношении новых религий. По негативному оцениванию влияния традиционные религии отмечают 9% респондентов, в то время как почти каждый третий респондент (30,3%) оценивает влияние новых религий как негативное. Отсутствие эффективного влияния традиционных религий отмечает 16%, а в отношении новых религий за сходную оценку высказывается 20,3% респондентов.

Поляризация оценок деятельности НРО в РК со стороны Комитета по делам религий, западных правозащитных институтов, массового сознания, экспертов предопределена разной аксиологией по линии «традиционные – нетрадиционные» (новые) религии. Международные правозащитные институты игнорируют фактические отношения равенства перед законом любых РО, включая так называемые «новые». Общественное мнение амбивалентно в оценивании деятельности НРО, но больше высказывается негативных оценок.

Мониторинг экспертного мнения – с одной стороны, и общественного мнения – с другой, показывает, что респонденты выявляют ряд негативных критериев, которые присущи новым религиозным организациям. В деятельности ряда общин, зарегистрированных, перерегистрированных и действующих как религиозные, не всегда четко представлены цели присутствия в Казахстане, часто подменяются ее мотивы. Сама деятельность и ее декларирование зачастую не совпадают. Из-за того, что населе-

ние недостаточно информировано об активной деятельности новых религиозных организаций, ряд общин (сообществ) напрямую используют все доступные средства информации и пропаганды для вовлечения в свои ряды все новых сторонников. Все чаще под «флагом» религии действуют псевдорелигиозные организации (представляющие мистические культы, нетрадиционные для культуры казахстанцев воззрения и оккультные практики, псевдоцелительские практики), лидеры которых стремятся к власти и управлению, манипулированию массовым сознанием и поведением адептов, заинтересованы в росте их численности.

Поскольку ментальность казахстанцев определяется высоким уровнем толерантности по отношению к новым религиям, в общественном дискурсе отсутствуют общие ориентационные знания о сути, намерениях новых религиозных организаций в Казахстане, о практикуемых ими методах вовлечения, последствиях участия в них, то это приводит немалую часть сограждан к последствиям утратной идентичности, прежде всего – традиционной этноконфессиональной, и, следовательно, социальной. Так, видимые для казахстанцев последствия религиозной конверсии связаны не просто с переменой ценностно-смысловых концептов мировоззрения, но и с факторами, существенно трансформирующими личностную и групповую (не только семейную, но и социально-профессиональную) идентичность.

Религиозная конверсия только становится предметом научного мониторинга и прецедентом осмысления в массовом сознании. Активность дискуссий о ее причинах и последствиях в Казахстане смещена в блогосферу, в комментарии Интернет-пользователей. Тенденциальность явления фиксируется нарастающим числом обращений граждан в консультационные центры с просьбами о помощи возвратить родных, близких, друзей, коллег из нетрадиционных для Казахстана религиозных организаций. Последствия религиозной конверсии еще не проявлены в полной мере с позиций утратной идентичности, в то время как процесс развивается масштабно (в него включены от 6% населения в сельской местности до 12% городских жителей), поддерживается не только научными дискуссиями, но и требованиями международных институтов обеспечить «свободу выбора» вероисповедания. Так как новые религиозные объединения не торопятся обнародовать свои социальные доктрины, по-прежнему остаются закрытыми для обще-

ственного мониторинга, то возрастают риски вытеснения общеказахстанских идеологем на периферию массового сознания, что в условиях наступательного характера НРО неминуемо приведет к трансформации гражданственности как восприятия единства казахстанской общности.

Понимание религии принимает расширительные толкования, которые в логическом смысле включают и квазирелигиозные практики. Обозначенная ситуация способствует разрастанию неопределенности в оценивании результативности влияния религии на жизнь общества, и, тем самым способствует расширению зоны риска в разработке и принятии политических решений по поводу государственно-конфессиональных отношений, религиозной политики. Религия все чаще становится инструментом политики, направленной на массовое восприятие определенным образом заданных концептов и потому может способствовать как консолидации общества, так и эскалации конфликтов.

Казахстанское общество, благодаря государственной политике открытости и геополитическому статусу государства-миротворца, посредника в урегулировании конфликтов, испытывает воздействующее влияние не только на экономическую, но и на культурную, духовную стороны, на социальную инфраструктуру и жизненный уклад в целом, включая трансформацию ценностно-ориентированных институтов семьи, коммуникации (межличностные, групповые). Это влияние проявляется в формировании особого типа маргинальной личности, не включенной в традиционно существующие формы культурной адаптации (в семье, в системе образования, в сфере профессиональной занятости, в группах дружеского общения и др.).

Парадигма мониторинга деятельности НРО основана на изучении международного опыта, подходов в странах со сходной религиозной ситуацией и реальной картиной религиозности в Казахстане. Были учтены такие факторы, как социокультурная обусловленность, направленность социальной деятельности (ее соответствие ценностям и нормам общества), наличие претензий на исключительность, неповторимость, противопоставление другим сообществам, включение/отделение (социальная изоляция) религиозного сообщества от коммуникаций с внешними группами и др.

Как показала реконструкция в фокус-группах образа лидера НРО в соотнесенности с задачами, которые респонденты связы-

вают с деятельностью священнослужителей в целом (исследовался в мониторинге), в массовом сознании сформирован устойчивый отрицательный образ лидера НРО, который ничего не имеет общего с имиджем священнослужителя и приписываемыми ему функциями.

Результативность деятельности НРО оценивается в широком диапазоне значений: от негативных до позитивных. Первые связывают с возможными рисками нестабильности с учетом политизации деятельности НРО. Спектр оценок роли и влияния религии на результативность общественной динамики, векторы процессуальных изменений находится за пределами возможностей методологии соизмеримости, так как аксиологические позиции не могут быть приведены к общему знаменателю. Позитивное влияние деятельности НРО связано с программами социализации по воссозданию новой коллективности и корпоративности в условиях трансформации социоэкономического уклада: созданием сетевого бизнеса, предоставлением каналов обучения и профессионализации для самозанятых, а также с реализацией программ реабилитации нарко- и алкоголезависимых.

Вместе с тем, как показал анализ, под видом религиозной пропаганды и просвещения осуществляется политическая контрпропаганда; проповедуются идеи социального разделения, религиозной исключительности, нетерпимости к иноверцам; распространяются установки на протестное поведение по отношению к родным и близким верующих, к рядом живущим согражданам, к органам государственной власти и управления; воспроизводятся условия для экстремизации сознания и поведения адептов по отношению к иноверцам, институтам государства и общества; под видом религиозной осуществляется не религиозная, а иная деятельность. 2) Анализ обращений граждан в казахстанские правозащитные организации указывает на закономерности, связанные с нарушением прав несовершеннолетних детей на свободу вероисповедания в случае, когда один из родителей без согласия другого вовлекает ребенка/детей в деятельность НРО. Такая деятельность зачастую связана с ограничением прав детей на образование, должную социализацию, общение. Для детей, родители которых являются членами НРО, вводятся запреты на общение со сверстниками, доступ к информации, запрет на участие в детских и юношеских организациях, на празднование государственных, светских и других праздников. Тем самым практикуется своеобразная социальная изоляция, в связи с чем дети и подростки не

обретают должной социализации. В семьях, где один из ее членов является приверженцем НРО, воспроизводится конфликтная ситуация по поводу мировоззренческих предпочтений и выбора образа жизни семьи в целом.

Поляризация оценок деятельности НРО в РК со стороны КДР и правозащитных институтов предопределена разной аксиологией по линии «традиционные-нетрадиционные» (новые) религии, игнорированием фактических отношений равенства перед законом любых РО, включая так называемые «новые». Так как политическими субъектами, пытающимися регулировать процессы религиозной идентификации не выработано современного консенсусного концепта религии как социального института, отсюда – неопределенные границы норм европейского права о необходимости обеспечить свободу религий (под последними понимается широкий круг любых верований, без обозначения предметной специфики, который можно разделять и исповедовать единолично или сообща с другими вне и помимо организационной структуры), не раскрываются функциональные проявления религии как социального института.

Понимание религии принимает расширительные толкования, которые в логическом смысле включают и квазирелигиозные практики. Ситуация способствует разрастанию неопределенности в оценивании результативности влияния НРО на жизнь общества, и, тем самым способствует расширению зоны риска в разработке и принятии политических решений по поводу государственно-конфессиональных отношений, государственной политики в отношении НРО. Для преодоления кризиса идентификации НРО в религиозном ландшафте Казахстана требуется методика оценивания эффективности деятельности на основе общезначимых критериев. Подобные критерии «вырастают» из практики государственного регулирования государственно-конфессиональных отношений в проекции на общественные оценки, правовые нормы национального законодательства.

Оценки респондентами деятельности НРО, как по результатам, так и по самому процессу институционализации проводились с позиций а) соответствия системе общегражданских ценностей, исторически сложившихся и принятых в казахстанском обществе; б) обобщения реального опыта (практики, прецедентов). Результирующие итоги показывают, что, как в массовом, так и в экспертном сознании сформировались устойчивые стереотипы негативного образа НРО, в оценках преобладает выявление

и подчеркивание деструктивной компоненты в их деятельности, что приводит в целом к доминированию отрицательного образа НРО. Можно сделать вывод о том, что в казахстанской ментальности сформирована конфликтологическая матрица восприятия НРО как институтов общества.

В Казахстане отсутствует практика общественного мониторинга деятельности НРО, в то время как международные правозащитные организации постоянно проводят мониторинг деятельности государственных органов в отношении фактов пресечения незаконной деятельности НРО и общественности по поводу критического восприятия негативных последствий деятельности НРО. Сложилась асимметрия оценок, которая используется как рычаг внешнего давления на принятие государственных решений в области государственно-конфессиональной политики. Практика государственного регулирования в сфере взаимодействий с НРО складывается без учета последствий негативного влияния деятельности НРО на общеказахстанский контекст, что способствует расширению рисков маргинализации все большего числа сограждан, вовлекаемых в эти организации.

Между тем, содержание ряда международных мероприятий в Алматы (круглый стол ОБСЕ совместно с Генеральной прокуратурой РК, Агентством по делам религий РК, экспертами НАТО), встречи с западными экспертами государственного департамента США, специальным докладчиком ООН, анализ их выступлений, бесед и предлагаемых рекомендаций показывают, что Казахстан обязывают «привести в исполнение» согласительную стратегию в отношении новых религий, даже если в них имеется экстремистский потенциал.

Изучение состояния и тенденций религиозности населения Казахстана, проблемы религиозной идентичности, технологии экстремизации сознания и поведения адептов в нетрадиционных религиозных организациях, риски утраты идентичности в новых глобализационных стратегиях вызваны интенсификацией религиозной миграции в Казахстан.

Эксплуатация имиджа религии как социокультурного института во внеконфессиональных религиозных объединениях, в квазирелигиозных общинах, незнание и непонимание согражданами сути религии являются серьезными условиями масштабирования религиозной конверсии. Религиозная конверсия в Казахстане означает не только утрату позиций

традиционных религий, но также выступает самым существенным фактором изменения культурной идентичности.

Поскольку в нашем обществе не действуют механизмы упреждающего реагирования на возможные протестные проявления, которые ведут к подрыву гражданской консолидации и ослаблению доверия к институту власти, то важно постоянно проводить информационно-консультационную работу с населением по вопросам возможной экстремизации ситуации на основе распространения и укоренения псевдорелигиозной идеологии. Рычаги идеологического управления должны быть у государства.

Только комплексные подходы к изучению состояния религиозности, ее постоянный научный мониторинг, дальнейшее совершенствование законодательной базы, активизация усилий гражданского сектора, информирование населения, религиоведческое просвещение и образование могут стать условиями для воспроизводства аутентичной духовности, с сохранением историко-культурных традиций.

В случае отсутствия в республике специализированного систематического изучения, мониторинга ментальных процессов на основе современных методов и технологий исследования, в том числе – исследований тенденций религиозной ментальности, последствия приведут к возможности манипулирования массовым сознанием, к его политизации псеводорелигиозными организациями и квазирелигиозными лидерами, к дискредитации официальной идеологии.

Сформированный запрос на научно-просветительский дискурс в СМИ в формате доступной информации о традиционных и новых религиях, организациях, движениях, в системе образования остается не реализованным. Население только в 58% поддерживает государственную политику толерантности в отношении религиозного многообразия, ожидая от экспертов «критического анализа» религиозной ситуации с указанием тех субъектов религии (или от квазирелигии), которым «можно верить».

Пока общие векторы мирного сосуществования светского и религиозного образов жизни не рассогласованы, хотя на уровне отдельных религиозных общин они существенно не совпадают по целям социальных трансформаций, по характеру воспитания определенного типа личности, по отношению к социуму вообще. Насколько масштабными и всеохватными будут процессы новей-

шей религиозной идентичности, настолько существенными окажутся сдвиги в общеказахстанском образе жизни.

Поэтому необходимы постоянные (а не эпизодические) научные наблюдения за развитием религиозной ситуации, своевременные механизмы ее мониторинга и оценки. Важно разработать подзаконные акты в виде перечня квазирелигиозных организаций, камуфлирующих свою деятельность под религиозную и запрещенных в других регионах мира, что позволит эффективнее ориентироваться в этой сфере не только экспертам, но и массовому потребителю.

Для эффективной работы в этой сфере *необходимы*:

а) методические комментарии для проведения аудита религиозной деятельности, переподготовка экспертов социогуманитариев, занимающихся проведением экспертиз в сфере религиоведения, психологии религии, социологии религии;

б) открытие соответствующей специализации в учебных заведениях для подготовки молодежи к квалифицированной профессиональной работе;

в) создание цикла просветительских программ о традиционных религиях на государственных ТВ и радиоканалах;

г) организация единого банка данных социогуманитарных исследований религиозности в РК;

д) аудит деятельности всех неорелигиозных образований, срок присутствия которых в стране составляет не более 25 лет на предмет наличия социальной доктрины через измерение результативности социальной деятельности религиозных организаций.

Для кардинального изменения ситуации сдерживания активного прозелитизма и религиозной конверсии, осуществляемой новыми религиозными организациями *необходимы*:

✓ специальные программы социализации молодежи (дифференцированный подход),

✓ вовлечение в бо̲льшую занятость малообеспеченных слоев населения,

✓ программы реадаптации для женщин-мусульманок, бывших замужем за салафитами,

✓ системная информационная деятельность для массового потребителя (телезрителя, радиослушателя, Интернет-пользователя) о деятельности традиционных и новых РО,

✓ доступ к бесплатному образованию для молодежи, к разностороннему просвещению – для всех слоев населения,

✓ формирование новых типов сообществ по месту проживания, в трудовых и в учебных коллективах.

Комитету по делам религий РК необходимо:

- продолжить совершенствование базы по законодательному регулированию деятельности новых религиозных организаций;

- расширить терминосистему законодательства за счет введения концептов «псевдорелигии», «квазирелигиозная деятельность»;

- проводить систематический мониторинг религиозности населения для воссоздания тенденций религиозности.

Министерству образования и науки МОН РК необходимо:

- разработать учебно-методические комплексы (включая фильмотеки) по предмету «религиоведение» для средних школ, средних специальных учебных заведений и вузов;

- разработать комплексные учебные планы переквалификации и стандартизации учителей для массового преподавания предмета «религиоведение» в системе среднего образования;

- разработать стандарт предмета «религиоведение» для школьного образования с учетом внеконфессиональной ориентированности содержания, светской интерпретации религии, ее роли и функций в истории и в современности.

Министерству культуры и спорта РК необходимо:

- провести размещение государственного социального заказа на создание фильмов и видеороликов о предупреждении населения о правовой ответственности за содействие деятельности религиозным экстремистам;

- осуществить массовое тиражирование на казахском и русском языках информации о религиозных организациях, деятельность которых запрещена на территории РК;

- провести республиканскую конференцию и организовать региональные семинары-тренинги для журналистов, освещающих деятельность новых религиозных организаций.

Рекомендуем целенаправленно формировать мировоззренческие горизонты сознания казахстанцев в отношении его религиозной компоненты средствами религиоведческого и религиозного просвещения и образования. Важно разработать формы такого просвещения и образования, которые бы не вступали в противоречия со светским характером Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y. - 1976. /Перевод А.К. Оганесяна в кн.: Этическая мысль. – М., – 1990. – С. 251–-255.

2. *Зиммель Г.* Религия. Социально-психологические этюды // Георг Зиммель. Избранные работы. – Киев: Ника-Центр, 2006. – 440 с. – С. 105-157.

3. *Спенсер Г.* Основные начала // http://praxeology.net/HS-SP.htm#firstprinciples.

4. *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта Текст / Уильям Джеймс. — М.: Наука. – 1993. – 432 с.

5. *Дюркгейм Э.* Социология. Её предмет, метод, предназначение Текст. / Эмиль Дюркгейм. М.: Канон. – 1995. – 352 с.

6. *Фромм Э.* Психоанализ и религия. М.: Аст, 2010.— 160 с.

7. *Weber, M.* Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology Text. / M. Weber. N.-Y.: The Regents of the University of California, 1978; Вебер М. Социология религии (типы религиозных обществ) Текст. // Избранное. Образ общества / Макс Вебер. М.: Юрист, 1994. – С. 78–308.

8. *Niebuhr, R. H.* The social sources of denominationalism Text. / R. H. Niebuhr. -N.-Y.: Meridian, 1929. – P. 139–142.

9. *Беккер Г.* Современная теория священного и светского и ее развитие. // В кн.: *Г. Беккер и А.Восков.* Современная социологическая теория / Пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1961. – 895 с.

10.*Трёльч Э.* Церковь и секта Текст. // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В. И.Гараджа, Е. Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 226–238.

11.*Yinger, M. J.* Religion, Society and the Individual. An Introduction to the Sociology of Religion Text. / M. J. Yinger. N.-Y.: The Macmillan Company, 1957. – 655 p.

12. *Johnson B.J.* A Critical Appraisal of Church-Sect Typology // American Sociological Review. – 1957. – V. 22. – № 1. – P. 88–92; On Church and Sect // American Sociological Review. – 1963. – V. 28. – № 4. – P. 539–549.

13.*Мертон Р.* Социальная теория и социальая структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 880 с. – С. 117–119.

14.*Баркер А.* Новые религиозные движения. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. – 284 с.

15.*Campbell, C.* Clarifying the Cult Text. // The British Journal of Sociology. – 1977. – Vol. XXVIII. – № 3. – P. 375–388.

16. *Roszak Th.* Where the wasteland Ends (Politics and Transcendence in Postindustrial Society). N.Y. – 1972.

17. *Wilson B.* Religion in Sociological Perspective. – Oxford: Oxford University Press, 1982.

18. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

19. *Блумер Г.* Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 1994. – С. 535–588.

20. *Гидденс Э.* Социология Текст. / Энтони Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.

21. *Бурдьё П.* Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, Е.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесловие Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001. – С. 548–562.

22. *Luhmann, N.* Society, Meaning and Religion – Based on Self-Reference // in N.Luhmann, Essays on Self-Reference. – N.Y.: Columbia Univercity Press, 1990. – P.144–164.

23. *Stark, R. Bainbridge, W. S.* A Theory of Religion Text. / R. Stark, W. S. Bainbridge. N.-Y.: Peter Land, 1987. – 386 p.; Stark, R. Bainbridge W.S. Of Churches, Sects and Cults: Preliminary Concepts for a Theory of Religious Movements Text. // Journal for the Scientific Study of Religion. 1979. – Vol. 18. –№ 2. – P. 117–131.

24. *Парсонс Т.* О структуре социального действия Текст. / Толкотт Парсонс М : Академический Проект. - 2000. — 800 с.

25. *Тоффлер Э.* Третья волна, глава 25. //http://socioworld.nm.ru/misc/toffler_3w.rar (дата обращения: 12.10.2014).

26. *Дорфман М.* Религиозность становится нетрадиционной. Доступ: //http://www.sensusnovus.ru/opinion/2012/04/08/13193.html, дата доступа: 12.04.2012.

27. *Шатунов А.Д.* Влияние глобализации на социальные доктрины современных церквей и религиозных организаций. Шатунов А.Д., М., 2005 http://www.dissercat.com/content/vliyanie-globalizatsii-na-sotsialnye-doktriny-sovremennykh-tserkvei-i-religioznykh-organizat#ixzz35KfYZRum, дата обращения: 20.07.2014.

28. *Журавский А.В.* Религиозная традиция в условиях кризиса секуляризма http://aube.narod.ru/journal/journal05.html Режим доступа: http://www.din.gov.kz/rus/religioznye_obedineniya/?cid=0&rid=1491, дата обращения: 22.07.2014.

29. *Крылов А.Н.* Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. – М.: Икар, 2012. – 306 с.

30. *Балагушкин Е.Г.* Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ. – М.: ИФ РАН, 2002. – 245 с.

31. *Воронцова Л.М.* //*Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман Д.Е.* Религия в современном массовом сознании (1995) // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/history/20/tarabuk/1995voro.html. – Дата обращения: 22.12.2012.

32. *Каариайнен К.* Старые церкви, новые верующие. // В кн. Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена, Д. Фурмана. – М.; СПб., 2000. – 248 с.

33. *Лебедев С.Д.* Религиозность: в поисках «Рубикона» // Социологический журнал. – 2006. – № 3. – С. 153-168; Парадоксы религиозности в мире Позднего Модерна // Социологические исследования. – 2010. – № 12. – С. 85–94.

34. *Мчедлов М.П.* Религия в самосознании народа: религиозный фактор в идентификационных процессах: [монография] / Мчедлов М.П. и др. - М.: Ин-т социологии РАН, 2008. – 413 с.

35. *Рыжов Ю.В.* IgnotoDeo: Новая религиозность в культуре и искусстве. - М.: Смысл, 2006. – 328 с.

36. *Синелина Ю.Ю.* Изменение религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян. – М.: Наука, 2006. – 112 с.

37. *Тарусин М.А.* Исследование «Религия и общество» / Институт общественного проектирования. Отдел социологии. Москва, 2005 // Religare.ru: Религия и СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.religare.ru/book502.htm. – Дата обращения: 21.12.2012.

38. *Трофимчук Н.А.* История религий в России. – М.: РАГС, 2001. – 591 с.

39. *Филатов С., Лукин Р.* Статистика религиозной и конфессиональной принадлежности россиян: каким аршином мерить / Религия и российское многообразие / Науч. ред. и сост. С.Б. Филатов. – Москва: Летний сад, 2011. – С.5–30.

40. *Филимонов Э.Г.* Нетрадиционные религии и культы в России («Новые религиозные движения») // Религии народов современной России: Словарь. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2002. – С. 300–301.

41. *Фурман Д.Е.* Религиозность в России в 90-е годы XX – начале XXI века. //Д.Е.Фурман, К. Каариайнен. – М.: ИЕ РАН – Изд-во «Огни ТД», 2006. – 92 с.

42. *Чеснокова В.Ф.* Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. Москва: Академический Проект, 2005. – 304 с.

43. *Яблоков И.Н.* Некоторые методологические принципы конструирования типов религиозных групп, организаций, объединений // Классификация религий и типология религиозных организаций. – М.: АТИСО, 2008. – С.47–61; Яблоков, И. Н. Философия религии. Актуальные проблемы: Монография. – М.: РАГС, 2007. – 248 с.

44. *Яковлева Ю.А.* Нетрадиционное религиозное сообщество как социальный институт СПб, 2010. http://www.dissercat.com/content/netraditsionnoe-religioznoe-soobshchestvo-kak-sotsialnyi-institut#ixzz35KThpd00, дата обращения: 08.08.2014.

45. *Бреская О.Ю.* Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Социологические исследования. – 2011. – № 12. – С. 77–87.

46. *Гурко А.В.* Новые религии в Республике Беларусь: генезис, эволюция, последователи. – Минск: Изд-во МИУ, 2006. – 276 с.

47. *Карасева С.Г., Шкурова Е.В.* Многомерный кроссконфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация // Ж-л Социология. – 2012. – № 3. – С. 123–133.

48. *Мартинович В.А.* Введение в понятийный аппарат сектоведения. – Минск: БГУ, 2008. – 103 с.

49. *Морозова С.А.* Религиозность в структуре нормативно-ценностного сознания населения Беларуси: социологический аспект // Кафедра социологии БГУ – 20 лет: сборник научных трудов / БГУ; Под ред. А.Н. Данилова и др. – Минск: Право и экономика, 2009. – 391 с. – С. 202–216.

50. *Новикова Л.Г.* Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления. – Минск: Изд-во «БТН-информ», 2001. – 168 с.

51. *Иванов В.А., Трофимов Я.Ф.* Религии в Казахстане: Справочник. - 2-е изд., перераб. и доп. - Алматы: Аркаим. - 2003. – 238 с.

52. *Артемьев А.И., Колчигин С.Ю., Цепкова И.Б.* Религии в Казахстане: Хрестоматия в 2-х частях. Часть 1. – А.: ТОО Антей, 2002. – 436 с.; Часть 2-я. А.: ТОО Антей, 2003. – 460 с.

53. *Трофимов Я.Ф.* Церковь саентологии. Опыт религиоведческого анализа. – А.: ИД «Казахстаника». – 2006. – 96 с.

54. *Артемьев А.И.* Свидетели Иеговы Казахстана и Средней Азии: ист.-религиовед. анализ.— 2-е изд., перераб., доп.— Алматы: ИД «Кочевники», 2010. — 352 с.

55. *Нысанбаев А.Н., Артемьев А.И., Колчигин С.Ю.* и др. Религия в политике и культуре современного Казахстана. – Астана: Елорда, 2004. – 312 с.

56. *Косиченко А.Г., Курганская В.Д.* Ислам и исламские лидеры в южном Казахстане // Научно-исследовательский отчет. – Алматы: Центр гуманитарных исследований. – 2005.

57. *Джалилов З.Г.* Ислам и общество в современном Казахстане. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2006. – 204 с.

58. *Шаповал Ю.В.* Трансформация религиозной идентичности и новые религиозные движения // Религия и гражданское общество: конфликты религиозной идентичности и интеграционные процессы в гло-

бализирующемся мире: материалы X международного семинара (16–20 ноября 2011 года г. Ялта). – Севастополь: Вебер, 2012. – С. 248–258.

59.*Дунаев В.Ю.* Потенциал неконфессиональных форм мировоззрения в противодействии религиозному экстремизму // Мир человека. – № 2(52). – С.85–96.

60.*Карин Е.Т.* Есть ли в Казахстане терроризм и какой? //www.respublika-kz.info/news/politics/36127.

61.*Шибутов М.М., Абрамов В.В.* «Терроризм в Казахстане — 2011-2012». Доклад. // http://conjuncture.ru/shibutov_report_27-1-2012/, дата обращения: 01.07.2014.

62.Эволюция нетрадиционных для Казахстана религиозно-мистических и мистико-оккультных воззрений: методическое пособие // Сост. Умирзакова Л.А., Асанбаев М.Б. – А.: УВП г. Алматы, ЦСГИ «Аспкт М», 2011. – 166 с.

63.Сайт Комитета по делам религий Министерства культуры и спорта Республики Казахсстан. Режим доступа: http://www.din.gov.kz/rus/religioznye_obedineniya/?cid=0&rid=1491

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану институты туралы мәлімет

Институт 1999 жылдың ақпан айында 1958 жылы ашылған Философия және құқық институтының және 1991 жылғы Философия институтының негізінде құрылды. Ол 2012 жылдың мамыр айында ҚР Үкіметінің қаулысымен Философия, саясаттану және дінтану институты болып қайта аталды.

Институттың мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекеме ретіндегі негізгі міндеттері қазіргі қазақстандық қоғамның зияткерлік және рухани-адамгершілік әлеуетін дамытуға бағытталған философиялық-дүниетанымдық, философиялық-әдіснамалық, саясаттанулық, дінтанулық және әлеуметтанулық зерттеулер жүргізу болып табылады.

Бүгінде Философия, саясаттану және дінтану институты жоғары кәсіби ғылыми-зерттеу орталығы болып табылады. Институт оның құрылымын айқындайтын үш басты бағыт бойынша жұмыс істейді: философия, саясаттану және дінтану. Онда ҚР ҰҒА 1 академигі, 2 корреспондент мүшесі, 21 ғылым докторы, 12 ғылым кандидаты, 3 PhD докторы, 13 PhD докторанты және 7 магистрант ғылыми-зерттеу жұмыстарымен айналысады. Олардың ішінде 5 PhD докторант және 6 магистрант 2014 жылы «Ғылым Ордасының» базасында ҚР БҒМ ҒК ҒЗИ-нің әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-мен бірігіп жүргізетін ғылым мен білімнің интеграциясы жобасы шеңберінде магистратура мен докторантураға оқуға түсті.

Институт 2012–2014 жылдарға арналған «Елдің зияткерлік әлеуеті» басым бағыты бойынша гранттық қаржыландыру шеңберінде 24 ғылыми-зерттеу жобасын орындайды. «Ғылыми қазына» салааралық ғылыми бағдарламасы аясында зерттеу жұмыстарын, 2013–2015 жылдарға арналған «Қазақстан-2050» Стратегиясын және ғылыми ілеспелеу бойынша Тақырыптық жоспар аясында зерттеулер жүргізеді.

Институт қызметкерлері саясат, ғылым, білім беру, мәдениет, дін, қазақ және әлемдік философия мәселелері бойынша монографиялар мен ғылыми мақалалар жариялайды. Институт қызметкерлерінің

ғылыми жарияланымдары таяу және алыс шетелдердің ғылыми рейтингтік басылымдарында сұранысқа ие.

Институт «Мәдени мұра» бағдарламасының шеңберінде «Шығыс Аристотелі» – әл-Фарабидің шығармалар жинағын (10 том), «Әлемдік философиялық мұраны» (20 том), «Қазақ халқының философиялық мұрасын» (20 том) шығарды.

Институт ҚР БҒМ Білім және ғылым саласындағы бақылау комитеті ұсынған екі журнал шығарады: «Адам әлемі» (1999 жылдан бері) және «Әл-Фараби» (2003 жылдан бері). Қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі Институттың өз сайты бар.

Институт үнемі халықаралық ғылыми конференциялар, дөңгелек үстелдер, семинарлар, пікірталас алаңдарын өткізіп тұрады. Бұл іс-шараларға қазақстандық және шетелдік ғалымдар қатысады. Институт Ресейдің, Беларустің, Әзірбайжанның, Қырғызстанның, Қытайдың, Германияның, АҚШ-ның, Түркияның, Иранның, Өзбекстанның, Тәжікстанның және басқа да елдердің ғылыми-зерттеу орталықтарымен тығыз ынтымақтастық орнатқан.

Философия, саясаттану және дінтану институтының базасында әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Абай атындағы ҚазҰПУ, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, ХБА және т.б. жетекші қазақстандық жоғары оқу орындарының магистранттары мен PhD докторанттары тағылымдама мен зерттеу тәжірибесін өткізеді.

Институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми тұрғыда өсуі үшін барлық қажетті жағдайлар жасалған.

Философия, саясаттану және дінтану институты туралы анағұрлым кең ақпаратты мына мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010,
Алматы қаласы, Құрманғазы көшесі, 29 (3 қабат)
Тел.: +7 (727) 272-59-10
Факс: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
http://www.iph.kz

Информация об Институте философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Институт был образован в феврале 1999 г. на базе созданного в 1958 г. Института философии и права, преобразованного в 1991 г. в Институт философии. В мае 2012 г. постановлением Правительства он был переименован в Институт философии, политологии и религиоведения.

Основной задачей Института как государственного научно-исследовательского учреждения является проведение философско-мировоззренческих, философско-методологических, политологических, религиоведческих и социологических исследований, направленных на развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала современного казахстанского общества.

Сегодня Институт философии, политологии и религиоведения является высокопрофессиональным научно-исследовательским центром. Институт работает по трем ключевым направлениям, определяющим его структуру: философия, политология и религиоведение. Здесь проводят научные исследования 1 академик, 2 члена-корреспондента НАН РК, 21 доктор и 12 кандидатов наук, 3 доктора PhD, 13 докторантов PhD и 7 магистрантов. Из них 5 докторантов PhD и 6 магистрантов в 2014 г. поступили в магистратуру и докторантуру PhD НИИ КН МОН РК совместно с КазНУ им. аль-Фараби на базе «Ғылым ордасы» в рамках проекта интеграции науки и образования.

В Институте на 2012–2014 годы по приоритету «Интеллектуальный потенциал страны» выполняется 24 НИПа в рамках грантового финансирования, ведется работа в рамках междисциплинарной научной программы «Ғылыми қазына», проводятся исследования в рамках Тематического плана по научному сопровождению Стратегии «Казахстан-2050» на 2013–2015 годы.

Сотрудниками издаются монографии и научные статьи по вопросам политики, науки, образования, культуры, религии, казахской и мировой философии. Научные публикации сотрудников Института востребованы в научных рейтинговых изданиях ближнего и дальнего зарубежья.

В рамках программы «Культурное наследие» Институтом изданы собрание сочинений «Аристотеля Востока» – аль-Фараби (10 томов), «Мировое философское наследие» (20 томов), а также «Философское наследие казахского народа» (20 томов).

Издаются два журнала: «Адам әлемі» (с 1999 г.) и «Аль-Фараби» (с 2003 г.), рекомендованных Комитетом по контролю в сфере образования и науки МОН РК. Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

Институт регулярно проводит международные научные конференции, круглые столы, семинары, дискуссионные площадки, в которых принимают участие казахстанские и зарубежные ученые. Институт тесно сотрудничает с крупнейшими научно-исследовательскими центрами России, Белорусии, Азербайджана, Кыргызстана, Китая, Германии, США, Турции, Ирана, Узбекистана, Таджикистана и других стран.

На базе Института философии, политологии и религиоведения проходят стажировку и исследовательскую практику магистранты и докторанты PhD ведущих казахстанских высших учебных заведений, таких, как КазНУ им. аль-Фараби, КазНПУ им. Абая, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, МАБ и др.

В Институте созданы все необходимые условия для профессиональной работы и научного роста сотрудников.

Более подробную информацию об Институте философии, политологии и религиоведения можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010
Алматы, ул. Курмангазы, 29 (3 этаж)
Тел.: +7 (727) 272-59-10
Факс: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
http://www.iph.kz

Information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

The Institute was established in February 1999 on the base of established in 1958 the Institute for Philosophy and Law, and the Institute for Philosophy in 1991. By the Decree of Kazakhstan Government in 31 May, 2012, Institute was renamed to Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The main objectives of the Institute as a public research institution are conducting of philosophicalworld outlook, philosophical-methodological, political studies, religion studies and sociological studies aimed at social-cultural and socialpolitical development and strengthening the independence of Republic of Kazakhstan, development its intellectual and spiritual-moral potential.

Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies is a highly skilled scientific research center. Institute has a three key directions that define its structure: philosophy, political science and religion studies. Currently, scientific research works is conducted by 1 Academician, 2 Correspondent Member of the National Academy of Science of RK, 21 Doctors of science, 12 Candidates of Science, 3 PhD doctor in Political Science, 13 PhD Students and 7 Master Students. In 2014 5 PhD students and 6 Master's students enrolled in master's and doctoral PhD training programs of SRI CS MES RK in cooperation with the al-Farabi Kazakh National University on the basis of the «Gylym Ordasy» within the frameworks of science and education integration project. 24 scientific-research projects within the framework of grant financing for 2012–2014 years on priority of «Intellectual potential of the country» are being conducted, also the works within the framework of interdisciplinary scientific research program «Gylymi kazyna» are being carried out in the Thematic Plan on scientific support of the Strategy «Kazakhstan – 2050» for 2013-2015.

Institute employees publish the monographies and articles on important issues of politics, science, education, religion, culture, Kazakh and world philosophy, etc. The quality of scientific publications of the

Institute is determined by the demand for scientific articles in rating' journals of near and far abroad.

Under the «Cultural Heritage» State Program ten-volume collection of works called «Aristotle of the East» – al-Farabi, twenty volumes «World philosophical heritage», twenty volumes «The Philosophical Heritage of the Kazakh nation», and other books were published by the Institute.

Institute publishes two magazines: «Adam alemi» and «Al-Farabi» recommended by the Committee for Control of Education and Science of RK that been published since 1999 and 2003. The Institute has its own website in three languages: Kazakh, Russian and English.

Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies science regularly organizes international scientific conferences, seminars, round tables, where not only leading Kazakhstani political scientists and philosophers, but also many scientists from foreign countries are participants. Institute has cooperation with scientific-research centers of Russia, China, Germany, USA, Turkey, France, Great Britain, Iran, Azerbaijan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Belarus and others.

Undergraduate Master's degree and Doctorate students from leading Kazakh universities, such Al-Farabi KazNU, Abai KazNPU, Abylaikhan KazUIR&WL, IAB and others are conducting their research work and are trained at the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The Institute has created all necessary conditions for professional and scientific development of employees.

More detailed information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies can be found at:

Republic of Kazakhstan, 050010
Almaty, Kurmangazy Street, 29 (3rd floor)
Phone: +7 (727) 272-59-10
Fax: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
http://www.iph.kz

Научное издание

ТРЕНДЫ НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ (опыт социогуманитарного измерения)

Монография опубликована в авторской редакции

Компьютерный дизайн и верстка ***Г. Нусипова***

Подписано в печать 27.11.2014.
Формат 170х240 $^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. *л*. 12,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «ИП Волков А.И.»
г. Алматы, пр. Райымбека, 212/1.